

МОДА НА ВОЛШЕБСТВО

Роза
для
Пялача

ФРАНЦИСКА ВУДВОРТ

Annotation

Каждый из нас носит маску. Любимый жених может оказаться подлым изменником, случайный знакомый – палачом тайного Ордена, и даже родная мать хранит тайны, которые навсегда разрушат привычные представления о мире. Могла ли обычная женщина, врач-нейрохирург, подумать, что спасение тяжелораненого больного навсегда изменит ее жизнь? И теперь ей предстоит избежать покушений, разобраться в своих желаниях и найти силы поверить в любовь. Но цена счастья может быть неизмеримо дорогой...

- [Франциска Вудворт](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Эпилог](#)
-

Франциска Вудворт
Роза для Палача

Глава 1

Самолет в очередной раз ощутимо трянуло, и Богдан чертыхнулся про себя, закрывая ноутбук. Хотел поработать, но невозможно сосредоточиться. Еще и сидящая через проход любовница седовласого бизнесмена на любую дрожь самолета реагировала громкими всхлипами, разносящимися на весь салон бизнес-класса. К ним уже несколько раз подходила стюардесса, принося то попить, то заверить истеричку, что все хорошо. Бизнесмен погладил свою спутницу по руке, а она уткнулась ему в плечо, дрожа от страха. Такая трогательная сцена...

Богдан подавил циничную усмешку. Даже если самолет упадет, эта двуличная кошка приземлится на все четыре лапы. Он презирал стерв, разыгрывающих из себя наивных, беззащитных крошек, но мужчины в возрасте на таких ведутся. Ему под шестьдесят, а ей примерно двадцать пять, хотя одеждой и умелым макияжем подчеркивает свою юность и хрупкость. Пока она вся такая воздушная, не приспособленная к жизни, но стоит заполучить колечко на палец, как покажет акульки зубки. Ждут мужика ветвистые рога и проблемы с сердцем. Уже сейчас эта стервочка успевает строить глазки. Под предлогом сильного страха поменялась местами с любовником, сев к проходу. Смешно. Жметя к старику, а сама жалобным взглядом поедает Богдана, безмолвно взывая более сильного самца защитить ее и успокоить.

«Нет, детка, эти игры не для меня!» – усмехнулся про себя Богдан и перевел взгляд на свою соседку, сидящую рядом. Вот ее не пугал иллюминатор, спокойно смотрела через стекло. Даже когда самолет очередной раз трянуло, ее лицо не изменилось.

Интересная девушка, и лицо неуловимо знакомо. Элегантная блондинка с хорошей фигурой. На вид тоже не больше двадцати пяти, и она не старается казаться моложе, чем есть. Одета внешне не броско, но вещи дорогие. Кольца на пальце нет, но, скорее всего, состоит в отношениях. Когда садилась, вежливо поприветствовала соседа и больше не старалась привлечь к себе внимание.

Почувствовав на себе взгляд, повернула голову. Богдан оценил ее естественную красоту и благородство черт, напомнившие небезызвестную актрису Грейс Келли. Их опять трянуло.

– Не бойтесь?

– Нет, – мягко и понимающе улыбнулась незнакомка. – Все мы когда-

нибудь умрем. Разбиться в самолете – не самая страшная смерть. Несколько минут свободного падения, и все.

Через проход громко икнули от страха, и весьма натурально, в отличие от разыгрываемого до этого спектакля.

– Давайте не будем о плохом, – подал голос бизнесмен, обнимая любовницу и заботливо протягивая ей стакан с водой.

– Занятно, – задумчиво произнес Богдан. – Люди к пониманию этого обычно приходят в более зрелом возрасте.

Незнакомка ничего не ответила, лишь улыбнулась с оттенком грусти, чем еще больше заинтриговала.

– Не хотелось бы выглядеть навязчивым, извините за любопытство, но у вас хорошо поставленный, приятный голос и лицо смутно знакомое. Вы певица?

– Да. Я пела в одной молодежной группе, – без всякого жеманства призналась девушка и тут же сыронизировала: – Но это было так давно, что помнят меня смутно.

– Неужели вы бросили петь?

– Нет, скорее делаю это теперь больше для души. Я пою в клубе.

– В Москве?

– Да. В PiKasso.

– Котик, помнишь, как я хотела туда! – Любовница бизнесмена вышла из образа умирающего лебедя, и глаза ее азартно заблестели. Теперь на певицу она взглянула заискивающе, а не свысока. – А можно попасть к вам на выступление?

– Конечно. Я буду петь завтра. Оставьте свои визитки, я отдам администратору, чтобы внесли в список гостей.

– Спасибо! – чуть не захлопала в ладоши от счастья красотка.

Визитку бизнесмена протянули Богдану. Он достал и свою.

– Буду благодарен, если запишете и меня. Очень хотелось бы вас услышать.

– Life savior? – девушка заглянула в его визитку. – Наслышана об этом благотворительном фонде. Вы делаете много хорошего.

– Благодарю. Позвольте представиться, Богдан.

– Эвелина.

Девушка протянула руку для пожатия, но Богдан встал, чтобы ее поцеловать.

Взгляд зацепился за украшение на шее. Крупная серебристая змейка кусала себя за хвост, а темные глаза таинственно поблескивали.

«Платина и бриллианты, авторская работа», – отметил Богдан.

Странно, что при неброской одежде на шею надела целое состояние. Такое украшение больше гармонировало бы с вечерним платьем.

– У вас интересное украшение.

– Бижутерия. – Рука легла на голову змеи и привычным жестом погладила ее.

Богдан не стал развивать тему, но вопросы множились. Женщины склонны преувеличивать стоимость своих украшений, но никак не принижать их.

– Я Анжелика, – сообщила содержанка бизнесмена, протянув руку. Богдан пожал ее, не вставая с места. – А я люблю благородные металлы.

«Если ты дешевка, это не исправить и фунтами золота», – мысленно поморщился Ковальский.

– И лучшие друзья девушек – бриллианты! – продолжала фонтанировать умными мыслями Анжелика, бросая влюбленный взгляд на своего «котика». Кстати, Богдан сомневался, что это ее настоящее имя. Такие особы считали слишком простым именоваться Машами или Наташами, предпочитая более звучные имена.

Чисто по-женски уязвленная, что ей руку не поцеловали, красотка решила уколоть Богдана. Наивно хлопая ресницами, поинтересовалась:

– Вы работаете в благотворительном фонде. То есть ходите по организациям и собираете деньги?

Прозвучало так, будто сам Богдан ходит по улице и подбирается.

– Не совсем так, – спокойно ответил он. – Моя семья является основателем благотворительного фонда, который действует по всему миру. Вместе с нами его финансируют крупные концерны и известные люди. Наши партнеры исчисляются десятками тысяч, и это они приходят к нам. Как видите, в мире много желающих помочь ближнему. А также существенно снизить налоги, – пошутил он.

– Налоги... это так скучно, – кокетливо сморщила носик красотка. Как только узнала, какое положение он занимает в компании, – сразу сбавила тон.

– Тогда вас больше интересуют благотворительные вечера, которые мы устраиваем. Их посещают многие известные и богатые люди, они широко освещаются в прессе и на телевидении, – тщательно скрывая насмешку, произнес Богдан.

Глаза у собеседницы загорелись неподдельным интересом. Она уже видела себя на экранах и на снимках в журналах. Даже на очередную встряску самолета не обратила внимания, повернувшись к своему любовнику:

– Котик, а твоя компания участвует в благотворительности? Это же, наверное, еще и хорошая реклама?

«А не такая уж она и дура», – отметил Ковальский. Притворяется хорошо, но он правильно ее раскусил в самом начале.

«Котика» их фонд ожидаемо заинтересовал, и они обменялись визитками.

– Ваша организация помогает больным? – спросила Эвелина.

– Да, мы спасли многие жизни.

– А тем, кому требуются дорогостоящие лекарства? Людям с редкими заболеваниями?

– Конечно, но каждый случай рассматривается индивидуально. К нам приходят миллионы заявок. К сожалению, всем помочь мы не в состоянии. У вас кто-то болен?

– Знакомая, – нехотя призналась Эвелина.

– Что за болезнь?

– Редкая. Лекарства очень дорогие. У нее есть шанс получить помощь?

– Я так сразу не скажу. Пусть подаст заявку, ее случай изучат.

– Хорошо. Я ей передам, – кивнула девушка и замкнулась, отвернувшись к окну.

Богдана заинтересовало, о ком она говорила. Речь шла не просто о знакомой, слишком лично отреагировала.

– Это ребенок?

– Дети в приоритете? – вопросом на вопрос ответила Эвелина, с какой-то усталостью посмотрев на него.

– За ними будущее.

– Я понимаю. – Новая знакомая вымученно улыбнулась и закрыла глаза, отвернувшись, еще сильнее интригуя.

Несмотря на плохие погодные условия, посадка прошла спокойно. В аэропорту его встречал Кристоф Морено. При взгляде на сияющее лицо испанца Богдан вспомнил прошлый свой визит в Россию. Именно тогда пришло анонимное письмо с обвинениями в адрес приятеля, и они подтвердились. Ковальский сам допрашивал владелицу скверны, и та рассказала много интересного перед смертью. Тогда он не дал делу ход, похоронив в огне все улики против одноклассника, понимая его мотивы. Влад Савицкий стал главой Московского филиала, заняв место, на которое претендовал сам Кристоф, и Морено в отместку Ордену затеял собственную опасную игру. Савицкий и самому Богдану не нравился, и если бы не прегрешения Кристофа, он мог бы поднять вопрос на Совете и его сместить, но не стал этого делать. В наказание Кристофу.

Коротко поздоровавшись, они пошли на выход.

– Зная, как ты не любишь гостиницы, я снял тебе коттедж, в котором ты в прошлый раз останавливался. Может, устроим сегодня вечеринку? Отметим твой приезд. Я таких малышей знаю...

– У меня сегодня планы, а вот завтра мы идем в клуб.

– И в какой же? – заинтригованно спросил Кристоф, слишком хорошо зная друга. На первом месте для него работа, и если он вот так с порога целенаправленно куда-то собрался, значит, есть наводка на скверну.

– В PiKasso.

– Туда не просто попасть, но у меня есть связи.

– У меня они тоже есть, – загадочно улыбнулся Богдан. Они как раз вышли на улицу, и он увидел Эвелину. Девушка садилась в джип. Лица встречающего он не разглядел, но фигура показалась знакомой. Мужчина, закрыв за Эвелиной дверцу, обошел автомобиль и сел рядом с ней на заднее сиденье.

Кристоф посмотрел, что так привлекло внимание друга, и скривился, произнеся сквозь зубы, едва не выплюнув:

– Савицкий.

– Кто?

– Савицкий, – глядя вслед отъезжающему автомобилю, повторил Морено. – Наверное, за своей певичкой приезжал. С ума по ней сходит.

– Забавно, – усмехнулся Богдан.

– О да! Уже давно на ней зациклился.

– Лицо знакомое. Она вроде пела в какой-то группе?

– Да. Ушла на пике популярности. Наверное, любовника богатого нашла.

– Не Савицкого?

– Нет, он тогда во Франции работал. Хотя, может, они за границей встретились. Не знаю.

– Как это ты ее не увел у него?

– Нужна мне эта ледышка! – презрительно поморщился испанец, давая заподозрить, что попытки все же были. Желая избежать неприятной темы, сменил ее: – Ты, как всегда, сразу работать? Подвезти в фонд или заглянешь в офис?

– Давай заедем в прокат автомобилей, – не стал разубеждать его Ковальский, хотя на сегодняшний день у него были другие планы, которые Морено невольно нарушил. Богдан планировал снять гостиницу, принять душ и уже оттуда незаметно исчезнуть, но так даже лучше. Дорогу в коттеджный поселок он хорошо помнил и, если будет «хвост», заметит.

Нужно еще посмотреть, как далеко оттуда до нового дома Ирен. Встречи с замужней сестрой, которая пошла против воли отца и от которой тот отрекся, Богдан не только не афишировал, но и держал в тайне.

В прокате Ковальский выбрал себе седан «Мерседес» S-класса и, взяв у Морено ключи от дома, расстался с ним, договорившись встретиться на следующий день. Пошел снег, и Богдан с неудовольствием подумал, что если так пойдет и дальше, придется в коттедже самому его чистить. Это в городе быстро тает, а посторонних людей на свою территорию без особой необходимости Ковальский приглашать не любил. Еще неплохо бы заехать в магазин и купить что-нибудь из одежды. Россия – не Европа, он забыл, что здесь холоднее.

На первый взгляд в особняке все осталось по-прежнему. Заняв ту же спальню на втором этаже, что и в прошлый раз, Богдан освежился с дороги и пошел осматривать дом, заодно проверяя на возможные средства слежения. За исключением внутренней охраны, все было чисто, только в гостевой спальне он нашел камеру, реагирующую на движение.

Достав телефон, набрал Морено.

– Не понял, что за шутки?

– Так и знал, что найдешь! – хмыкнул тот. – Будь другом, оставь до завтра. Я сегодня рассчитывал, что мы отметим встречу, и собирался зажечь с одной малышкой.

– Собираешь коллекцию, чтобы просматривать, когда станешь немощным? – поддел его Богдан, крутя камеру между пальцев.

– С моей наследственностью этого бояться не стоит. Мой дед и в восемьдесят пять двух любовниц имел.

– Тогда еще успеешь видео записать, – хмыкнул Ковальский, ломая камеру.

– Зачем! – горестно вздохнул Морено, по звуку поняв, что чуду техники пришел конец.

– Не стони. А то я не знаю, что у тебя их как грязи. Только не надо ее в мой дом тащить!

– Ты же его снимаешь.

– Не важно, – отрезал Богдан и отключился.

Телефон тут же затрезвонил вновь, и, не глядя, Ковальский ответил резко:

– Не испытывай мое терпение! Иначе затащу тебя в тренажерный зал и выбью всю дурь.

– Уверен, что справишься, сынок? – вкрадчиво поинтересовался Вацлав, и Богдан мысленно выругался.

– Извини, это я не тебе.

– Как долетел?

С замужеством сестры отец сильно сдал и стал больше интересоваться его жизнью. Раньше такие мелочи Вацлава не беспокоили.

– Все хорошо.

– Звоню сказать, что у тебя карт-бланш на любые действия. Разберись, что у них там творится.

Ситуация с главным офисом в Москве была тревожная. Аналитики и ищейки носом землю рыли в поисках скверны, по крупицам собирали информацию о владелицах вещей, но стоило выйти на объект, как с тем случался несчастный случай, и вещь исчезала. Последнее удачное дело – это то, которое вел сам Богдан в прошлый раз. Он тогда лично доставил перчатки и шляпу в Орден. Остальные найденные владелицы, судя по отчетам, или сгорали в огне вместе с вещами, или бесследно исчезали. Три случая нельзя было игнорировать. Возникло подозрение, что кто-то собирает коллекцию, и все нити вели в Московский филиал. Но карт-бланш?!

– С чего такая щедрость?

– Протекция Милоша. Кстати, на Рождество жду тебя дома. Я пригласил его к нам с дочерью. Надеюсь, ты меня в этот раз не разочаруешь? Мы ждем, что после праздников ты объявишь о помолвке.

Богдан мысленно витиевато выругался на латыни. У отца появилась идея фикс его женить и получить внуков. Если от прежних невест пусть и не без труда, но он избавлялся, то вот Магистр Милош был слишком влиятельной фигурой в Ордене, чтобы отмахнуться от союза с ним. Если два старика уже спелись, то свободе Богдана пришел конец. Он понимал, что отказ жениться воспримется как личное оскорбление, и семья Ковальских приобретет влиятельного врага.

– А как же Хан? Его ты не приглашаешь?

– Не хочу говорить о нем, – ледяным тоном отрезал отец, не простивший, что из-за промедления воспитанника он лишился дочери. Хана отлучили от дома, и общался с ним Вацлав теперь только по работе. – И, Богдан, я знаю, что Берт сейчас в России. Даже не смей!

Стиснув зубы, Богдан с силой сжал телефон, подавляя гнев. Даже имя Ирен в их семье теперь под запретом! Отец вычеркнул ее из своей жизни и требовал, чтобы и сын поступил так же.

– Я услышал тебя, – холодно ответил Вацлаву, не собираясь ничего обещать, и нажал отбой. Разговор с отцом привел в ярость. Хотелось отшвырнуть телефон, разбив на мелкие кусочки. Но, к сожалению, от

свалившихся на голову проблем так легко было не отмахнуться.

Послав сестре сообщение о визите, Богдан сразу к ней не поехал. Изучив через интернет район, в котором она жила, вначале поколесил вокруг, проверяя, есть ли «хвост», затем прошелся по магазинам. Хорошо, что Ирен с мужем остановились в центре. Он без труда подобрал себе новую одежду. Пальто, шляпа и очки изменили его внешний вид до неузнаваемости. То, что слежки за собой он не обнаружил, еще ни о чем не говорило. Наблюдать могли и за квартирой сестры, поэтому рисковать нельзя. В таких вещах он предпочитал быть параноиком.

Оставив машину на стоянке у торгового центра, пешком прошел два квартала до ее дома и с неудовольствием окинул взглядом пятиэтажку и серый, унылый двор. Привыкший к самому лучшему, он и подумать не мог, что Ирен живет в таком месте. Берт обанкротился, раз не может позволить себе ничего лучшего?!

Нажал домофон, втайне надеясь, что Ирен напутала с адресом, но услышал ответ сестры и с брезгливостью потянул на себя дверь подъезда. Ни чистота внутри, ни добротная дверь квартиры не примирили его с этим домом. Ирен здесь не место!

Не успел он позвонить, как сестра распахнула дверь и с радостным визгом прыгнула к нему на шею, не обращая внимания на маскарад и хмурый вид. Обнимая ее, Богдан отметил, что она заметно поправилась.

«Хоть ест нормально», – с облегчением отметил Ковальский и шагнул в квартиру, собираясь серьезно с ней поговорить. Но стоило ему отодвинуть Ирен, как он потерял дар речи, и все заготовленные слова, что крутились на языке, вылетели из головы.

– И-и-и-и-и!!! Глазам не верю! – радостно взвизгнула сестра и опять повисла у него на шее.

– Я тоже, – хрипло отозвался Богдан, испытывая настоящую потребность присесть.

– Ты об этом?

Она отодвинулась и с любовью погладила свой округлившийся живот. Богдан бы многое дал, чтобы это была очередная шутка сестрички и под платье она себе засунула футбольный мяч.

– Я решила, что такие новости нужно сообщать лично.

О да, от этой новости казалось, что у него взорвался мозг. Факт беременности младшей сестры отказывался укладываться в голове. Она, пусть давно совершеннолетняя, для Богдана все еще оставалась шаловливым подростком, слишком юным для интимной жизни. Боги, они что, не предохранялись?!

– Но как?!

– Богдан, мне объяснить тебе, как ЭТО происходит? – весело изумилась Ирен.

– Не надо! – дернулся он. После таких подробностей сестра бы точно стала вдовой. Ему и так хотелось придушить Берта. – Лучше скажи, почему ты молчала, что у вас плохо с деньгами?

– С чего ты взял?! – сделала большие глаза Ирен, выглядя искренне не понимающей.

– С чего? Оглянись! Ты живешь в дыре!!!

Хваленая выдержка Богдана трещала по швам. И пусть улыбка на лице сестры померкла от обиды, он не мог молчать. Да стоило только написать, и он бы обеспечил ее всем необходимым!

– Богдан, это Москва! И цены на жилье в этой «дыре» в центре заоблачные.

– Ты не понимаешь? Тебе нужен свежий воздух, покой...

– Да жила я в этом покое! – не выдержала уже Ирен, повысив голос. В носу запершило, а радость от встречи с братом сходила на нет. – Партнеры Берта выделили нам шикарный коттедж за городом. Так я там волком на третий день завыла! Берт на работе целый день, а я от тоски плесневею. И мало того что работает он допоздна, так еще и в пробках часами торчит по дороге обратно. Мы не выдержали и переехали в эту корпоративную квартиру. И бизнес-центр его рядом. Не надо часами ждать с работы и утром в несусветную рань вставать. А еще здесь парк рядом, магазины, кафе, люди. Жизнь бурлит!

Богдан смутился. Посмотреть с этой стороны ему даже не пришло в голову, но объяснения Ирен звучали вполне разумно.

– У вас точно нет проблем с деньгами? – все же переспросил он.

– Я сейчас пну тебя! – в сердцах сказала сестра. – У меня безлимитная карточка. Скажи, сколько наличных мне снять в банкомате, чтобы ты не задавал идиотских вопросов?

– Прости, – поднял он руки, сдаваясь, так как Ирен выглядела воинственно.

– Ладно, хватит в коридоре торчать. Идем, я тебе кофе сделаю, – буркнула она в ответ.

– Я бы выпил чего покрепче.

– Обойдешься! Будешь пить кофе в наказание. Мне его нельзя, так хоть аромат понюхаю.

Сестра продолжала ворчать, оглянувшись на него через плечо, а потом и вовсе развернулась, уперев руки в бока.

– Нет, у тебя совесть есть? Я так ждала, как ты удивишься...

– Поверь, тебе удалось меня удивить, – искренне подтвердил он.

– Как обрадуешься, что станешь дядей, – с нажимом продолжила Ирен, – начнешь меня поздравлять.

– Я стану дядей... – повторил за ней Богдан, все еще не веря, а потом дал себе пинка. Еще немного – и он всерьез обидит сестру. Натянув на лицо улыбку, шагнул к ней, бережно обнимая. – Прости, не могу поверить.

Что вообще говорят в таких случаях?! Всегда знающий, что сказать, сейчас он растерялся.

– Рад за тебя. Очень рад.

– Я так по тебе соскучилась! – расслабилась в его руках Ирен.

– И я по тебе, принцесса.

Оттаяв, сестра повела его за собой на кухню и сразу подошла к кофемашине. Оглядевшись, Богдан увидел, что не все так печально, как он думал. Современная просторная кухня с хорошим ремонтом и полным набором кухонной техники.

– У вас повар есть?

– Богдан! – одернула его Ирен, закатив глаза. – Мы можем нанять хоть десяток поваров или завтракать, обедать, ужинать в ресторанах! Но мне нравится самой готовить Берту завтраки или баловать вкусным ужином после работы. С ним я впервые почувствовала, какой должна быть нормальная семья, и мне это нравится.

– Ты готовишь?! – округлил глаза Богдан.

– Да, представь себе, научилась! И если не перестанешь провоцировать меня, даже попробуешь. Скоро уже Берт подъедет, и сядем за стол.

Ирен поставила перед братом на барную стойку кофе и, оценив его внешний вид, достала из шкафчика бутылку и плеснула немного в чашку.

Сработал таймер в духовке, и пока она отвернулась, Богдан скосил глаза на бутылку, испытывая желание выпить чистый продукт, без примеси кофе. Но тут Ирен достала из духовки противень с запеченным мясом, и кухню заполнил божественный аромат, напомнивший ему, что он не ел целый день.

И все же, глядя на беременную сестру, внутренне он не мог смириться. Она же так хотела свободы! Учиться, заняться каким-то делом, а в итоге оказалась привязанной к мужу домохозяйкой. Беременной, босой и у плиты. А еще в памяти всплыли некоторые знакомые из Ордена, у которых были беременные жены, и их пренебрежительные отзывы о них – «инкубатор с ножками» и «жирная корова» были самыми приличными. В

душе поднимался гнев. Ведь его сестра не такая! Она должна была блистать, наслаждаясь полной жизнью, а не хозяйничать на кухне с довольным видом. От этого счет к Берту лишь возрастал. Ковальский отпил горячий кофе, не чувствуя вкуса.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно.

– Берт! – просияла Ирен, снимая фартук и спеша на выход.

С мрачным видом Богдан отставил чашку и вышел за ней в коридор.

– Как поживают мои девочки? – с порога спросил зять, притягивая к себе жену, как самое дорогое, и жадно целуя, будто бы они не виделись месяц.

– У нас будет мальчик! – уверенно возразила сестра, отфыркиваясь и высвобождаясь.

– Нет, у нас будет еще одна такая же вредина, как ты. Я жадный, хочу, чтобы меня с двух сторон окружали красотки. Дай пять, дочурка. Поздоровайся с папой! – Он приложил руку к животу, шевеля пальцами.

– Берт, щекотно! – захихикала Ирен.

Наблюдая за шутливой перепалкой, которая происходила явно не в первый раз, Богдан почувствовал, как екнуло сердце. Вся злость на Берта испарилась без следа. У сестры было то, чего она бы никогда не получила, выйдя за кого-нибудь из их круга. В их среде ценились только мальчики, а с рождением девочки даже не поздравляли, чтобы не расстраивать еще больше отца.

– Вы еще не узнавали пол ребенка? – спросил он их.

– О, привет, Богдан! С приездом! – заметил наконец шурина Берт. – А зачем? Пусть будет сюрприз. Для Ирен. Все равно я знаю, что это будет девочка.

– Мальчик! – тут же возразила жена, на что он стремительно поцеловал упрямыцу и стал раздеваться.

– Я не сильно опоздал?

– Нет, Богдан недавно пришел. Видел бы ты его лицо, когда он мой живот заметил.

– Я же говорил, что нужно было раньше сказать. А то вот так приедет в гости, а тут уже детвора бегают. Кстати, чем у нас так вкусно пахнет?

– Мясо. Мои руки, а я сейчас, – встрепенулась Ирен и, несмотря на выпирающий живот, козочкой ускакала на кухню.

Берт подошел и пожал руку, но не отпустил. Тихо, чтобы не услышала жена, с упреком сказал:

– Я понимаю, что ты занят и часто приезжать не получается, но почаще звонить-то можешь? Ирен скучает.

– Кто бы говорил. Сам днями работаешь, а Ирен одна. Хоть бы прислугу нанял!

– Думаешь, я не предлагал? – Берт отпустил его руку. – Ей НРАВИТСЯ делать все самой. Говорит, что гормоны требуют вить гнездышко и чужих на своей территории она не потерпит.

В последнем Ирен была так похожа на самого Богдана, что у него дернулась щека.

– Она даже пыль вытирает с таким видом, как будто проходит квест. Я чуть не поседел, когда утром застал ее балансирующей на стуле и протирающей люстру. Совсем о себе не думает, – устало пожаловался Берт. Было видно, что он беспокоится за жену.

– Рожать она здесь будет? – с неудовольствием спросил Богдан. – Вы ребенка СЮДА принесете?

– Нет, конечно. Не предполагал, что с партнерами все так затянется. Дома у нас уже готова детская. Тут она наблюдается в хорошей клинике, и еще беременность наш врач ведет. Ирен пересылает все анализы.

– Я не понимаю, что, никто не голоден? – в коридоре появилась сестра с большим блюдом.

– Дай помогу, – бросился к ней Богдан, забирая тяжесть из рук.

– Я беременна, а не немощна, – проворчала сестра, но блюдо отдала.

Когда они сели за стол в гостиной, Богдан не сдержался и завел разговор о том, что ценит ее самостоятельность, но сейчас ей лучше не быть одной и стоит нанять компаньонку.

– Я подумаю. Кажется, у меня появилась идея, кто это может быть, – хитро улыбнулась Ирен, и они переглянулись с Бертом.

– Дай ее имя, я проверю через нашу службу безопасности.

– Богдан! – возмутилась сестра и тут же захихикала. – Поверь, ее уже проверили со всех сторон, тщательнее некуда.

Вроде бы и успокоила, но вид у нее был настолько хитрый, как будто смеется про себя над какой-то шуткой.

– У меня такое чувство, что ты что-то недоговариваешь, – пристально посмотрел на нее Богдан.

– Я вот не понимаю, мы столько не виделись и будем говорить о моих подругах? Расскажи лучше, как ты? Как Хан?

Богдан понял, что она просто меняет тему, не желая отвечать, но не стал пока настаивать. Они провели замечательный вечер. Удивительно, давно ему не было так хорошо. Даже в их родовом особняке дома он не чувствовал себя настолько расслабленно, как в семье сестры. Они проговорили допоздна. Уходить никуда не хотелось, и Богдан с сожалением

отклонил приглашение пары остаться переночевать у них. Не хотел стеснять, да и машину у торгового центра стоило забрать. Тепло распрощавшись и договорившись вскоре увидеться, они расстались.

Глава 2

В такие дни я особенно сильно ненавидела столичную слякоть. Недавно выпавший снег растаял местами, и нога в модном замшевом сапожке поплыла прямо в лужу. С трудом устояла, нелепо взмахнув руками, но вот сапог намочила, и теперь мало того что на серой замше образовалось некрасивое мокрое пятно, так еще и внутри противно хлюпало. Выйдя за территорию больницы, я понуро поплелась на автобусную остановку.

В сумке зазвонил телефон, и пришлось искать трезвонящий аппарат, старательно обходя лужи. После сложной операции пальцы не слушались, я чуть не уронила мобильник, поймав в воздухе и не совсем вежливо гаркнув:

– Да!

– Розочка моя, куда же ты сбежала, – услышала знакомый приятный баритон.

«Уже не твоя», – возразила про себя со злостью, ненавидя, что до сих пор реагирую на его бархатные нотки в голосе.

– Константин Михайлович, у меня дежурство закончилось. Что-то срочное? Был сложный случай, я с ног валюсь.

«Причем в прямом смысле этого слова», – добавила мысленно.

– Зачем же так официально? Давай я сегодня заеду, и мы поговорим.

– Константин Михайлович, нам не о чем с вами разговаривать. А все рабочие моменты мы будем решать на работе.

– Розочка...

– Роза Валерьевна, если на то пошло!

– Ну почему ты такая упрямая? – вздохнули в трубку, и я явственно представила, как он в этот момент снял дизайнерские очки и знакомым жестом потирает переносицу. Очки, которые я ему выбирала и цену заплатила сумасшедшую!

«Дура!» – окрестила себя и решила прекратить разговор.

– Мой автобус подходит.

Даже врать не пришлось. Как по заказу вдалеке появился мой номер.

– Все еще боишься ездить?

От неприкрытой заботы в голосе захотелось волком завывать.

– Мне пора, – и скинула звонок, проглотив ком в горле. Если после смены я была вымотана физически, то сейчас еще добавилась моральная

усталость. Не могу я больше так. Не могу! Если бы не приросла корнями в эту больницу, давно бы уже ушла. Но, возможно, у меня просто не останется выбора. Давление со стороны Кости лишь усиливалось. Он был убежден, что я остыну и образумлюсь, а я с каждой услышанной сплетней о нем лишь становилась тверже в своем решении.

Что за люди? Раньше, когда мы с ним встречались, никто и слова лишнего не говорил, а теперь каждый считал своим долгом донести, кому он улыбается, с кем ужинал, кто слишком долго у него в кабинете задержался и вышел взъерошенной. Разве теперь мне есть до этого дело? Где логика? А еще бесили внимательные взгляды, отслеживающие мою реакцию на каждую сплетню. Мне и так было нелегко, а с необходимостью постоянно держать лицо стало просто невыносимо.

Выводило из себя, что с нашим расставанием весь женский коллектив оживился. Конечно, такой завидный холостяк оказался свободен! Молод, красив, машина, квартира, сейчас заведующий отделением, но это не предел. Флаг бы всем в руки! Но Костя не собирался оставлять меня в покое, не стесняясь, демонстрировал внимание, и женщины стали поглядывать на меня косо. Так и читалось во взглядах: «Упустила? Так отойди в сторону и не мешай нам». Как будто это я за ним бегала!

Зайдя в автобус, я села у окна, с тоской глядя в окно. Может, плюнуть на все и уйти к Стасу в его платную клинику? Звал он меня неоднократно, но душа не лежала. Что меня там ждало? Политика вытряхнуть как можно больше денег из клиента, навязывая услуги? Да, зарплату с муниципальной больницей не сравнить, но деньги интересовали меня в последнюю очередь. Не умею я разводить на деньги даже тех, кто не глядя способен заплатить.

Вот и с Кости за шесть лет наших отношений я ничего не требовала. Даже подарки на день рождения принимала смущенно, досадуя, что он потратился. Одежду покупала себе сама, жила на свои средства, даже машину купила без посторонней помощи. За шесть лет мы так и не съехались с ним. Мне нужно было присматривать за братом. Казалось, мы и так вместе работаем, зачем еще и жить? Я еще радовалась, что оставляем немного свободного пространства друг другу и поэтому наши отношения не скатились к привычке. Боже, как же я была слепа!

И с чем я осталась? С каждым днем все труднее удавалось подавлять депрессию. Мне почти тридцать, ни мужа, ни детей, ни даже собаки. Встречаясь с Костей, я не думала об этом, а вот с его уходом образовалась пустота, которую нечем оказалось заполнить. Да и детей мы не

планировали. Куда? Сначала работали как сумасшедшие, желая утвердиться, заработать себе репутацию. Помогала Косте с его диссертацией, чтобы он получил ученую степень. Радовалась за него, как дура, когда его назначили заведующим. Сама я не была амбициозна и пропускала мимо ушей сочувствующие реплики о том, что более достойна повышения. Мне нравилась хирургия, и вешать на себя еще управление я не хотела. Меня и так все устраивало, к тому же считала, что свои амбиции должен реализовывать мужчина, и всячески помогала ему в этом, ведь мы были парой.

Парой... Как горько теперь это звучит. Невыносимо то, что за столько лет я так привыкла к присутствию Кости в своей жизни, что теперь казалось – потеряла часть тела, собственноручно проведя ампутацию. Часто ловила себя на мысли не забыть ему что-то рассказать, на желании позвонить, поделиться пришедшей идеей по теме диссертации. И почему еще не придумали анестезию для чувств? Даже пропадаая на работе и смертельно уставая, не могла выбросить из головы мысли о нем. Да даже сейчас!

«Сколько можно?» – спрашивала сама себя и не находила ответа.

Домой добралась на автопилоте. Как назло, лифт опять не работал, и на шестой этаж пришлось подниматься пешком.

В прихожей меня ждал бардак. Макс опять разбросал свои вещи. Создавалось впечатление, что спешно раздевался в коридоре. Ночью пришел с очередной подружкой? Стащив с себя сапоги, пошевелила заледеневшими пальцами на ногах. Нужно забраться в горячую ванну, если не хочу заболеть, и лечь спать.

Заглянула на кухню, но оставленная на столе еда и бутылки из-под шампанского отбили желание заходить и делать себе чай. Выведенная из себя устроенным срачем, пошла к Максиму, распахнула дверь. Брат спал на животе, развалившись в форме звезды на всю кровать. Один.

Ладно, пусть живет. Негласное правило не вынуждать меня встречаться по утрам со своими подружками он соблюдал железно. Мне хватило пары раз столкнуться с пассиями братца, чтобы поставить ультиматум. Я не собираюсь после смены ждать, когда его подружка соблаговолит освободить ванную, терпеть, когда дефилируют в моих халатах или берут мою косметику. А однажды красотка чуть не спалила нам кухню, когда попробовала приготовить ему завтрак.

Сама я придерживалась таких же правил. Костю к нам никогда не водила, предпочитая оставаться у него. И Максиму квартиру освобождала, и сама не маячила у него перед глазами. Пусть он уже давно не мальчик, но

демонстрировать свои личные отношения я смущалась. К тому же Макс терпеть не мог Костю, постоянно его задирали и говорили гадости. Тот всегда относился к выпадам брата снисходительно, объясняя это ревностью. А я теперь задумалась: может, Макс чувствовал в нем гнильцу и поэтому не любил?

Отмокнув в ванне, я хоть немного ожила. К брату заглянула в уже более благодушном настроении.

– Макс, подъем! – потормошила его, стаскивая одеяло.

– У меня нет первых пар, – не открывая глаз, пробормотал он и попытался сцапать одеяло, но я была шустрее.

– Пока ты встанешь, уже вторая начнется. Подъем! Хорош голым задом светить.

Отсутствие белья указывало на наличие очередной подружки, которую он додумался выпроводить. Или сама ушла. Надо бы свою комнату проверить, а то нынешние девушки бывают донельзя любопытные и нос суют, куда их не приглашали.

– Хочешь, чтобы я посветил чем-то иным? Ни-ни, ты мне сестра! – пробурчал братец, обнимая подушку.

Можно подумать, ему есть чем меня удивить. Вздохнув, задницу его все же прикрыла, а вот подушку отобрала. Не зря он так в нее вцепился, знает мои методы.

– Ты садистка! – проворчал Макс.

– А ты поросенок! Я спать, убери оставленный срач. Чтобы я встала, и все сверкало!

Отдав указания, с чувством выполненного долга пошла на выход. Знаю его – сейчас еще минут двадцать повалится и отдерет себя от кровати. И тут мне в спину прилетело:

– Отсутствие постоянного секса плохо влияет на твой характер.

Развернувшись, швырнула отобранной подушкой. Брат с блаженной улыбкой заполз на нее, обнимая.

– Нет, то, что бросила своего придурка – молодец, но уже пора найти кого-нибудь хотя бы для тела... м-м-м... с твердой ориентацией, – бурчал он, не открывая глаз. – Как врач ты должна понимать, насколько это важно.

– Макс, говорю как сестра – у тебя пять минут, после которых на твою голову обрушится ледяной душ.

Благодушное настроение исчезло без следа. Еще не хватало от него такое выслушивать!

– Зараза!

Братец разлепил глаза и обиженно посмотрел на меня. С взъерошенными светлыми волосами и челкой, падающей на глаза, выглядел он донельзя милым, но я не дрогнула. Знает, что не шучу, прецеденты были.

– Это ты мне? – сузила глаза.

– Юлька, зараза, не убралась, – быстро исправился он, называя имя последней подружки. – Обещала же. Наверное, и сама проспала.

Я хмыкнула и вышла. У себя переоделась в любимую флисовую пижаму, которую Макс обозвал «антисекс», но в которой до безумия приятно спать. Да и ладно, выпендриваться мне не перед кем. Спала я всегда беспокойно, крутась-вертась, и частенько просыпалась оттого, что одеяло сбилось и замерзла. В пижаме хоть есть шанс выспаться.

Сев к туалетному столику, расчесала волосы, которые стригла до плеч, и с неудовольствием посмотрела в зеркало. После смены бледная, как поганка. Голубые глаза посерели из-за усталости, губы потрескались. Мало того что я их во время операции кусала, есть у меня такая дурацкая привычка, так еще и обветрились. Красотка еще та! Только рыжие волосы пламенеют ярким пятном, наградил же бог наследственностью. Макс-то в мать пошел, натуральный блондин, а я не пойми в кого.

Как призналась родительница, я – результат студенческой вечеринки. Самое удивительное, что в их группе ни одного рыжего не наблюдалось, и кто мой отец, она до сих пор не знает. Пить надо меньше! Но не скажешь же такое матери.

Зато хоть Макс у нас законный отпрыск. Дядя Дима, владелец продуктового магазина, за годы после развода вырос до Дмитрия Сергеевича, владельца сети ресторанов, о сыне не забывал и периодически подкидывал ему на карточку или вытягивал из передраг.

Эх, надоели мне его загулы! По-хорошему, нужно разменивать нашу трешку и жить отдельно, взрослые уже люди, но Макс категорически отказывается. Ему даже отец предлагал на совершеннолетие квартиру купить, но он попросил машину.

Конечно, гораздо удобнее выставить надоевшую подружку, страшая злой сестрой, чем выяснять отношения. Ценит свою свободу, зараза, и гоняет теперь на «бэхе»-тройке, счастливый до безумия и постоянно что-то в ней улучшая.

Шаги в коридоре сообщили о том, что братец встал, и я подавила улыбку. Теперь можно и самой с чистой совестью ложиться. Но прежде потянулась к крему, увлажнила массажными движениями кожу на лице и шее, а потом и на руках. Нужно перестать хандрить и заняться внешним видом. Обидно, что бывший цветет, а я совсем себя довела. Пора

встряхнуться.

– Роззи!

Постучавшись, в комнату заглянул Макс.

– Еще не спишь? А я тебе тут травок с медом и имбирем заварил.

В качестве примирения выставил перед собой чашку. Подлизал! Обычно он меня «Роуз» зовет, а если напортачил, то «Роззи», как в детстве. Но забота была приятна. Знает же, чем меня подкупить, обормот.

– Тащи сюда, – кивнула, принимая подношение.

– А Миха твой телефон спрашивал, – сообщил братец, ставя передо мной чашку.

– Это тот, у которого рука была сломана и теперь что-то ноет? – Я отпила из чашки, блаженно закрыв глаза от аромата. – Пусть приходит к нам в больницу, посмотрим.

– Сказал бы я, что у него ноет, – пробурчал себе под нос брат, но стоило мне открыть глаза, сделал невинное лицо. – Ты разве не поняла, что рука – это повод? Он когда тебя увидел, слюной весь коврик у меня в машине закапал.

– Если проблемы со слюной, то это не ко мне, – фыркнула в ответ, а потом уже серьезно посмотрела на брата. – Я не поняла, ты мне своих мажоров сватаешь?

– Почему сразу сватаешь? Развлекись!

– Ну знаешь... Детьми не увлекаюсь!

– Ему двадцать три, приехал из Лондона не так давно, сейчас на фирме у отца пашет. Девчонки на него гроздьями вешаются.

А ничего, что мне двадцать семь?!

– Супер! Зови к Новому году, поставим вместо елки, и украшать не надо.

– Да ну тебя! – обиделся брат и пошел на выход. Но у двери обернулся и сообщил: – Я ему твой номер все же дам.

– Давай. Поработаю навигатором и отправлю его по пешему маршруту, мне несложно.

Макс скрылся, а я отхлебнула чай, задаваясь вопросом: «Неужели я настолько безнадежна, что младший брат мне уже своих друзей подсовывает?!»

* * *

Сквозь сон пробился настойчивый звонок телефона, и я на ощупь

нашла сотовый.

– Да.

– Привет! Звоню напомнить, что в субботу у меня день рождения. Я вас обоих жду! – раздался до противного бодрый Иркин голос.

– Мы расстались, – спросонья буркнула я.

– Да ладно! Ты шутишь?! Давно? Почему молчала?

Вопросы посыпались градом, и тут только до меня дошло, КОМУ я это сказала. Щебетунья Ирина не умела хранить секреты, и теперь об этом узнают все. Все равно что рассылку бесплатную сделала по всем контактам. Кардиолог от бога, она и в обычной жизни интересовалась сердечными делами других. Но в плане всего, что касается работы с клиентами, она могила, не зря ее у себя Стас держит. Его статусным больным не понравилось бы, если бы их имена трепали. Правда, мне от этого не легче.

– Он нашел другую? Или ты ушла?

От того, что второй вопрос прозвучал с сомнением, стало вдвойне обидно. Я даже глаза открыла и выругалась, увидев на экране время.

– Ирин, я со смены, только два часа спала. Давай перезвоню вечером? – глухо простонала в трубку.

– Может, теперь к нам перейдешь?

– Я приду, – пообещала ей, сбрасывая вызов. Стараясь вернуть безмятежность сна, укрылась с головой одеялом и решила обо всех проблемах подумать потом.

И вот только уснула, как вибрация телефона добралась до меня и через подушку. Игнорирование не помогло, и я, пошарив рукой, вытащила сотовый.

– Да, – буркнула в трубку, не открывая глаз.

– Роза, это правда?

Стас. Кажется, Ирочке не понадобилось много времени, чтобы донести до него новости. Вот что за человек?! Интересно, на работе она работать не пробовала, вместо того чтобы сплетни разносить?

– Угу.

– Я так рад!

Нет, я знаю, что Стас с Костей друзьями не являются, но чего так явно нашему разрыву радоваться? Тем не менее мой ответ разнообразием не отличался.

– Угу. Стас... сплю я.

– К Ирке в субботу идешь?

– Угу.

- Давай я за тобой заеду, как раз поговорим обо всем.
- Угу.
- А потом поедем ко мне и займемся страстным сексом.
- Угу.
- Ты исполнишь все мои фантазии.

Сонный мозг воспринимал информацию как сквозь вату, и до меня доходило с опозданием, но все же дошло.

– Твои фантазии... – мечтательно протянула я хриплым со сна голосом. – Сказать, куда можешь их засунуть?

Стас рассмеялся таким мужским смехом:

– Обсудим это при встрече. Рад, что против секса ты ничего не имеешь.

– Стасик, я спать хочу и тебе сейчас что угодно пообещаю... и забуду.

– Зараза! Мне же работать, а я представляю тебя в постели, такую расслабленную... мягкую... Давай приеду?

– Зачем?! Встречай клиентов, пусть видят, как ты рад им, – хмыкнула я, а потом посоветовала: – Осчастливь одну из своих девочек, сбрось напряжение. И не мешай мне спать.

Нажала отбой и отключила телефон. Уткнувшись в подушку, усмехнулась. Болтовня со Стасом приободрила. Может, и правда заявиться с ним к Ирочке? Если она пригласит Костю, то будет кем от него прикрыться. Заодно и позлую его, он всегда Стаса недолюбливал.

«Хм, как вариант», – успела подумать я и провалилась в сон.

* * *

Вернувшись в коттедж, Богдан не находил себе места. Новости от отца и беременность Ирен порядком выбили его из колеи. Мысли были заняты отнюдь не предстоящей работой. Впервые тишина в доме и одиночество не успокаивали. После уютного семейного гнездышка в квартире сестры снятый дом потерял свое очарование и казался пустынным, слишком большим для него одного.

Глядя сегодня на сестру с мужем, он задумался о том, что такой и должна быть семья. Где муж просто радуется ребенку, не стыдится демонстрировать свои чувства и любовь к жене. Все же Ирен сделала правильный выбор, отказавшись играть по навязанным правилам и вырвавшись из их круга.

Собственная помолвка уже не казалась дикой идеей отца. Пусть он не

думал раньше об этом, но благодаря беременной Ирен понял, что не имеет ничего против детей, и был согласен, чтобы они и у него появились. Возможно, радостное ожидание рождения новой жизни оказалось заразно, коснувшись и его.

Признаться, Богдан не любил бывать дома. Натянутые отношения между отцом и матерью и холодная атмосфера в фамильном особняке не вызывали желания приезжать в гости. К тому же слишком много неприятных воспоминаний из детства хранят его стены. Но он не отец, строгий приверженец правил, и от него зависит, какие отношения построит в собственной семье. Стоит все же взглянуть на выбранную невесту и узнать, что она собой представляет. Зря сразу этого не сделал, но навязываемая девушка поначалу попросту взбесила. Сейчас он успокоился и взглянул на ситуацию иначе.

Выйдя из бассейна, где сбрасывал напряжение перед сном, Богдан вытерся и, обмотав бедра полотенцем, поднялся наверх к ноутбуку за информацией.

В базе хранились данные на всех членов Ордена и их семей. К тому же у него есть доверенные, обязанные лично ему люди, которые достанут данные о любом человеке. Пора поближе познакомиться с невестой.

«Могло быть и хуже», – первая мысль, когда на экране возникла фотография Марии Ларентис. Дочь Милоша от первого брака оказалась похожа на отца. Такая же широкая в кости, невысокого роста. Богдан посмотрел на ее данные: всего метр шестьдесят восемь. Девушка была сфотографирована в летнем платье и балетках на фоне морского берега. Каштановые, слегка вьющиеся волосы заплетены в две косы. Лицо без следа косметики, симпатичное, глаза карие, нос немного курносый, но смотрится мило. Фигура пышная, но пропорциональная. Грудь полного третьего размера, широкие бедра, но это хорошо, не будет проблем с рождением детей.

То, что невеста немного полновата, Богдана не оттолкнуло. В его постели перебивало множество изящных, стройных женщин. Неплохо, если жена окажется приятным разнообразием. Этакая домашняя девочка. От нее веяло семейным теплом, уютом. Будет приятно, если она станет встречать его дома, в окружении их детей.

Богдан еще раз пристально взгляделся в ее фотографию. Да, она определенно ему нравится!

Стал читать остальные данные. У Милоша сейчас второй брак и родился недавно сын. Так-так-так. А что же с первой женой? После рождения дочери начались проблемы по-женски, долго лечилась,

пробовали даже ЭКО, но неудачно. Погибла в автомобильной катастрофе. Не справилась с управлением. Внимательно прочитав отчет, Богдан усмехнулся. По протоколу она ехала одна, но он-то знает, что их женщин без охраны не выпускают. Значит, Милош устал ждать наследника и избавился от жены.

Теперь понятно, зачем хочет породниться с отцом. Ему нужен альянс, чтобы упрочить свое положение до взросления сына. Наверняка за Марией дается хорошее наследство, и они с Вацлавом уже все обсудили.

Так, а что же о самой Марии? Что любит? Чем увлекается? Богдан пробежал взглядом по строчкам. Недавно из монастыря. Считалась лучшей ученицей. Домоводство, вышивание, хорошо готовит. Хм, неплохой голос. Поет! В общем, и все. Это не их Ирен, любительница всего запретного и экстремального. На лыжах не каталась, на концерты не сбегала, охрану до инфаркта не доводила. Богдан оценил расслабленное лицо охранника, случайно попавшего в кадр, и усмехнулся. Их ребята с сестрой всегда были настороже.

О, любит балет! По возможности посещает все громкие премьеры. И тут у Богдана возникла идея. А что, если пригласить ее на русский балет в Большой? Было бы неплохо им познакомиться до Рождества. Чем больше он об этом думал, тем привлекательнее казалась идея.

Больше ничего стоящего он не нашел. Лишь обратил внимание, что с Милошем проживает сестра, старая дева. Ее жених погиб за день до свадьбы, и она до сих пор носит по нему траур. Взяла на себя функции секретаря брата. Прочитав фамилию погибшего, скривил губы. Ему попадались в архиве сведения о нем. Извращенец и садист, любящий издеваться над женщинами с особой жестокостью. Наверное, до Милоша дошла кое-какая информация, раз раздумал выдавать за него сестру. Как-то слишком подозрительно его водитель не справился с управлением автомобиля сразу после мальчишника. На котором жених, кстати, замучил подаренную ему стриптизершу.

То, что Ларентис защитил сестру, ему понравилось, но вот фантазией по способу устранения неудобных не блещет. Богдан сделал себе пометку изучить подробно его окружение и поискать еще похожие «несчастные случаи». Лишним компромат никогда не бывает. К тому же совсем не улыбается после свадьбы попасть в автомобильную аварию, оставив все жене. От Ирен отец отказался, и сейчас Богдан – единственный наследник всей империи. Вряд ли Милош не обратил внимания на этот факт. Это пока отец ему нужен, а кто знает, что будет через пять-десять лет.

Открыл фотографию Марии и откинулся в кожаном кресле,

разглядывая девушку. Да, стоит поближе познакомиться с ней. С ее отцом он справится, а если только заподозрит неладное, сам подстроит ему несчастный случай. Ведь вполне можно взять брата жены на воспитание, оформив опеку, и управлять всем от его имени. Жену и сестру Милоша в расчет не брал, в их среде женщинам такое не доверят.

«Самое смешное, что чем выше положение в Ордене, тем неуязвимее себя чувствуют Магистры, забывая, что на любой выпад можно получить ответ», – хмыкнул про себя Богдан.

Чуть подумав, набрал Хана. Брат ответил почти сразу вымученным голосом:

– Да.

– С тобой все в порядке?

– Вот ты знал, что в непрожаренном мясе куча паразитов? – вопросом на вопрос ответил Хан.

– Ты что-то подцепил? – хмыкнул Богдан. – Право, стареешь. Раньше ты девушек цеплял, а теперь...

– Да в порядке я! Но смотреть на мясо больше не могу, – рыкнул брат. – Ты по делу звонишь или поиздеваться?

– Говорить можешь?

– Да, – изменил тон Хан, сразу собравшись.

– Тогда сядь, если стоишь. Принцесса беременна.

– Да ладно! Так быстро... но как же... – не мог собраться с мыслями Хан. На заднем фоне раздался глухой звук падения чего-то.

– Вот и у меня такая реакция была, когда я живот увидел.

– У нее живот?! – с ужасом прошептал брат, не представляющий их мелкую егозу беременной.

– Да, такой... месяцев на восемь.

– И она молчала?!

– Решила, что такие вещи нужно сообщать лично. Я вот думаю, не приедь я сейчас, она бы меня с племянником потом знакомила.

– Будет мальчик?

– Они не знают. Берт хочет девочку.

– Как они? – после недолгого молчания спросил Хан, прекрасно понявший, как отличается муж Ирен от их круга.

– Счастливы.

– Рад за нее. Действительно рад. Отец знает?

– Нет. Он не хочет ничего слышать о ней, совсем закрылся. И ожесточился.

– Я с ним недавно разговаривал. По работе, – уточнил Хан, так как все

иное общение Вацлав с ним прекратил. – И это чувствуется. Я слышал, за любой промах спрашивает по максимуму. Если раньше упустившие объект отделялись порицанием, то сейчас могут высечь и понизить в звании. Это с его подачи.

– Знаю, младшим братьям сейчас нелегко. Я с ним сегодня тоже говорил по приезде. Собирается на Рождество познакомить меня с невестой.

– Очередная? – хмыкнул брат, прекрасно зная о том, как ловко уклонялся Богдан от попыток его женить. – Кто на этот раз?

– Ларентис.

– Stercus accidit! – выругался на латыни Хан. – Если хочешь, я отвлеку ее на себя.

– Спасибо! Но он, видимо, предусмотрел такой ход и это Рождество планирует провести в тесном кругу.

Богдан повернул разговор так, чтобы хоть как-то оправдать грубость отца, отказавшего от дома его названому брату, но тот все понял.

– Все еще зол на меня?

– Да. Ты же знаешь, как он относился к Ирен. Я и сам сейчас дома стараюсь не появляться, обстановка там невыносимая. Не переживай, вот женюсь, и внуки его смягчат.

– Ты шутишь?!

– Отнюдь. Все равно рано или поздно придется, а Мария – не самый плохой вариант.

– Уже Мария? Ты с ней знаком?

– Нет, но собираюсь это исправить.

– Даже не знаком... Знаешь, надеюсь, это у тебя временное помутнение рассудка на фоне акклиматизации.

– Посмотрим, – хмыкнул Богдан и по привычке прервал разговор, не прощаясь.

Глава 3

Стоя у панорамного окна и наблюдая с высоты за огнями большого города, мужчина продумывал линию дальнейшего поведения. Суэта мегаполиса с копошащимися, как муравьи, людьми всегда действовала на него успокаивающе, но не в этот раз. Приезд Палача стал неприятным сюрпризом. Ладно, первое время он будет занят, перетряхивая всю организацию и ища, за что зацепиться. Напрасно. Концы давно зачищены, и Палач только потеряет время.

Но как же все это не вовремя! Особенно сейчас, когда весь Орден растревожен известием о том, что объявилась собирательница скверны, и на нее открыта охота.

Пришлось задействовать все свои связи, по крупницам собирая информацию о ней. Как же она ему нужна! Ее поимка станет огромным рывком к намеченной цели, ведь от этого зависит жизнь его Ангела.

Мысли сменили направление, и на измученную тревогой душу опустилось умиротворение. Его жемчужина! Чистая настолько, что даже скверна не властна над ней. Она опровергала все, во что он раньше верил, и своим присутствием наполняла его жизнь светом и любовью.

И все же не стоило недооценивать Ковальского. Очень опасный тип с хорошо развитой интуицией и большими возможностями испортить ему жизнь. Пронзительный взгляд льдистых глаз был способен, словно рентген, вытряхнуть из человека всю подноготную. По-хорошему, его нужно убрать, но нельзя. Сейчас не нужна шумиха и разбирательства. Жаль, что он не сделал этого раньше. Всегда считал себя хищником, но Палач одним своим присутствием вызывал в нем дрожь на каком-то подсознательном уровне. Заставлял нервничать. За одно это его следовало уничтожить, но всему свой черед.

Первоочередная задача – дичь, за которой все охотятся, и у него появились идеи, как до нее добраться. План действий стал складываться, и на губах заиграла улыбка. Нет ничего страшного в том, чтобы немного нарушить правила, особенно если делаешь это чужими руками.

Звонок сотового отвлек, и он отрывисто ответил:

– Да... Повтори!!! – Внутри все похолодело, и руки предательски вспотели. – Следить за каждым шагом!

Сбросив вызов, прошел к столу и достал из ящика пачку сигарет.

Нервно закурив, выпустил струю дыма в потолок, стараясь решить, как быть. Что это? Хваленая интуиция или совпадение, долбаное стечение обстоятельств?

Докурив до фильтра и так и не определившись, понял одно – рисковать он не может. Вернее, придется рискнуть, радикально избавляясь от проблемы.

* * *

– К вам господин Морено, – сообщила секретарша.

– Пусть заходит, – разрешил Богдан, откладывая бумаги. – Нам два кофе.

Кристоф открыл дверь и замер на пороге, провожая взглядом девушку, которая встала из-за стола и направилась к кофемашине, покачивая бедрами. Переведя взгляд на Ковальского, разместившегося с документами за столом в кабинете Савицкого, расплылся в улыбке.

– Отлично смотришься! Не представляешь, насколько приятнее стало заходить сюда. Неужели сам тебе свое место уступил?

– Не знаю, я его сегодня не видел, но мне было предложено размещаться со всеми удобствами.

Савицкий решил сегодня не появляться в офисе, сославшись на дела, но приказал оказывать всяческое содействие гостю. Можно подумать, ему бы осмелился кто-то помешать. Богдан, не раздумывая, занял кабинет самого Савицкого. Чисто психологический ход, чтобы вызвать брожение в умах и заставить людей нервничать.

Кристоф оглянулся, бросив взгляд в сторону двери, и протянул:

– Я бы воспользовался некоторыми удобствами.

– Вот уж не думал, что ты будешь подбирать после кого-то, – хмыкнул Богдан. Сам он игнорировал явные намеки секретарши на более близкое знакомство, занятый изучением поднятых архивов.

– Ты прав, еще подцеплю что, – передернул плечами Кристоф. – Лучше сегодня в клубе расслабимся. Кстати, я заказал столик, – небрежно бросил он.

– Где? – рассеянно поинтересовался Ковальский.

– В PiKasso! – уязвленно воскликнул Морено, задетый его забывчивостью. – Только не говори, что забыл!

Богдан скрыл улыбку, подтрунивая над приятелем. Он не сомневался, что тот поднимет все свои связи, но сделает это. Еще помнил его удивление

от того, что Ковальскому удалось раздобыть приглашение в популярный клуб, и Кристоф не был бы собой, если бы не попытался обскакать. Богдан готов был поспорить, что и заказанный столик расположен в vip-зоне.

– Я думал сегодня подольше поработать... – Он скосил взгляд на бумаги, но, уловив изменившееся лицо Кристофа, перестал играть у него на нервах. – Но это подождет. Отметим встречу.

К тому же у Богдана был еще один повод отмечать. Утром он позвонил отцу и сообщил, что готов подумать над его предложением. И посмотреть на невесту желает до Рождества. Как вариант, предложил сходить с ней на русский балет.

Вацлав повозмутился, что это не дело и Богдану следует самому прилететь к ней и официально познакомиться, но тот проигнорировал недовольство отца и отрезал, что занят важным делом. Днем Вацлав перезвонил ему, сообщив о согласии Ларентиса. Мария прилетит с тетушкой. Осталось согласовать дату.

– Давай заедем поужинаем в спокойное место, расскажешь новости. Мы же так и не поговорили толком, – предложил Кристоф.

– Согласен.

Дверь распахнулась, и появилась секретарша с подносом.

– На сегодня все. Отнесите папки в архив, я завтра продолжу, – сказал ей Богдан, справедливо рассудив, что после клуба будет уже не до бумаг. Можно взять их домой и поработать утром, но заезжать к себе он не планировал, а оставлять такие документы в машине не стоит. К тому же планировал заявиться в офис с утра пораньше – посмотреть, во сколько приходит народ, походить по отделам и понаблюдать, как организована работа.

– А кофе? – промямлила секретарша. Богдан бросил на нее один лишь взгляд, и она смешалась. Чашки на подносе жалобно звякнули в дрогнувших руках.

Ковальский собрал свои записи и вышел из-за стола. Девушка застыла на пороге, так и не решив, нужно ли заходить или можно уйти.

– Вас завтра ждать? – мяукнула она.

– Меня ждать не надо, приходите на работу в обычном режиме.

– Во сколько вы будете? Я могу заказать документы из архива к вашему приходу.

Богдан бросил на нее пронзительный взгляд и понял, что такая настойчивость неспроста. Наверняка Савицкий хочет прийти пораньше и вернуть себе свой кабинет. Как пить дать устроит важное совещание или еще что-то, предоставив Богдану иное помещение.

– Не стоит. Не лучшая идея оставлять такие документы в пустом кабинете, – укорил Ковальский, идя на нее.

Девушка отступила, запнувшись каблуком о порог, и упала бы, если бы не реакция Кристофа, который был ближе и успел ее поймать. А вот кофе выплеснулся на белую блузку и грудь, и чашки полетели на пол.

«Зря она расстегнула пуговички, откровенно демонстрируя свои полушария», – отметил Ковальский. Сейчас кофе коричневыми ручейками устремился в ложбинку.

– Осторожнее! – Морено жестом фокусника достал белоснежный платок и приложил к груди, промокая. – Ты в порядке? Не обожглась?

При этом он расстегнул пуговички блузки до талии, с беспокойством осматривая загорелую кожу на предмет повреждения и зачем-то ощупывая грудь.

– Может, сделать холодный компресс?

– Я в порядке, – восстановив равновесие, спохватилась красотка, бросив на испанца возмущенный взгляд и отталкивая его руку с платком. Запахнув блузку, она выскочила из кабинета, но была остановлена Богданом.

– Пойдите! Закройте за нами кабинет. Когда приведете себя в порядок, отнесите документы в архив и лишь потом вызовите уборщицу.

Отдав распоряжение, он вышел. Морено, проходя мимо секретарши, подмигнул ей и поспешил за другом.

– Кстати, ты по какому поводу прилетел? – спросил Кристоф уже в машине Богдана. Свою он оставил на стоянке, так как после клуба планировал поехать к нему. – Вроде бы никого в последнее время не ловили.

– Да так, хочу кое-что проверить, – неопределенно ответил Ковальский. – Скажи, ничего выбивающегося из обычного не происходило?

– Вроде не слышал, – пожал плечами Кристоф. – Ты же знаешь, какие у меня отношения с Савицким, я у него бываю лишь по необходимости. Если только молодняк он совсем распустил. То сцепятся между собой и порежут друг друга, то гоняют так, что в лепешку.

Богдан кивнул, мысленно сделав себе пометку изучить все подобные случаи и проверить, в каких делах были задействованы перед смертью. Но внешне интереса к услышанному не показал, спросив:

– Так куда мы едем?

– Тут недалеко, в центре, знаю я одно приятное местечко.

Ехать действительно было недалеко, но с московскими пробками простоять пришлось изрядно. Ковальский притормозил у ресторана,

осматривая забитую парковку. Собирался уже проехать дальше, когда из дверей вышла молодая парочка и направилась к спортивному автомобилю. Высокий парень щелкнул сигнализацией и подошел к пассажирской двери, ухаживая за девушкой. Его светловолосая спутница чуть замедлила шаг, а потом на лице появилось озорное выражение. Она сгребла с капота снег и, быстро слепив снежок, запустила в плечо друга.

– Кристина?! – возмущенный таким коварством, в неверии воскликнул парень.

Та сделала невинное лицо, но при этом быстро слепила еще один снежок и с поразительной точностью послала вслед первому. На этот раз он задел подбородок.

– Ну, держись!

Захлопнув пассажирскую дверь, парень бросился к проказнице, а она, взвизгнув, побежала от него вокруг автомобиля. Незнакомка чем-то очень сильно напомнила Богдану сестру. Наверное, своим непокорным духом. Происходящее было настолько необычно, что они с Кристофом замерли. Красивая холеная девушка в норковом полушубке и на высоких каблуках, задорно смеясь, улепетывала, по пути сгребая с крыши авто снег и отстреливаясь.

Богдан не мог представить ни одну знакомую ему девушку, которая бы себя так непосредственно вела, дурачась на людях. Судя по вытянувшемуся и заинтересованному лицу Кристофа, среди его знакомых таких тоже не было.

– Как ты мог! – Девушка, обиженно потирая пятую точку, куда угодил снежок, развернулась к преследователю, но была тут же схвачена. Ее возмущения прекратили самым радикальным образом, запечатав рот поцелуем.

Она обняла парня, и некоторое время влюбленная парочка самозабвенно целовалась на зависть прохожим и сидящим в машине. Богдан видел множество откровенных сцен, но поцелуй этих двоих задел что-то в душе. Они были такие искренние, настоящие, без притворства – и потому казалось, что он сам что-то упустил в жизни. Ни одна знакомая модель или светская львица, с которыми он вынужденно появлялся в свете, не позволила бы себе такого поведения. Мало того, что им бы не пришло в голову поиграть в снежки. Они бы и не осмелились замахнуться на Богдана, да и запусти снежком в них сам Ковальский, его бы в тот же день засудили, раздувая скандал и желая стрясти компенсацию побольше.

По парню видно, что не беден. Дорогая одежда, машина, но даже такой прожженный циник, как Богдан, видел, что она с ним не ради денег. В

девушке видна порода, такую сложно купить, уж он-то разбирается в людях с первого взгляда. И есть между этими двумя нечто, от чего воздух между ними искрит. Особая светлая аура, от которой прохожие улыбаются, и даже швейцар на входе по-доброму усмехается в усы.

Да Богдан сам невольно улыбнулся, когда увидел, как блондинка опустила руку и на ощупь сгребла с машины немного снега, а потом коварно засунула за шиворот своему кавалеру.

Пронзительный автомобильный сигнал позади развеял волшебство, возвращая в реальность, и спас проказницу от наказания. Богдан помигал фарами, давая понять, что хочет припарковаться. Парень кивнул ему и погрозил девушке, наверняка обещая наказание. Та смущенно обернулась и пошла за ним садиться в машину. Но вдруг обернулась снова и прямо взглянула на Богдана, а потом на Кристофа – и изменилась в лице. Веселое и беззаботное выражение слетело, она побледнела, как будто увидела призрак.

– Ты ее знаешь? – спросил Ковальский, наблюдая, как незнакомка спешно садится в авто.

– Нет, такую бы я точно не забыл.

– А вот мне кажется, что она нас знает.

– Откуда? Может, смутилась, что мы наблюдали за их играми, – предположил Морено.

Богдан промолчал, провожая взглядом отъезжающий автомобиль и на всякий случай запоминая номер. На лице девушки было что угодно, но только не смущение. В памяти всплыла анонимка, полученная в прошлый приезд. Тогда к нему тоже обращались так, будто знают его, но на след автора не удалось выйти.

Морено во время ужина еще пытался развить эту тему, но Богдан умело уводил разговор в сторону, то касаясь дел, то просто вспоминая общих знакомых, а потом они отправились в клуб.

Возле PiKasso толпились желающие туда попасть. Это место действительно было популярным. Кристоф с самодовольным видом провел Богдана к отдельному входу для випов.

Оказавшись внутри, Ковальский с интересом осмотрелся. Уже по одному названию стоило догадаться, что клуб будет оформлен в футуристическом стиле. Ломаные геометрические линии соседствовали с плавными обтекаемыми формами и создавали фантастическое ощущение, что посетитель попал на космический корабль будущего. Везде сиренево-белые оттенки, приглушенный свет. Лишь белая полукруглая сцена у стены с яркой подсветкой.

Удобные мягкие диваны сиреневого цвета с высокими спинками добавляли комфорта, создавая эффект уединения. Овальные столики при желании могли крутиться, на них уже ждали дорогих во всех смыслах гостей бутылки шампанского во льду.

Официантами были вышколенные молодые парни, которые двигались с грацией танцоров. Голые мускулистые торсы украшали лишь сиреневые жилетки и черные бабочки. К ним подошел один принять заказ, и после его ухода Кристоф скривился:

– Не могли девок нанять! Смотреть не на что.

О да, Морено был настроен сегодня расслабиться и делать это предпочитал в окружении хорошеньких девушек, а не парней. Он немного оттаял, когда к столику подошла поздороваться с Ковальским знакомая парочка из самолета. Богдан представил их, и пока он общался с Борисом Александровичем, явно успевшим собрать информацию про благотворительный фонд, его спутница наслаждалась вниманием Кристофа. Тот даже умудрился незаметно всучить ей свою визитку.

Новый знакомый и хотел бы задержаться в их обществе подольше, но предпочел увести свою страсть от греха подальше – а вернее, от не в меру обаятельного испанца, который уже ощупывал фигуру красотки раздевающим взглядом.

Сам же Богдан ожидал выступления Эвелины и не разочаровался. Она спустилась на сцену, как ангел, в белом шелковом платье, на качелях, увитых цветами, и спела нежную песню о любви. Техническое оснащение клуба было на высоте, и во время выступления ее наряд менял свой цвет и длину, а в конце за спиной появились белые крылья.

При первых нотах сильного, проникающего в душу голоса Ковальский напрягся.

– Расслабься, ее проверяли, когда она была на пике карьеры, – усмехнулся Кристоф, расслабленно развалившись на диване и отпивая из бокала. – Стандартная процедура для всех звезд, ты же знаешь.

Богдан знал, но отметил на шее украшение в форме змеи, которое было на Эвелине в самолете.

– Интересное у нее украшение.

– Подарок Савицкого на какой-то юбилей. Не помню, то ли у нее самой, то ли в певческой карьере, она его в благодарность почти никогда не снимает, – просветил Морено.

– Занятно.

Еще Ковальский отметил, что в клубе певицу любят и принимают весьма благосклонно. Множество поклонников собрались у сцены.

Эвелина спела еще две песни и исчезла в клубах дыма, а ее место заняли танцовщицы.

– Это все? – удивился Богдан.

– Не знаю, – пожал плечами Морено, заскучав и став осматриваться по сторонам. – Пойду я прогуляюсь.

Богдан кивнул, находясь под впечатлением от выступления. Голос у певицы был красивый, запоминающийся – удивительно, что она ушла с большой сцены. Захотелось о ней побольше узнать. Странно, но чем-то его эта женщина цепляла.

Скучать одному долго не пришлось, вскоре вернулся Морено с двумя девушками. Незнакомки были одеты дорого и вели себя с достоинством, но на холеных лицах читалось: профессионалки. Возможно, в иной день Богдан и провел бы вечер в их обществе, но сегодня хотелось чего-то иного. Хорошо, Кристоф, все поняв по холодной реакции приятеля, быстро их увел.

– Я сегодня рассчитывал расслабиться, а не напиться в чисто мужской компании, – недовольно проворчал Морено, вернувшись.

– Как хочешь, но мне такие надоели до зубовного скрежета.

– Тебе нужно встряхнуться, – неожиданно воодушевился Морено. – Я тут видел двух подружек, отвязные девицы, умеют зажечь. У одной папа на нефтяной вышке сидит, вторая тоже наследница капиталов. Я сейчас.

– Нашел чем удивить, я наследника капиталов каждый день в зеркало вижу, – хмыкнул Богдан в спину испанца, но тот предпочел не услышать, хотя плечи напряглись. Только тогда Ковальский вспомнил, что сам Морено больше не является богатым наследником – после смерти отца капиталы семьи уплыли. Он не собирался напоминать о больном, поэтому решил, что кого бы ни привел с собой Кристоф, потерпит.

На этот раз испанец пропал надолго – наверное, охмурение пресыщенных крошек заняло больше времени. Но Богдан не скучал: увлекся действием на сцене, где среди танцовщиц эффектно появилась Эвелина в серебристом обтягивающем костюме и запела. Стоило признать, что она еще и великолепно двигалась, выделяясь даже на фоне профессиональных танцоров.

Ее гибкая фигурка завораживала, и он даже не сразу заметил приближение Кристофа, который с видом победителя подвел к столику двух блондинок, похожих, как сестры. Девушки держались раскованно и свободно и, в отличие от первых, светских львиц из себя не изображали, а были ими. С ними оказалось приятно поговорить, нашлись общие темы – отдыхали на одних горнолыжных курортах. Богдан даже вспомнил свое

участие в соревнованиях, посмеялись над разными забавными моментами.

Приятное общение решили продолжить у Богдана и компанией вышли на улицу. Путь к машине заступили четверо подвыпивших парней. Один назвал шлюхой спутницу Кристофа, и тот замахнулся на нахала. От удара пьяный ушел слишком профессионально, и на них кинулись всем скопом. По слаженным действиям четверки Ковальский оценил угрозу и ударил жестко, одного отталкивая ногой, а второму ломая челюсть и руку с зажатым ножом. Морено отбивался от двоих, и Богдан пришел к нему на помощь, обезвредив одного.

Девушки закричали, Кристоф дернулся и пропустил удар ножом. Ковальский отправил ногой в полет нападавшего и поймал пошатнувшегося испанца. А дальше все случилось в один миг. Морено посмотрел поверх его плеча и оттолкнул Богдана в сторону. В ту же секунду грудь Кристофа и голову прошили пули.

Все смешалось. Женские крики, бегущая охрана, а Богдан не мог отойти от истекающего кровью испанца. При этом мозг четко отслеживал детали. Он видел, как нападавшие спешно скрылись, но не погнался за ними. Стреляли не они. Работал снайпер, и жизнь им спасли девушки, перекрывавшие собой траекторию выстрелов. Они известные, богатые наследницы, и киллер не захотел рисковать. Не будь девушек – все бы выглядело как перестрелка в пьяной драке у клуба, а задержки хоть одного из нападавших, и не обнаружили бы ничего серьезнее ножа.

Но все это Богдан проанализировал потом, а пока оказывал первую помощь Кристофу, останавливая кровь. Хорошо, кто-то из зевак дал автомобильную аптечку. Несмотря на ранения, пульс прощупывался, и следовало дождаться «Скорой».

Девушек оттеснили охранники клуба, державшиеся до этого в стороне, и усадили в машины. Вовремя. Очень быстро приехал патрульный наряд, и Ковальскому стали задавать вопросы. Свои соображения насчет снайпера он оставил при себе.

Специалистов из Московского офиса Ордена задействовать тоже не планировал. Нет, разбирательством займутся его люди, а до этого пусть все думают, что он купился на постановку. Богдану было очень интересно, кому настолько сильно помешал его приезд, что спешно организовали покушение, и доверять местным он не собирался. Оставался вариант, что покушались на Кристофа, но маловероятный.

Приехавшая «Скорая» забрала Морено, а Ковальского увезли в отделение для дачи показаний. Богдан немедленно вызвал адвоката фонда, иначе его бы продержали всю ночь, гоняя вопросы по кругу.

Но действительно интересным представлялся только один вопрос: на что рассчитывал организатор покушения? Подделать отчет для Ордена о произошедшем или подкупить следствие для составления нужной картины случайной драки? Скорее второе. Отец после его смерти смог бы достать материалы следствия со всеми экспертизами и выводами.

Глава 4

Я балансировала на одной ноге, натягивая сапог, когда зазвонил сотовый.

– Да чтоб тебя! – выругалась сквозь зубы, едва не упав. После тяжелой смены меня штормило, и я хоть и жаждала оказаться на любой горизонтальной поверхности, но старый линолеум на полу не был пределом моих мечтаний.

Телефон надрывался, а я не могла понять где. Все перерыла, пока нашла его в кармане брошенного на стул халата.

– Да! – гаркнула я. Все же не очень приятно стоять одной ногой в тапочке, а второй в сапоге.

– Роззи, ты закончила?

– Я-то да, уже переодеваюсь, а ты чего мне с утра названиваешь? – спросила братца. Он в это время обычно или уже на парах, или дрыхнет, прогуливая, урывая остатки сна перед моим приходом. – Не успел выставить подружку и выясняешь, сколько у тебя времени в запасе?

– Я уже в институте! – оскорбился младший. – Хотел предупредить, что на улице гололед. Ты поосторожнее.

Сказав это, он отключился, а я с непониманием уставилась на себя в зеркало. И что это сейчас было? Странно и не похоже на Макса – звонить из-за такой ерунды...

Пригладила взъерошенные волосы, отмечая бледный цвет лица. Ярким пятном выделялись припухшие искусанные губы. Как будто я не из операционной сегодня выползла, а от любовника. Нет, нужно отвыкать от дурацкой привычки, но сегодняшней случай оказался настолько трудный, что я себя не контролировала, полностью сосредоточившись на пациенте. И вообще, какой смысл столько времени угробить в свой выходной в салоне красоты, чтобы опять выглядеть такой уставшей?!

Это все дурацкое желание почувствовать себя красивой женщиной, встряхнуться. Но после всех усилий выглядеть перед Костиком на все сто, а не разбитой одинокой женщиной на сегодняшней пятиминутке едва не уснула от усталости, и мне было уже плевать, как я выгляжу.

Я проковыляла ко второму сапогу и только стала его натягивать, как дверь распахнулась и влетела дежурная медсестра Людочка.

– Роза Валерьевна!!!

Меня опять повело, и я едва не упала от неожиданности. Не судьба

мне сегодня спокойно обуться. Натянув сапог, разогнулась.

– Что случилось?

– Вашего больного перевозят!

– Которого? – нахмурилась я. Вроде никто не планировал.

– Сегодняшнего! После операции.

– Что?! Ты уверена?

– Да! У него еще фамилия такая, не русская. Сейчас документы готовят.

– Он же в реанимации. Его нельзя трогать. Они с ума сошли?!

У меня от возмущения открылось второе дыхание. Забыв об усталости, я оттолкнула Людочку и буквально полетела к Косте. Его секретарша попыталась меня перехватить, но она еще только вставала из-за стола, что-то бляя насчет занятости шефа, а я уже распахнула дверь кабинета и забежала.

– Это правда?

Хотелось услышать новость от него лично.

– Роза Валерьевна, я сейчас занят.

– Я говорила ей! – прозвучало сзади.

– Я не уйду отсюда, пока ты мне не ответишь: это правда, что Морено перевозят?

– Да.

– Куда?!

Костя встал и сигнализировал мне глазами, чтобы я успокоилась, но мне было плевать на все его намеки.

– Ты понимаешь, что его нельзя трогать? Какой идиот это решил?

– Я, – прозвучало спокойно, с легким иностранным акцентом.

Только тогда я перевела взгляд на посетителя, который секунду назад сидел ко мне спиной и попивал кофе. Он встал, оборачиваясь лицом, а я так и проследила его движение, задирая голову вверх. Спортсмен, что ли? Или актер? Высокий широкоплечий блондин с несколько взъерошенной прической, придающей ему безумно привлекательный вид. Красив – этаким ледяной, сдержанной красотой. Кай с холодным сердцем. Да, у подобного экземпляра точно отбоя нет от желающих растопить лед в его организме.

Сейчас же все это холодное величие пригвозждало меня взглядом.

– Вы кто такой?

– Роза Валерьевна, познакомьтесь – Богдан Ковальский, представляет благотворительный фонд «Во имя жизни», – представил Костя и, заметив маячащих в дверях любопытных, попросил секретаршу выйти и закрыть дверь.

Предусмотрительно, так как молчать и уходить я не собиралась.

– При чем здесь фонд?! Разрешение на транспортировку дают родные. Где они? Я хочу поговорить с ними, увидеть бумаги.

Костя отвел глаза, и я поняла, что тут не все чисто.

– У вас нет причин для волнения. Господина Морено перевезут в лучшую частную клинику и обеспечат надлежащий уход, – не повышая голоса, сообщил представитель фонда.

– Где документы от родных? – с нажимом повторила вопрос.

– Господин Морено сирота, дальние родственники за границей, но он мой друг, и решение о его перевозке принял я.

Все ясно!

– Костя, почему ты не объяснишь этому идиоту, что пациента сейчас трогать нельзя? Морено пережил сложнейшую операцию, и транспортировка куда-либо на данный момент невозможна.

– Роза Валерьевна, покиньте кабинет! – ледяным тоном потребовал Костя.

– Нет! Я не для того его с того света вытягивала, чтобы по вине какого-то болвана он умер.

– Роза Валерьевна, вы немедленно извинитесь за свое поведение, иначе я буду вынужден вас уволить.

Что?! Я в шоке смотрела на Костика, не веря. Начальника со мной включил? Уволить?! Так со мной заговорил? Внутри все вскипело.

– Да подавись!

Обогнув чертова представителя фонда, подскочила к столу и, схватив чистый лист, а также ручку, подаренную когда-то мной, наклонилась и размашисто написала заявление по собственному. После чего повернулась обратно к гостю, угрожающе наставив на него указательный палец.

– А вас предупреждаю: я сейчас звоню следователю, который ведет это дело, и сообщаю, что вы под благовидным предлогом предприняли попытку убить господина Морено. Как его лечащий врач я против любой транспортировки больного и даю самые неблагоприятные прогнозы!

Красавчик бросил странный взгляд, как будто не веря, что я осмелилась ему угрожать, а потом шагнул ко мне, нависая.

– Этой ночью Кристоф закрыл меня собой от пули! Он мой друг, и я сделаю все, чтобы обеспечить его лучшим лечением.

– С такими друзьями и врагов не надо! – прошипела я в ответ. – Тронете его сейчас – убьете. И я вам этого не позволю! – предупредила на всякий случай. Сжимая кулаки, топнула для убедительности ногой.

Меня придавило взглядом серых, как сталь, глаз, но я не дрогнула, так

как чувствовала себя в ответе за жизнь, которую сегодня спасла. Не знаю, откуда взялись силы уверенно спросить:

– Мне звонить следователю или вы сами уберетесь отсюда?

– Роза! – одернул меня... бывший начальник, но я и ухом не повела. И даже не поверила, когда гость отступил, подхватил свое пальто и молча покинул кабинет.

– Что ты творишь?! – горестно воскликнул Костик, как подкошенный рухнув в свое кресло.

– Я?! – обернулась к нему. – Ты хоть понимаешь, что он не пережил бы транспортировку?

– Да и черт с ним! – махнули рукой мне в ответ, а я уставилась на своего бывшего во все глаза. Не замечая моего состояния, Костик продолжил сокрушаться: – Он всю ответственность брал на себя. Этот иностранец был настолько счастлив, что операция прошла успешно, что обещал нам спонсорскую помощь, дорогостоящее оборудование, сотрудничество. Ты хоть представляешь это? Но тут прибегаешь ты, орешь на него, и кто теперь купит нам оборудование?

Он потряс листком. Список необходимого составлял?..

– Ну кто тебя просил вмешиваться?!

Я смотрела на него и не узнавала. Когда он успел стать таким? Или я его никогда не знала? Стало противно.

– Еще это.

Костик скомкал мое заявление и выбросил в мусорную корзину вместе со своим листочком. В душе польстило, что об увольнении он не всерьез, ведь не зря я считаюсь одним из лучших нейрохирургов больницы, но вслух упрямо произнесла:

– Ничего, я еще напишу.

Работать с ним я больше не хотела. Уж лучше к Олегу уйду.

– Сейчас, помечтай! – со злостью выверился на меня Костик, превращаясь в незнакомца. – Ты кашу заварила, ты ее и разгребай. И если пациент умрет, я на тебя всех собак спущу! Да что я, за тобой этот придет и вытрясет твои куриные мозги, дура!

Угроза была серьезной. Если что не так, тип из фонда точно явится по мою душу, обвинив во всем. Внутри я содрогнулась, но показала своему бывшему средний палец и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Оделась я в кратчайшие сроки и поспешила на улицу. Хотелось сбежать подальше от вопросов сотрудников. Весть о моем скандале уже разлетелась, и всех мучил вопрос, чего я так завелась.

Самое паршивое, что, выскочив из больницы и вдохнув морозный воздух, сама задалась тем же вопросом. И раньше сталкивалась с безрассудством родных или самих больных, но так остро не реагировала, а тут задело за живое.

Сложнейшая операция, мы этого Морено едва не потеряли, но я упрямо твердила, что пристреленный красавчик будет жить. И я его вытащила! Но тут все мои труды коту под хвост из-за хотелок какого-то самоуверенного сноба.

И что их может связывать? Они же разные, как день и ночь. Один жгучий брюнет с тренированным телом, мачо, наверняка с горячим темпераментом, да меня бы женщины не простили, умри столь прекрасный мужской экземпляр на моем столе! А второй – просто арктическая глыба льда. Брр! Меня даже передернуло от одного воспоминания.

И надо же было в тот момент поднять голову и увидеть впереди, за шлагбаумом, стоящего у машины представителя фонда, имя которого я не запомнила. Он разговаривал по телефону и следил за мной глазами, а поймав мой взгляд, что-то коротко сказал в трубку и отключился. Засунув руки в карманы пальто, в упор уставился на меня. Я ощутила себя газелью, идущей в пасть льва.

Как назло, нога попала на скользкий участок и поплыла. Я бы умерла со стыда, растянившись на глазах у этого иностранца, но тут неожиданно меня подхватили под локоток, возвращая устойчивость.

– Осторожнее. Это тебе, – мне всучили в руки розу. Кремовую, как я люблю, на длинной-предлинной ножке.

– М-миша?! – Я изумленно посмотрела на друга брата, не понимая, откуда тот взялся. Покрасневшие уши выдавали, что он здесь уже давно топчется.

– Макс попросил тебя встретить. Сейчас гололед, он беспокоится, а я как раз на работу ехал мимо.

Ага, что-то история кажется притянутой за уши.

– Не хочу тебя задерживать. Я доберусь.

– Что ты, мне в удовольствие! И время свободное есть. Я тебя одну не отпущу!

Я посмотрела вперед, натолкнувшись на изучающий взгляд ледяного блондина, и взяла Михаила под руку. Что-то не хотелось встречаться одной с этим типом.

– Хорошо, не буду спорить, – согласилась покладисто. – Спасибо.

Миша облегченно выдохнул, как будто был готов к более серьезному сопротивлению с моей стороны. Я на него покосилась и получила в ответ белозубую голливудскую улыбку. За границей парень приобрел не только образование, но и своеобразный респектабельный лоск.

Правда, до ожидающего меня с хищным видом иностранца ему, конечно, далеко. Вот тот имел вид матерой акулы бизнеса, получающей желаемое по щелчку пальца. Все в нем кричало о больших деньгах, начиная от дизайнерских кожаных туфель и заканчивая дорогим автомобилем, у которого мужик стоял. Не хватало только амбалов-охранников рядом. Странно, и как он торчит здесь один, если в него ночью стреляли? После такого обычный иностранец уже бы купил билет на самолет из страны или обзавелся штатом охраны.

Как я могла на него орать?! Точно была не в себе, ведь обычно от таких хозяев жизни старалась держаться подальше и не привлекать внимания. Сволочь Костик в одном прав – не дай бог, что не так, и эта акула меня точно в порошок сотрет. А Морено хоть и пережил операцию, но прогнозы делать пока рано, состояние у него тяжелое.

«Не вмешайся я, промолчи, и перевозка в другую больницу его точно убила бы», – сказала себе, и от понимания собственной правоты ко мне вернулась уверенность. Подняв подбородок, с вызовом встретила взгляд иностранца. Он первый отвел глаза и тут же повернулся ко мне спиной, отвечая на телефонный звонок. Как будто не хотел, чтобы я видела его лицо во время разговора.

По неудачному стечению обстоятельств «Мерседес» Михаила был припаркован рядом. Мне ужасно не хотелось садиться в машину, я бы предпочла доехать на автобусе, но под взглядом бизнес-акулы не могла позволить себе отказаться, когда Михаил открыл передо мной переднюю пассажирскую дверь. Бросив на иностранца, следившего за нами, злобный взгляд, я все же села. Надеюсь, он не видел, как я резко побледнела. От запаха кожаного салона мои страхи проснулись с новой силой, и я закусила губу, сдерживая стон. Дорога домой обещала быть долгой.

* * *

«Мерседес» плавно затормозил у подъезда. Вопреки ожиданиям, я была жива и здорова. Михаил и машину водил с европейской сдержанностью, никуда не торопясь и никого не подрезая, что хоть немного

успокоило моих внутренних демонов. Парень галантно открыл мне дверь, протянув руку и помогая выйти, а я, радостная, что поездка закончилась, выпорхнула из салона, как птица из клетки.

– Спасибо! – искренне улыбнулась ему.

Михаил меня не отпустил, задержав ладонь в своей.

– Всегда рад. Роза, окажи мне любезность. У меня есть билеты на премьеру «Анны Карениной» в Большом. Составь мне компанию.

– Эм-м... – не нашлась я с ответом.

– Это в пятницу. Я уже уточнил у Макса, ты выходная! – Михаил одарил меня мальчишеской улыбкой, не давая увильнуть.

Я все еще не знала, что ответить, мысленно желая братцу всех благ. Сводня!

С другой стороны, а почему бы и нет? Когда я последний раз куда-либо выбиралась? То работа, то отсыпаюсь, а в последнее время каждую свободную минуту сидела над книгами, помогая бывшему с диссертацией.

– Это опера?

– Балет.

Все, он меня покори! Мне предстояло наслаждаться танцем и хорошей музыкой. Сама же хотела встряхнуться! Последние сомнения отпали.

– Хорошо, с удовольствием.

– Я рад, – улыбнулся Михаил и поцеловал мне руку, отступая. – Не буду морозить лучшего нейрохирурга города.

– Лъстец! – усмехнулась я.

– Лишь констатирую факт, – возразил он.

Отмокая дома в ванной и вспоминая утренние события, я пришла к выводу, что определенно сошла с ума. Куда меня несет?! Но желания позвонить и отказаться от предложения Михаила не возникло. В конце концов, это меня ни к чему не обязывает, и пора выбираться из тех рамок, куда я себя загнала. Но брату все же написала: «Сегодня дома тебе лучше не появляться. Придушу!»

«Можешь не благодарить, – ответил мне наглец. – И я уже договорился, у Юльки ночью».

Усмехнулась, отбросив телефон. Поганец, знает же меня. Пусть я и не злилась, но из принципа бы ему уши надрала.

На душе было легко. Я поняла, что как только поставлю на ноги Морено – а я обязательно поставлю, это теперь дело принципа, – уволюсь к чертовой матери из больницы. С моей репутацией и опытом меня везде возьмут, необязательно идти к Олегу.

Я представила, как вытянется лицо у Костика, когда я принесу ему заявление, и уже от одного этого стало приятно. Пусть со своими бабами сам разбирается, я не хочу ничего о нем слышать и видеть его больше не хочу!

С этими мыслями я спокойно уснула, чтобы проснуться в холодном поту от дверного звонка. Подсознание сыграло злую шутку: мне снился тип из фонда, который гонялся за мной, а я от него убегала. Потом, попав в его хватку, я полезла к нему с поцелуями, почему-то решив именно таким методом растопить его холодное сердце, и уже он от меня уворачивался. В общем, брр! Бред полный.

Прогоняя остатки неприятного сна, вылезла из кровати и накинула халат, попутно отметив, что за окном уже стемнело. Долго же я спала. Интересно, кого там принесло? Юлька братца выгнала? Молодежь, что с них взять, могут на день по несколько раз поссориться.

Думая, что это Макс, я не глядя открыла дверь и обомлела. Такие огромные букеты я лишь в кино видела. Алых роз штук сто было, не меньше. За цветочным великолепием я даже не сразу разглядела Константина. Он переоделся в синий костюм в тонкую полоску, который я привезла ему из поездки во Францию к матери, при галстукке. Вместе, кстати, выбирали. Весь такой серьезный, он источал запах дорогой туалетной воды, тоже из Франции. Вот же гадство, если подумать, то сколько всего я ему накупила, а от него у меня, кроме разочарования, ничего не осталось.

Почему-то первая мысль была: пришел делать предложение. Зачем же еще такой букетище покупать?! Но вместо радости в душе появилось раздражение. Он весь такой красивый, а я заспанная, с всклокоченными волосами и в халате, под которым непрезентабельная флисовая пижама.

– Позволишь? – подал голос Костик, и я посторонилась.

Несмотря на то что меня поразил его приход, я все же не собиралась сдавать позиции и замерла в коридоре, скрестив руки.

– Розочка, мне не нравится, как мы сегодня расстались. Оба не правы и погорячились. Ты меня прости. И вообще, давай мириться, я не могу без тебя!

Он послал мне умильный взгляд, но если сегодня у Михаила в силу молодости такой взгляд прошел на ура и на лице смотрелся естественно, то у мужчины под тридцать с намечающимся животиком нелепо и жалко. Костик шагнул ко мне, а я от него.

– Ты серьезно считаешь, что можно сказать «прости» и между нами будет все по-прежнему? – изумилась я.

– Ну хватит дуться! Да, виноват. Признаю. Но не нужно из-за нелепой ошибки перечеркивать годы наших отношений.

О да! Секретарша, присосавшаяся к его члену, смотрелась более чем нелепо, когда я их застала у него в кабинете.

– Я разрушаю?! Все сделал ты!

– Да она сама на меня набросилась!

Я так и представила, как девица ворвалась к нему в кабинет и, в порыве страсти рванув ремень брюк, присосалась к...

ТЬфу ты! Меня замутило. Просто до сих пор помню чавкающие звуки и стоны парочки. И почему со стороны это все выглядит так противно?

– А ты такой джентльмен, что не мог отказать даме и позволил ей залезть к себе в штаны, – с сарказмом произнесла я.

– Ну, Роза, хватит уже! Хочешь, я ее уволю? Она для меня ничего не значит. Вот только у нее ребенок маленький...

Ага, остался в нагрузку с прошлого места работы. Хотела шефа ребенком привязать, но ушлая жена заставила сделать генетическую экспертизу, и киндер оказался не от него. Жена, не будь дура, мужа простила и укатила с ним отдохнуть, а секретарша получила пинок под зад, но с прекрасными рекомендациями. Вот Костик, например, оценил все достоинства помощницы.

– Зачем? Дело не в ней, а в тебе. Какая разница, она или другая? Главное, что между нами все кончено.

Я после увиденного у него в кабинете в себя от отвращения долго не могла прийти, стоило представить, что он и меня, и ее... Спать не могла, пока не прошла все анализы и не убедилась, что Костик меня ничем не заразил. Ведь это я на таблетках, так как он, сволочь, презервативами пользоваться не любит.

– Роза, но ты и сама виновата! Вспомни, ты то усталая, то занята. Дежурства, внеплановые операции... Вот я и сорвался.

– Да ты сам меня на них ставил! – не выдержала я и загримасничала, перечисляя: – Розочка, они хотят только тебя! Он вбил себе в голову, что именно этот день благоприятный для операции. Я не могу отказать этому человеку, выйди!

И я менялась сменами, работала на износ, а потом еще сидела, обложившись книгами и подбирая для него материал, так как Костику некогда...

– Я тоже виноват, – тут же покаялся он. – Давай забудем все и начнем сначала.

Мне попытались всучить букет, но я отступила, зашипев. Устав

держат веник, Костик положил его на тумбочку у зеркала.

– Не хочу! Ты мне противен. Теперь ты сам по себе, а я сама по себе.

– Может, мне на колени встать? Прости!

– Не унижайся, ни к чему. Я не передумаю, – сообщила я, устав от этого цирка.

Костик смерил меня взглядом, оценивая степень решительности, и поднял руки вверх, сдаваясь.

– Хорошо, давай возьмем тайм-аут и пока останемся друзьями.

На мой полный скептицизма взгляд воскликнул:

– Роза, что бы ты ни думала, но ты мне дорога! Я ценю твоё общество, твой ум, мне важно знать твоё мнение. Кстати, я хотел с тобой по диссертации обсудить... – перешел он на деловой тон, но я его прервала:

– Костя, ты в своем уме? Мне вот делать сейчас нечего, как с тобой говорить на эту тему. Ты не понял? Я видеть тебя не хочу!

– Все-все, – пошел на попятную он. – Я понял, тебе надо время остыть. Хорошо, тогда дай я заберу записи, сам над ними поработаю.

– Какие записи? – тут же подобралась я.

Все мои наработки, что я как проклятая ему в клювике приносила, засиживаясь до ночи, пока он по ресторанам свою мымру водил? Да-да, мне потом доложили доброжелатели, что их видели, и инцидент в кабинете явно был не единичный, как Костик мне пытался представить.

– Извини, но я со злости порвала все распечатки. Обрывки можешь поискать в мусорном контейнере, если не увезли. А информацию с ноутбука я всю стерла за ненадобностью.

– Что ты сделала?! – изменился в лице Костик, сначала побледнев, а потом покраснев. Ему стало резко не хватать воздуха, и он дернул галстук. – Да ты... ты... Дура!!! Истеричка! Ненормальная!

Неожиданно он замер и с надеждой посмотрел на меня:

– Но ведь можно же информацию восстановить? – заискивающе произнес он. – Есть же программы.

– Ноутбук сгорел, я залила его слезами, – скорбным тоном добила я.

Некоторое время он смотрел на меня, не понимая, говорю я серьезно или издеваюсь, а потом губы его задрожали:

– Ты... Ты...

Так и не подобрав слов, он резко развернулся и вылетел из квартиры.

Мне еще хватило сил закрыть за ним дверь и сползти по ней на пол. В груди образовалась пустота размером с черную дыру.

Интересно, он меня действительно считал настолько доверчивой идиоткой, которая продолжит с ним если не спать, то писать за него

диссертацию?!

«Кстати, нужно все распечатки действительно порвать, а информацию с бука скинуть на флешку», – дала себе задание, но сил подняться с пола пока не было.

Глава 5

Богдан предпочел бы переночевать в гостинице и не тратить время на дорогу, но его ноутбук остался в коттедже. Он не стал брать его в офис, зная, что вечером поедет в клуб. Поэтому, вернувшись за машиной и приехав к себе, первым делом вызвал в Москву своих специалистов, дал задание технарям достать видео с камер наблюдений. А потом пошел в душ. На его одежде и теле осталась засохшая кровь Кристофа.

Поступок Морено многое значил для него и показал: что бы ни происходило, они братья по Ордену, готовые всегда прикрыть друг друга. Богдан собирался обеспечить испанцу за свой счет лечение в самой дорогой клинике и у лучших специалистов. Он был убежден, что Кристоф обязательно выкарабкается.

Под утро позвонил Савицкий, узнавший о нападении. Ковальский скормил ему версию про случайную драку и не настаивал на расследовании. Показалось, что Савицкий вздохнул с облегчением, но он не собирался позволять ему расслабиться.

– Один раз – случайность, два – закономерность. Вы же не хотите, чтобы сюда съехались все спецы Ордена и перетряхнули город?

– Н-н-ет, – сглотнули в трубке.

– Будем надеяться, что случайностей больше не будет, иначе я даже спущенную шину в колесе расценю как очередную случайность и спущу всех с цепи, – предупредил Богдан.

Так и не добравшись до кровати, он через адвоката узнал номер больницы, куда увезли Морено, и поехал туда, попросив подобрать список лучших частных клиник, куда смогут принять больного. Следовало узнать степень сложности ранений, чтобы определиться. Пока знал только, что Кристофа прооперировали и он в реанимации.

Встретившись с заведующим отделением, где лежал Кристоф, он сразу нашел с ним общий язык, стоило только намекнуть на спонсорскую помощь. В благодарность за то, что они спасли друга, Богдан готов был не скупиться, и этот порыв оценили по достоинству. Ему тут же отчитались о состоянии Морено, рассказав, что операцию делал один из лучших нейрохирургов больницы и им повезло, что попали в ее смену. Ранение в голову было серьезное, и Кристоф выжил чудом. Будет необходима реабилитация, какие-либо прогнозы пока давать рано. Пациент сейчас находится в искусственной коме, но состояние его стабильное.

Вопрос о переводе в частную клинику удалось решить легко. И вот Богдан сидит, потягивая неплохой кофе, заведующий, высунув язык от усердия, пишет список всего необходимого, и тут влетает эта фурия.

Он обернулся и даже встал, чтобы лучше ее рассмотреть. В первый момент сознание сыграло с ним странную шутку – ему показалось, что перед ним Лиля. Рыжеволосая, дерзкая, смелая... Но иллюзия быстро рассеялась, и стали заметны отличия: мятежные глаза не зеленые, а серые, она ниже ростом, старше, лишь пламенеющие волосы объединяли их.

Богдан с изумлением понял, что перед ним прославленный нейрохирург, спасший жизнь Морено. Только за это простил оскорбления, которыми она щедро сыпала, даже не глядя в его сторону. Заведующий не знал, как утихомирить разошедшуюся валькирию. Она защищала больного, как волчица своего волчонка, не обращая внимания на угрозы.

С легкостью написала заявление об увольнении и еще посмела ему угрожать! Богдан потрясенно смотрел на пальчик, угрожающе направленный в его сторону. Эта пигалица даже набралась наглости требовать, чтобы он убрался из кабинета.

Он ушел, чтобы не поддаваться искушению и не сломать изящный пальчик без следа маникюра в нескольких местах десятью разными способами или не скрутить тонкую шейку прославленному нейрохирургу. Она перешла все границы.

Пусть внешне было не видно, но его колотило от желания проучить зарвавшуюся женщину. Вышел на улицу, чтобы немного остыть, с удивлением признавая, что раунд остался за ней. Она посмела его шантажировать, оскорблять, а такого он не прощал никому, особенно женщинам, будь они хоть трижды лучшими специалистами. Богдан не любил проигрывать, да и было бы кому, а тут его сделала эта рыжая. Но он по глазам видел: она пойдет до конца и вмешает полицию, что было ни к чему.

Набрав номер фонда, распорядился проверить слова хирурга о запрете на транспортировку. Заведующий все данные о больном предоставит, никуда не денется. Чуть подумав, позвонил в службу безопасности и приказал выяснить все о ней. Где, что, с кем и так ли уж она хороша в своем деле, как его пытались убедить. Лично у Богдана были сомнения, да и не будет хороший хирург прозябать в обычной больнице.

Повернув голову, увидел этого самого хирурга, идущего навстречу, и весь подобрался.

«А у бешеной фурии есть поклонники», – с удивлением отметил он, наблюдая, как торчащий у входа молодой парень с розой в руках бросился к

ней.

Звонок отвлек Ковальского от парочки. Ирен. Сестра увидела сообщение о нападении в новостях и страшно испугалась. Пришлось успокаивать, про себя ругая службу безопасности, не уследившую за тем, что новость попала на экраны.

Закончив разговор, Богдан проводил взглядом рыжую, садящуюся в автомобиль. Отметил все: и ее напряженность, и быстрый тоскливый взгляд в сторону автобусной остановки – удивительно, но она явно предпочла бы общественный транспорт, – и с каким довольным видом ухаживал за ней кавалер. Они не любовники, точно, но сосунок собирается сей факт исправить.

«Не по зубам она тебе», – хмыкнул про себя Богдан. Чтобы обуздать такую бешеную кошку, нужен кто-то покрепче. Но с таким темпераментом любовник у нее точно есть. Даже интересно будет почитать досье.

Их машина уехала, и Богдан сел в свою. Пора заняться делами, и настроение самое то, чтобы навести шороху в офисе Московского отделения Ордена. Очередной звонок телефона не дал ему тронуться.

– В тебя стреляли? – не здороваясь, спросил отец.

– Пока рано делать выводы. Разбираюсь. Ранен Морено, я не пострадал, – зачем-то добавил он, хотя Вацлав и не спрашивал.

– Я направлю к тебе своих телохранителей.

– Отец, я не Ирен. И мои люди уже вылетают в Россию.

– Я же просил не упоминать это имя! Только не говори, что виделся с ней.

– Не буду.

Последовала пауза. Богдан знал, что отец мучительно ждет хоть крупниц информации о любимице, но молчал. Вычеркнуть ее из своей жизни не только на бумаге было его решением.

– Что говорит служба безопасности? Стрелка поймали? – Вацлав вернулся к делам.

– Еще не знаю, еду в офис. Работали профи, так что сомневаюсь.

– Чем ты вообще там занимаешься?!

– Был в больнице у Морено. Он закрыл меня от пуль, и я должен о нем позаботиться.

– Пусть этим займется фонд. Своим приездом ты разворошил осиное гнездо. Пospеши, пока не замели следы. Если напали, значит, есть что скрывать. Сейчас все задействованы в поисках Хищницы, изворотливая тварь попалась, но твои запросы будут идти в первую очередь, я договорился.

– Знаю, я отслеживаю сводки. Спасибо!

– Богдан... Будь осторожен.

Как будто стыдясь проявления несвойственной ему заботы, Вацлав, не прощаясь, отключился.

Позже, просматривая подготовленные отчеты по ночному происшествию, Богдан с сожалением был вынужден признать, что все обстоит так, как он и предполагал. Нападавшие не найдены, в полиции собираются представить дело как пьяные разборки и спустить на тормозах. Записи с камер уличного наблюдения ничего не дали. Те, которые могли что-то показать, по странному стечению обстоятельств не работали. Теперь даже интересно, что удастся нарыть его людям.

Приехавший к двенадцати Савицкий застал разбор полетов в своем кабинете и был вынужден молча наблюдать, как его сотрудников учат работать и раздают распоряжения. Когда все ушли, он заикнулся о том, что Ковальскому подготовили удобный кабинет, но входящий вызов прервал его. Подавляя усмешку, Богдан ответил, встав вполоборота к окну.

– Эвелина, рад вас слышать.

Горящий в кабинете свет, несмотря на светлое время суток, превратил стекло в зеркало, и он увидел, как дернулся и изменился в лице Савицкий при звуках этого имени.

– Богдан, благодарю за шикарный букет.

Удачно он вчера заранее заказал доставку цветов курьером, сейчас его очень интересовала реакция Савицкого.

– Ваше выступление было шикарным. У вас потрясающий голос.

– Благодарю, – приятный грудной смех ласкал слух. – Но вы вчера быстро ушли, так и не дождавшись конца программы. Неужели шоу настолько скучное?

Теперь Богдан понял причину звонка. Благодарность за цветы лишь повод. Как всякому творческому человеку, ей было важно услышать оценку своей работы.

Ковальский не поскупился на лестные комплименты. Наконец Эвелина рассмеялась легким серебристым смехом, прося прекратить поток меда, иначе она перестанет работать, почивая на лаврах. Закончился разговор на приятной ноте. Она сообщила, когда следующее выступление, и сказала, что приглашение будет дожидаться его.

Все указывало на то, что о покушении певица не знает, а он не собирался ее просвещать. Его больше беспокоил Савицкий. Делая комплименты голосу Эвелины, на его лице Богдан увидел не ревность, а промелькнувший страх. Когда обернулся, закончив разговор, тот уже

овладел собой, но, забыв о желании выдворить Ковальского из своего кабинета, ушел сам, сославшись на дела. И это было очень похоже на бегство.

Сев в кресло, Богдан задумался, а потом открыл ноутбук и дал приказ взять в разработку Эвелину. Что-то во всем этом нехорошо пахло, и он собирался докопаться до правды.

Весь день Ковальский работал с архивами, просматривая материалы. Никого ни о чем не спрашивал. Изучал прошлые дела, делал выводы. Молча. И его молчаливая работа нервировала всех. Люди были наслышаны о методах Палача, когда после вот таких изысканий летели головы. Все понимали, что покушение сделало его лишь злее и над ними сгущаются тучи. От кабинета Савицкого, в котором засел проверяющий, волнами расходилось напряжение, и в офисе говорили полусшепотом.

Сам же Богдан, изучая слишком уж гладкие отчеты, убеждался, что дело действительно нечисто. Об этом вопило внутреннее чутье, отработанное за те годы, когда он был простым Охотником. Оставалось искать, кому это выгодно и кто за этим стоит. Савицкий, продвинутый на должность своим отцом? Но зачем ему? Или кто-то прячется за его спиной, тщательно подчищая концы?

По идее, если пропадали вещи, то следовало искать женщину – Хищницу. Вспомнилось прошлое дело, когда пришлось устранять одну такую, видную политическую фигуру. Ему тогда намекнули, что Морено с ней связан, но та женщина мертва, а Кристоф сейчас в больнице и не стал бы подставляться под пули, если бы сам все организовал. Может, кто-то из Ордена в сговоре с Хищницей? Такие случаи редки, но в истории всякое бывало. Следовало разузнать про любовниц здешних братьев.

И опять Богдан вернулся к Савицкому с Эвелиной. Вот кто мог повернуть что угодно, но зачем же тогда ему выставлять напоказ свой роман? Да и певица совсем не похожа на одержимую скверной. Оставила успешную карьеру и теперь поет в клубе. Обычно происходит наоборот, на чем и ловили одержимых, теряющих осторожность от свалившихся на них новых возможностей.

Днем из фонда пришло заключение врачей по поводу Морено. К неудовольствию Богдана, рыжая бестия оказалась права, а вот к заведующему отделением больницы появились вопросы. Два разных специалиста, изучив отчеты о состоянии Кристофа, дали негативные прогнозы в случае его транспортировки в другую больницу сразу после операции.

Желание угодить спонсору, идущее вразрез с интересами больного,

неприятно резануло. Получается, профессиональная этика оказалась для хирурга не пустым понятием, в отличие от ее начальника, – раз она даже рискнула своим местом. Чувство справедливости не давало позволить, чтобы ее уволили. Поэтому Богдан встретился с главврачом больницы. Обсудив спонсорскую помощь, сразу дал задание юристам фонда готовить документы и лишь после этого перешел к интересующей его персоне нейрохирурга. Как выяснилось, об увольнении талантливого специалиста Шумиловой главврач пока ничего не знал и заверил, что разбрасываться такими кадрами не в интересах больницы.

Ковальский дал понять, что желает, чтобы его друга вела именно она. Он оценил отношение Розы Валерьевны к больным, и если она вытащила Кристофа, то и дальнейшее лечение можно пока ей доверить. Кроме того, Богдан попросил передать нейрохирургу Шумиловой благодарность и денежную премию от имени фонда. Все это сделал не без умысла.

Во-первых, теперь рядом с Морено будет врач, которому его состояние небезразлично, а во-вторых, рыжая будет благодарна Ковальскому за то, что ее не уволили, и в следующую встречу прикусит свой язычок. Если будет вести себя хорошо, он даже может организовать ей практику за границей в любой из клиник, это не составит труда.

Вечером он опять вспомнил о нейрохирурге – пришло досье. Пока общие факты: родилась, училась, проживает. Не замужем, имеет младшего брата. А вот возраст удивил – двадцать семь лет. Выглядела она моложе и, когда ворвалась в кабинет, внешним видом и поведением уж никак не напоминала блестящего дипломированного специалиста. Удивила и ее мать: четвертый брак, удачная партия. Живет во Франции и замужем за аристократом.

«Что же ты прозябаешь здесь?» – задался вопросом Богдан. Могла бы уже жить во Франции, налаживая контакты с новыми родственниками. Хотя с ее характером ужиться, пожалуй, сложно.

Неожиданно Ковальский поймал себя на том, что слишком часто вспоминает несносную девицу, и тут же нашел этому объяснение. Давно его не щелкали по носу, а тут она за один день успела и безнаказанно оскорбить его, и успешным шантажом выгнать из кабинета. А он, вместо того чтобы поставить нахалку на место, еще заботится о ее карьере. Редкий случай благотворительности в его практике.

«Вот так и теряют репутацию, создаваемую годами», – усмехнулся про себя Богдан и переключился на другие дела.

Особое внимание уделил любовнице Савицкого. Файл, присланный на певицу, был более объемным и имел много разной информации. Известная

личность, успела засветиться со многими людьми, к тому же ее действительно проверяли одно время, но ничего не нашли. И правда, ушла на пике карьеры. Настоящую причину сейчас выясняют. Одно время о ней не было ничего слышно, потом неожиданно возникла рядом с Савицким и является его любовницей более трех лет. За данный период в связях с другими не замечена.

Вроде бы ничего необычного, но что-то Богдана цепляло. Он даже нашел в сети ее старые клипы, когда она выступала еще в группе. Стоило признать, что сейчас Эвелина стала более интересна, да и новый репертуар позволил голосу лучше раскрыться. Появились в нем новые нотки, особый тембр...

Богдан замер, обдумывая предположение, но потом тряхнул головой. Нет, вряд ли. Ему известно действие вещей, и уж владелица платка никогда бы не удовлетворилась пением в клубе, особенно после успешной карьеры.

Просмотрев другие донесения, он закрыл ноутбук и отправился спать. Обычно сны Богдану снились редко, а бывшие владелицы вещей, несмотря на специфику работы, его в царстве Морфея не тревожили, но не сегодня.

Ночью он оказался в Альпах и снова стал самоуверенным молодым парнем, наслаждающимся свободой на каникулах. Ему снился танец с обольстительной Лилей, и как они сбежали ото всех, со смехом поднимаясь в номер и срывая в нетерпении друг с друга одежду, стоило захлопнуть за собой дверь.

Неожиданно Лиля оттолкнула его и стала пятиться к большой кровати, медленно расстегивая пуговицы. Швырнула рубашку ему в лицо, за ней последовал лифчик, являя взору загорелую грудь с торчащими коричневыми сосками.

Лиля взобралась на кровать и стала гладить себя, извиваясь, как змея в танце. Сжав тяжелые полушария, застонала от удовольствия, выгибаясь дугой. Запрокинув назад голову, разметала рыжие волосы по белой постели.

Богдан одним прыжком сократил между ними расстояние и повалил девушку на кровать, терзая губами упругую грудь. Вклинился между ее бедрами, разводя ноги, и опустил вниз руку, забираясь под юбку. Его дерзкая девочка была в чулках и без трусиков. При мысли, что все это время она крутила попой, на которой не было белья, он застонал.

Впился в губы властным поцелуем, давая понять, что только он имеет право любоваться ее телом, но Лиля неожиданно его укусила, и они стали бороться. Богдан лишь усилил напор, и не думая отстраняться, и вскоре она обмякла в его руках, сдаваясь победителю. Довольный, он отстранился,

нависая над покоренным женским телом, и взглянул в лицо любимой, наслаждаясь видом припухших губ, румянцем на щеках, трепетом ресниц. Она открыла глаза и взглянула на него мятежными серыми глазами. Богдан отпрянул от неожиданности. Вместо Лили под ним лежала совсем другая женщина – рыжеволосая Роза, нейрохирург.

Ковальский рывком сел на постели и провел рукой по лицу, избавляясь от липких объятий сна. Выругался сквозь зубы. За все время Лиля ни разу не снилась ему. Почему сейчас? И сам же понял причину – валькирия из больницы напомнила ему глубоко похороненную в памяти давнюю любовь. Обе женщины имели одинаковый цвет волос и дерзкий характер. А еще имена – Лилия и Роза, два цветка. Забавно, внешне похожи, но так разнятся. Лиля – избалованная, эгоистичная стерва, шла по головам других к намеченной цели, не гнушалась калечить соперников, а Роза – блестящий хирург, лечит как раз покалеченных.

Часы на прикроватной тумбочке показывали шесть утра. Рано, но, не желая больше ложиться, Богдан спустился вниз и долго плавал в бассейне, стараясь избавиться от воспоминаний. Он давно вычеркнул Лилю из памяти, и больше ни одной женщине не удалось затронуть его сердце. Не винил себя за то, что она стала инвалидом – это был несчастный случай или кара небес, как посмотреть, но чувствовал ответственность. Оформил карточку на ее имя и перечислял деньги на лечение. Но не больше, любовь к ней он вырвал из сердца. Сейчас беспокоило другое – кого он целовал во сне? Лилю или Розу? Потому что когда отстранился, любовался чертами лица последней. И это бесило. С какой стати ему вообще снится та бешеная кошка?!

В не лучшем расположении духа Богдан поехал в офис, где провел весь день. Из больницы новостей не было. Морено находился в искусственной коме, и состояние его оставалось без изменений. Не выдержав, он сам на следующий день поехал в больницу, желая поговорить с лечащим врачом.

А вот поймать рыжего нейрохирурга оказалось проблематично. То она на пятиминутке, которая длится более получаса, то ушла на обход больных. После трех стаканов дерьмового кофе из автомата и двух часов ожидания Ковальский не выдержал и попросил медсестру передать, что если через пять минут Роза Валерьевна к нему не подойдет, он отправится к главврачу.

– Вы хотели меня видеть?

Он обернулся, окидывая взглядом неуловимую Шумилину. В белом халате и с собранными в хвост волосами она выглядела строго и сдержанно. А еще без каблучков едва доставала ему до плеча.

– У меня создалось впечатление, что вы избегаете меня.
– С чего бы это? Я всего лишь была занята неотложными делами. Что вы хотели?

– Узнать о состоянии Морено. Как он? Какие прогнозы?
– Такую информацию мы даем лишь родственникам. Извините, но у меня много работы.

– Роза Валерьевна, не вынуждайте меня идти к главврачу, – повторил свою угрозу Богдан, заступая дорогу. – При тех финансовых вливаниях, которые оказывает наш фонд вашей больнице, вас вызовут на ковер к начальству и заставят ответить на все мои вопросы. Давайте сэкономим время друг друга. У вас же столько работы, – не сдержался он, добавив ехидства и показывая, что видит все ее уловки.

Некоторое время его сверлили недовольным взглядом, но потом нехотя произнесли:

– Состояние стабильное. Есть положительная динамика.
– Роза Валерьевна! – К ним спешила полноватая блондинка в форме медсестры. – В смотровом боксе. Ваш брат...

– Извините! – сказала рыжая, изменившись в лице, и упорхнула.
Если бы Богдан не прождал ее два часа, этих фраз бы хватило, но, потратив даром столько времени, он желал получить более развернутый ответ.

Молоденькая медсестричка на посту время от времени бросала в его сторону заинтересованные взгляды.

Подождав некоторое время, он подошел к ней и без труда выяснил, где находятся смотровые боксы. Если рыжей там уже нет, он ей не завидует! Надоело гоняться по всей больнице!

Спустившись на нужный этаж, еще издали увидел пламенеющие волосы. Медбрат вывозил на каталке пациентку из бокса. Желая поймать неуловимого врача, ускорил шаг:

– Роза Валерьевна!
Оглянувшись, по нему мазнули недовольным взглядом:
– Если хотите, мы вернемся к нашему разговору позже, у меня беременная пациентка после аварии. А ваш друг подождет. Все!

Богдан едва сдержался, чтобы не придушить лучшего нейрохирурга больницы. Стоило это ему невероятных усилий. У больной на каталке серьезных ранений не наблюдалось, и было понятно, что от него избавились под благовидным предлогом. Он собирался в ответ создать рыжей проблемы, но, мельком взглянув в лицо больной, оставил мстительные планы.

Сохраняя на лице бесстрастное выражение, покинул больницу и набрал Хана. После того как расстроилась помолвка брата с Ирен, один Охотник захотел выслужиться и показал ему досье на Хана, где тот запечатлен с девушкой, с которой изменял Ирен во время ее визита к жениху. Инициатива вышла парню боком. Весь компромат на друга ныне уничтожен, а сам Охотник прозябает на Кубе, радуясь, что остался жив. Но лицо девушки Богдан запомнил. Именно за ней охотился сейчас Орден, и она фигурировала во всех сводках.

– Привет! Я знаю, как тебе наладить отношения с отцом, – произнес сразу, стоило Хану ответить.

– Что задумал?

– Как ты смотришь на то, чтобы доставить на базу свою бывшую? Утрешь всем нос.

– Ты знаешь, где она?!

– Я ее только что видел, – усмехнулся Богдан.

– Брат, прошу, никому ни слова! Я вылетаю!

– Я в тебе не сомневался, – ответил он, но Хан уже отключился.

Глава 6

– Мама?! – Открыв дверь, я не поверила своим глазам. – Ты откуда здесь?

В норковом полушубке, широкополой шляпе и больших очках на поллица она смотрелась на нашей лестничной площадке как выходец с другой планеты, как кинозвезда, сошедшая с обложки журнала.

– Так и собираешься меня на пороге держать?

– Ой, прости! – Я тут же посторонилась, приглашая войти и обнимая. – Ты почему не позвонила? Надолго? Где остальные вещи?

Я удивленно смотрела на скромный маленький чемодан на колесиках. Обычно мама путешествовала с большим размахом.

– Мы с Андре в Москве проездом. У него встреча с партнерами, и мы вечером дальше летим. Я не знала, будешь ли ты дома, не хотела ради нескольких часов тебя с работы срывать.

– Вы где остановились?

Я помогла ей снять полушубок и повесила на вешалку.

– В отеле, не беспокойся. А с чемоданом я, потому что тут такое дело... Я приобрела несколько платьев у Кары, моего любимого модельера, и не рассчитала с вместительностью чемоданов. Я оставлю у тебя немного лишних вещей, без которых обойдусь? А то Андре новые платья мне простит, а вот лишний чемодан багажа – нет. Потом или я заберу, или ты ко мне его привезешь. Хорошо?

– Не вопрос. Конечно, место найдем, – улыbnулась я. – Ты голодна?

– Нет, я поела в ресторане.

– Тогда чай. Сколько у тебя времени?

– Немного. У меня такси внизу ждет.

– Мама!

– Я не знала, есть ли кто из вас дома, и не хотела нарушать ваши планы.

– Ничего не знаю! Отпускай машину, а я сейчас Максу позвоню, он потом тебя отвезет в отель.

– Ты не могла бы... – Она полезла за кошельком, но я замахала руками.

– Оставь! Сиди, я сейчас.

Схватив телефон и деньги, я выбежала из квартиры, только у двери подъезда спохватившись, что не оделась и в тапочках. Хорошо, таксист припарковался рядом. Я расплатилась и набрала Макса.

– Быстро дуй домой!

– Ты на меня уже не злишься? – осторожно уточнил брат.

– Родительница приехала.

– Да ладно! Рассталась с Андре и теперь у нас квартира забита ее чемоданами?

– Типун тебе на язык! – пожелала ему. Последний отчим мне нравился. – Нет, к счастью, и чемодан всего один. Поспеши, у нее пара часов, они проездом.

– Уже лечу!

– Вот лететь не надо! Как врач тебе говорю.

Братец ехидно хмыкнул и отключился. Я подавила тяжелый вздох. Ведь знаю, что гонками увлекается и гоняет с дружками, но каждый раз сердце не на месте. Слишком часто мне на операционный стол попадают вот такие летуны. Но кто меня слушает? Начинает издеваться, что я брюзжу.

Вернувшись в квартиру, застала мать с сигаретой у окна кухни. С учетом того, что она помешана на своем внешнем виде и знает о вреде никотина для кожи, это был вопиющий случай.

– Мам, у тебя все в порядке?

Она вздрогнула и поспешно затушила сигарету, разгоняя рукой дым.

– Извини, устала.

Она и правда выглядела уставшей. Подтянутая, элегантная женщина, красивая, а в глазах напряжение и тоска.

– Что у вас с Андре? Мам, я же вижу, что ты сама не своя. – Я подошла и обняла ее, положив голову на плечо.

– Мне кажется, что он установил за мной слежку.

– Андре?! – Я удивленно отстранилась.

– А кто еще? – Она как-то нервно передернула плечами.

– Хм... так это хорошо. Вы сколько лет вместе, а он ревнует, боится тебя потерять. Сейчас убедится, что тебя не в чем подозревать, и еще сильнее любить будет. Ведь не в чем, мам?

– Роза! – одернула мама и бросила на меня возмущенный взгляд, вновь становясь прежней собой. Пусть она и родилась в простой семье, но за годы приобрела лоск и манеры настоящей аристократки. – Лучше скажи, вы мне внуков дарить со своим Костиком не собираетесь?

В этом вопросе звучали двойные чувства: и ожидание внуков, и страх стать бабушкой. Я приняла изменение темы и не стала настаивать. Но такое настроение матери настораживало. Раньше, чувствуя уходящую молодость или тоску в супружеских буднях, она бросалась в омут новых отношений.

- Нет, мы с ним вообще расстались.
- Неужели ты бросила наконец этого напыщенного индюка?
- Мам, он всего-то раз в твоём обществе увлеченно заговорил о своих планах на будущее и карьере.
- Мне и раза хватило, – пренебрежительно отмахнулась она. – Мужчина в обществе красивых женщин должен быть увлечен ими, а не своей персоной!
- Как оказалось, ими он тоже увлекается, – поморщилась я.
- Он тебе изменил? – приподняла бровь.
- Как оказалось, не единожды. Случайно узнала.
- Признаваться в этом было неприятно, но уже не больно.
- Хочешь его вернуть и бросить, чтобы он ползал за тобой? – подалась она ко мне, и глаза недобро блеснули.
- Зачем, мам? Он и так мне теперь прохода не даёт, да только противен.
- Ну и правильно, – согласилась она. – Всегда чувствовала, что он тебя не достоин.
- Так почему молчала?! – воскликнула я. Нет, видела, что Костя ей не сильно нравится, но мама никогда не позволила себе в его сторону ни одного негативного слова!
- Ты любила его, и мои слова тебя бы лишь расстроили. Иногда нужно учиться на своих ошибках, ведь ты бы меня не послушала. И любовь – такое чувство, что бессмысленно указывать, кого можно любить, а кого нет. К тому же мне казалось, что Костик ценит тебя. Правда, надеялась, что вы разбежитесь намного раньше.
- «Ценит, – мысленно скривилась я. – Диссертацию, уплывающую от него, он ценит, а не меня».
- Если вспомнить, роман у нас закрутился на последнем курсе, когда Костя попросил моей помощи с дипломом. Дарил цветы, смотрел с восторгом, говорил, что восхищается моим умом. И сейчас, после расставания, ту же пластинку включил, только я уже не наивная девочка, и не сработало.
- Знаешь, Роуз, не мне тебе читать морали и учить жить, – вздохнула мать и бросила тоскливый взгляд на пачку сигарет. – Я сама ошибок в жизни много наделала и не перестаю делать, а ты – моя гордость, со светлой головой, разберешься! – Она взъерошила мне волосы.
- Ты хотела сказать – рыжей? Это же вы с братцем у нас блондины, – хмыкнула я, но на душе стало приятно.
- Думаешь, я не понимаю, как тебе с ним нелегко? Он такой же, как я в

его годы, и лишь твой контроль держит его в рамках. Меня вот никто не контролировал, я рано от родных упорхнула.

– О чем ты говоришь? Макс уже взрослый человек, и мы с ним давно научились договариваться.

– Вот именно! – Родительница шутливо щелкнула меня по носу. – Твоего здравомыслия на нас всех хватит. Может, Макс закончит учебу и переедете все же к нам? Необязательно жить в пригороде, у Андре городская квартира.

– Посмотрим, мам, – не стала я сразу отказываться, но понимала, что вряд ли. У меня здесь работа, привычная жизнь, у Макса друзья. Во Франции хорошо отдыхать, а насчет проживания я все же патриотка.

Шум в прихожей – и ввалившийся на кухню с тортом Макс прекратил этот немного странный разговор. Мы сели пить чай. Наша родительница больше всего любила торт «Птичье молоко» и только ради него забывала о своей диете. Не знаю, как братец умудрился его так быстро купить.

Хорошо посидели, как будто вернулись в прошлое. Но ностальгию нарушил телефон, зазвонивший у братца.

– Юлька! Черт, забыл ее предупредить, что не приеду.

Макс хлопнул себя по лбу и, извинившись, вышел.

– Да, котенок!

Мы с матерью переглянулись.

– У них серьезно?

– Не знаю. Эта пока продержалась дольше остальных, – вздохнула я. Не навязывала брату своей морали, но мне не нравилась частая смена его девиц. С другой стороны, он парень молодой, пусть куролесит лучше сейчас, чем когда женой обзаведется.

– Да, чуть не забыла, – спохватилась родительница и полезла в свою сумочку. Вот, – положила на стол карточку VISA, – это мой счет. Мало ли, вдруг деньги на что-то понадобятся.

– Mam, ты с ума сошла? С тем, сколько ты подбрасываешь нам, Макс спокойно учится, а я занимаюсь любимым делом и не ищу подработку. Мне еще премию сегодня неожиданно дали. Зачем карточка?

– Мне так спокойнее будет.

А вот я, наоборот, забеспокоилась после этих слов. Ее странное настроение, грусть, теперь вот деньги...

– Mam, признавайся сразу, ты узнала, что неизлечимо больна, и приехала попрощаться?

– С ума сошла?! – воскликнула она, повторив мои слова.

– А что мне еще думать? Я же вижу, что ты сама не своя. Знаешь что?

Не уйдешь отсюда, пока мне все не расскажешь! Что случилось?

Некоторое время мама смотрела непонимающим взглядом, но я была тверда и всем своим видом показывала, что меня этим не проведешь. Через некоторое время маска треснула, и я увидела ее усталость.

– Я здорова. Просто сглупила. Захотела потрянуть стариной, немного пофлиртовала на приеме со знакомым Андре... Только флирт! – вскинулась она, поймав мой взгляд. – А потом стало трудно от него отделаться. Встречала в самых неожиданных местах, обнаружила за собой слезку. Сначала думала, что это Андре заревновал, но вряд ли... Это нервирует.

– Обратись в полицию, Андре спроси, в конце концов!

– Надеюсь, за время нашего путешествия все успокоится. Если нет, так и сделаю, – пообещала она.

– Ты у меня просто такая красивая! – Я подошла к матери и обняла.

– Я что-то пропустил? – на кухню вернулся Макс.

– Люблю вас, – сообщила ему.

– Я вас тоже люблю.

Брат подошел к нам и присоединился к объятиям.

– Я прощен? – одними губами спросил он, с хитрым видом глядя на меня поверх головы родительницы.

– Я, может, и старше вас, но на слух еще не жалуясь. Что он натворил? – просекла мама наш диалог.

– Сводничает. Друга мне своего подсунул, – сдала я братца.

– Молодец! – неожиданно похвалила мать и наставительно сообщила мне: – Мужчины помладше полезны любой женщине. Они умеют наслаждаться жизнью и не спят в постели.

– Как не спят? Как врач говорю – это чревато последствиями и тянет на диагноз, – притворно ужаснулась я в ответ.

– Ты поняла, о чем речь, – с достоинством произнесла родительница, поправляя волосы. – Мне пора. Максим, ты свободен?

– Моя карета в твоём распоряжении, – тут же отозвался он.

Мы засобирались, и только убирая посуду, я обнаружила на столе оставленную карточку. Вот же мама!

* * *

День не задался с самого начала. Костя после пятиминутки попросил задержаться и показал приказ о повышении моей ставки с таким видом, будто это его заслуга. А я узнала о приказе еще вчера, от Тamarы

Николаевны, секретаря главного. Я ее маму оперировала, и она мне по-дружески шепнула и о прибавке к зарплате, и о том, сколько представитель благотворительного фонда нашей больнице отвалил в благодарность за спасение друга. Недаром теперь ежедневно по три раза на дню докладывают о состоянии пациента нашему главному.

А Костик начал петь песню о том, как он меня ценит и, не щадя себя, выбивал мне новый оклад. Еще и руки распухнуть пытался, мерзавец! Вылетела я от него не в лучшем расположении духа и тут же выяснила, что меня уже дожидается представитель фонда собственной персоной. Любезничать с этим типом не было никакого желания, и я ушла на осмотр пациентов в тайной надежде, что он отправится за информацией к бывшему или главному. Не сбылось. С маниакальным упорством ждали именно меня.

И вот когда я почти отделалась от невыносимого типа, прибежала медсестра с сообщением о том, что Макс в боксе. Я забыла обо всем! Пока бежала, чуть не поседела от ужаса, представляя искореженное после аварии тело.

– Макс! – Камень с души упал, когда увидела возле бокса здорового и невредимого брата. Но, поймав его взволнованный и виноватый взгляд, насторожилась. – Что случилось?

– Клянусь, я не гонял! Меня подрезал пьяный идиот, и я уходил от столкновения.

Подойдя ближе, заметила, как его бьет дрожь.

– Кто там? – Я заглянула в бокс.

– Девушка. Я зацепил ее на тротуаре. Серьезных видимых повреждений нет, только кожа содрана на ладонях и коленях.

– Прибью тебя! – пообещала братцу и, унимая сердцебиение, шагнула к пациентке.

– Что у нас? – спросила медсестру, склоняясь над пострадавшей и проверяя реакцию зрачков.

– Похоже на обморок.

– Документы есть?

– Да, англичанка.

Плохо. Я мысленно выругалась, уже представляя Макса за решеткой. Иностранцев хлебом не корми, дай посудиться по малейшему поводу, а тут такое. Вспомнилась оставленная матерью кредитная карточка. Кто бы знал, как скоро она пригодится. Неожиданно меня захлестнула злость. А может, и пусть? Посидит, поумнеет и поймет, что закончиться могло все намного хуже.

Мысли металась в голове, а руки делали привычное дело, проводя осмотр и не обращая внимания на трясущегося братца.

– Как ваше имя? – убирая наштабь, спросила у проходящей в чувство девушки, вспоминая свой английский.

– Элизабет... Грин. Я приехала в отпуск, и вот такая незадача, – слабым голосом произнесла пациентка, как будто извиняясь.

– Кхм.

Не ожидала, что после столкновения она будет настолько сдержанна. Может, еще не совсем пришла в себя? Решила объяснить, что с ней произошло.

– Меня зову Роза Валерьевна. Я хирург и дежурный врач, – немного слукавила насчет последнего. – Вы сейчас в смотровом боксе. Вас привезли после аварии. На вас наехал вот этот молодой человек.

Кивнула в сторону брата, чтобы прочувствовал, к чему приводит лихачество за рулем. Нажимая на газ и разгоняясь по проспектам, нужно помнить о том, что в городе не один.

– Он уходил от столкновения, но почему-то не заметил вас. Понимаю, вы захотите подать на него заявление в полицию.

Лучше сразу прояснить ситуацию и знать, чего ожидать. Может, удастся уладить дело миром, до прихода полиции.

– Что со мной?

Обрадовала пациентку, что отделалась ушибом бедра, переломов и ничего серьезного нет. Если жалоб не будет, ее вполне можно отпускать. Не знаю, есть ли у нее страховка, но страховые компании лучше сюда не вмешивать, иначе точно дело раздуют, и Макс институт сменит на нары.

– Вы помните адрес, где живете?

– Да. Это он привез меня? – Девушка скосила глаза на брата.

– Да, он.

– Извините! Я не хотел. Я... я могу оплатить какие-нибудь процедуры, – очнулся Макс.

«Голову себе новую оплати!» – мысленно пожелала ему, так как старую точно откручу.

– Заткнись! – выверилась вслух. Вроде ничего страшного не случилось, и меня стало отпускать.

– Он ваш родственник? – дошло до красавицы, а мне стало стыдно за свою несдержанность и охламона брата. – Послушайте, я не буду заявлять в полицию, – тяжело сглотнула девушка. – Вы мне скажите, я ребенка потеряла?

Все оборвалось у меня внутри.

– Вы беременны?

– До аварии была.

– Макс, я тебя убью. Лично. И даже жалеть не буду, – пообещала братцу, мысленно хватаясь за голову. А я эту иностранку чуть не отпустила! Плевать, есть у нее страховка или нет, лично все оплачу. Срочно на анализы и УЗИ!

Зайдя за ее голову, взялась за каталку. С этого нужно было начинать, а не тратить время. Кровотечения нет, но это еще ни о чем не говорит. Я молила бога, чтобы с ребенком было все в порядке.

Стоило нам покинуть бокс, как меня нашел представитель фонда. Я уже и забыла об этом невыносимом типе.

– Роза Валерьевна...

– Если вы хотите, то мы вернемся к нашему разговору позже. У меня беременная пациентка после аварии, а ваш друг подождет. Все! – оборвала его. Мне было не до расшаркиваний.

– Я в порядке... – попыталась приподняться пациентка, судя по виду, мечтая сбежать из больницы.

Пришлось и ее приструнить:

– Вы-то в порядке, а ваш ребенок – непонятно.

– Но я...

Натолкнувшись на мой взгляд, она легла обратно, перестав спорить. Вот и правильно!

Я не успокоилась, пока не сделали все анализы и УЗИ. К счастью, срок маленький и ребенок не пострадал, но матка была в тонусе. Девушка все рвалась уйти из больницы, и я этого не понимала.

– Это ваше право, Элизабет. Но как врач я бы вам посоветовала остаться у нас на несколько суток. С таким ушибом вы не сможете толком ходить. И у вас небольшой тонус. На таком сроке это может быть чревато потерей ребенка, – постаралась я немного сгустить краски. Береженого бог бережет. Я же не прощу себе, если будет выкидыш. Уж лучше понаблюдать в стационаре.

– Да я не могу здесь остаться! – воскликнула она. – Вы не пони...

Неугомонная! Приподнялась, и тут же ее повело. Едва успела подхватить, зовя медсестру. Не хватало еще, чтобы из-за своего упрямства потеряла ребенка! Сделали ей укол, и я назначила капельницу.

– Куда вы собрались, Элизабет? – устало поинтересовалась у иностранки, когда она пришла в себя. – Посмотрите на свое состояние.

– Я...

– Лежите, вам поставили капельницу. Ничего опасного для ребенка.

Лежите и отдыхайте.

Сил у строптивой пациентки не осталось, и она сдалась, вытянувшись на постели. Не знаю, куда она так спешит, но должна понимать, что дела подождут и главное сейчас – ребенок.

– Не выпускайте ее без моего разрешения, – шепнула медсестре, выходя из палаты.

Спустившись в приемный покой, глазам не поверила, увидев рядом с поджидающим новостей Максом надоедливого представителя фонда. Они сидели, попивая кофе, и о чем-то неспешно беседовали. Неожиданно внутри зародилось раздражение. Почему он рядом с братом? Совершенно не понравилось, что этот самоуверенный гад сунулся на мою личную территорию, к моей семье.

– Как она? – вскочил с места Макс, увидев меня. Его собеседник остался на месте, лишь повернул в мою сторону голову.

– Все нормально. Сейчас под капельницей, хорошо бы понаблюдать за ней пару дней.

– Фух! – шумно выдохнул брат. – Тебя так долго не было. Я себе уже такого надумал...

Ухватила Макса за локоть и, отведя подальше от лишних ушей, прошипела:

– Радуйся, что она не собирается на тебя заявлять.

– Меня подрезали! Регистратор бы это показал.

– Ей от того было бы не легче, потеряй она ребенка по твоей вине!

– Но ведь все хорошо.

– Макс!

– Ладно, я поехал. Заеду на мойку, чтобы отчистили салон, – заспешил он, чувствуя, что запахло жареным.

– И ты сядешь за руль после такого? Дай ключи! – протянула ладонь.

– Что?! – взвился братец, так как я посягнула на святое. – Не сходи с ума!

– Макс, отдай, – как можно тверже повторила я.

– Разбежался! – психанул он. – Если ты не можешь больше водить, то нечего и мне приписывать свои проблемы.

– Макс!

– Скажешь, когда можно будет к ней зайти, – скороговоркой проговорил братец, отворачиваясь от меня. Подойдя к представителю фонда, протянул руку: – Был рад знакомству.

Тот встал, отвечая на рукопожатие.

Быстро попрощавшись, Макс смылся, заставляя меня в бессилии

сжимать кулаки. Бежать и останавливать его под взглядом льдистых глаз иностранца было невысказано.

– Не беспокойтесь, он уже отошел после стресса, и ему можно за руль. Это как с лошадью, лучше сразу сесть обратно в седло, если упал.

– Вы психолог, чтобы давать заключения? – разъярилась я. – Что вы вообще здесь делаете?

– Нет, не психолог, но кое-что в этом понимаю. И я ждал вас.

Спокойный, невозмутимый тон раздражал до безумия, и я едва сдерживалась.

– Зачем? Вы же видите, что я занята. Сходили бы к главврачу, у него оперативная информация по состоянию вашего друга.

– Но вы его лечащий врач. Я хочу услышать ваши прогнозы.

– Благоприятные! – ответила сквозь зубы. – Извините, мне нужно работать.

Резко развернулась, но мне не дали уйти, поймав за руку. Запястье пребольно сжали, как будто в тиски, грубо нарушая мое личное пространство. Внутренне поразились, что у этой ледяной глыбы оказались на удивление горячие пальцы.

– Я не для того вас столько ждал, чтобы услышать общие фразы, – с металлом в голосе произнес двинутый на всю голову представитель фонда.

– Хотите услышать больше – идите к главврачу! Уверена, он найдет время подробно вам все изложить, а меня ждут пациенты. Руку освободите! – прошипела зло. – Мне ею еще работать.

Самоуверенный тип крайне бесил, и я не собиралась ничего с ним обсуждать. Формально он не родственник, и я не обязана. Уже была готова позвать охрану, когда меня неохотно отпустили. Не задерживаясь и на секунду, не оглядываясь, ушла.

Глава 7

Осторожно, стараясь не разбудить сладко спящего Ангела, он встал с постели и замер. Потревоженная девушка зашевелилась, но не проснулась, повернувшись на бок и обнимая рукой его подушку. На мгновение он пожалел, что поднялся. Больше всего любил по утрам лежать в постели и наслаждаться ее близостью, как дракон охраняя сон своего сокровища.

Проклинал правила, которым был вынужден следовать и из-за которых не мог съехаться с любимой. Потому каждое совместное утро стало по-особенному дорого и ценно. Он уже столько запретов нарушил в своей жизни, но этот не смел, понимая, что только привлечет внимание к ней. Как же раздражало собственное бессилие, невозможность назвать любимую женой и иметь право каждый день любоваться ею.

Раньше, благодаря своему особому положению в обществе и возможностям, он чувствовал себя чуть ли не властителем мира, но с годами понял, что всего лишь раб правил и накладываемых ограничений. Встреча с Ангелом открыла глаза и изменила его.

Ему всю жизнь твердили, что женщины – зло, а у них высшая миссия, но все прежние убеждения рассыпались в прах. Втайне он себя чувствовал падшим ангелом, принесшим скверну к любимой. Ведь именно после их встречи у нее начались проблемы. Однажды даже сказал ей об этом. И сколько она ни убеждала, что он тут ни при чем, в душе не верил. Иначе почему Провидение забирает ее у него? Почему все против них? Но он собирался бороться до конца, и не важно, сколько правил нарушит. Возьмет на душу любой грех, но защитит своего Ангела.

Жаль, что покушение не удалось, а лишь добавило проблем. Придется затаиться и быть особенно осторожным. И в то же время он не мог ждать. Из головы не выходила Хищница, которую сейчас разыскивал Орден. Ее поимка решила бы их проблемы. Стоит рискнуть. Понимал, что за ней охотятся все, и тоже собирался поучаствовать в гонке. Нужна любая зацепка, и он собирался ее добыть, заставить мышку высунуть голову из той дыры, куда она забилась.

Захватив одежду, неслышно вышел из спальни и тихо прикрыл за собой дверь. Достав из кармана пиджака сотовый, по памяти набрал номер.

– Что с моим заданием? – не здороваясь, спросил собеседника.

– Готовим.

– Почему так долго?

– Вы же сами просили сработать чисто.

– Просил, но излишнее промедление может всю подготовку сделать бесполезной.

– Я понял, – отозвались на том конце, и он сбросил вызов.

С этим человеком они давно сотрудничали и понимали друг друга с полуслова. Разговор немного успокоил, но слишком много поставлено на карту, чтобы расслабляться. Особенно когда Палач рядом. Он не хотел беспокоить своего Ангела и ничего ей не сказал, но, возможно, и зря. Любая ошибка могла стать фатальной.

Раздумывая, как бы деликатно ей объяснить, что следует быть осторожной, занялся приготовлением завтрака. Включил кофемашину, засунул тосты, достал из холодильника яйца и молоко. И не услышал легких шагов.

– Люблю, когда ты готовишь.

Его Ангел прижался к нему со спины, обнимая. Легкий запах духов и тела привычно вскружил голову.

– Чем меня покормишь? – Она, как кошка, потерлась щекой о его плечо.

– Если не перестанешь меня соблазнять, мы сразу перейдем к десерту.

– М-м-м...

От одной только вибрации сексуального голоса вскипела кровь. Он развернулся, чтобы забыть обо всех заготовленных словах. В шелковой белой комбинации и белых чулках, любимая была и впрямь похожа на ангела. Чуть взъерошенная после сна и потому еще более притягательная.

– Зачем они сейчас? – вопрос прозвучал не так строго, как хотелось. Провел рукой по бедру, лаская полоску кожи над кружевом. Теперь стало понятно, почему он не услышал ее приближения.

– Хочу быть привлекательной для тебя, – притворно надула губки любимая, но его было этим не купить.

– Опять боли? – спросил серьезно.

– Мелочи, просто устала.

– Давай ты сделаешь перерыв в работе.

– Нет!

Он даже не удивился привычному отказу. Не в первый раз они заводили такой разговор, но беспокойство вперемешку с опасениями за нее заставило помрачнеть.

– Прости. Но ты же знаешь, что только работа не дает мне сойти с ума и заставляет держаться.

– Но при этом ты устаешь и чувствуешь себя хуже. Просто замкнутый

круг!

– У меня все хорошо, а будет еще лучше, когда ты меня покормишь.

Не желая портить совместное утро, сделал вид, что поверил, но в душе не оставляла тревога.

* * *

Богдан уже который час не мог сосредоточиться на документах и от этого бесился. Подумать только, вынужден терпеть подобное обращение от какой-то рыжей пигалицы! Ему уже два раза нахамили, а он проглотил! В другой ситуации Ковальский потребовал бы увольнения сотрудника, который не умеет себя вести, но что делать сейчас? Она сама чуть не уволилась. Из-за того, что, по всем отзывам, Шумилина действительно хороший врач, приходилось ее терпеть.

Конечно, можно было на нее надавить, но смысл? Кристоф должен поправиться, и ему не надо, чтобы рыжая бестия захотела избавиться от проблемного пациента. Пока она отстаивает интересы Морено, учить бешеную кошку манерам не стоит. Приходилось терпеть, а Богдан не привык сносить унижения от женщин.

Зазвонил сотовый, и Ковальский нахмурился, взглянув на экран. Хан. Друг сошел с ума. Перед вылетом перезвонил и попросил не спускать глаз со своей бывшей. Был взволнован, собирался о чем-то поговорить и беспокоился, чтобы на нее не вышел никто из Ордена. Узнав, что Ева под успокоительным и спит, Богдан вернулся в офис – держать руку на пульсе. Любое сообщение о захвате не прошло бы мимо него. Но Хан прилетел и огорошил своими планами. Сам направился в больницу, попросив не вмешиваться, и Богдану не нравилось, что задумал брат.

– Что? – ответил он на звонок.

– Ты знал, что она беременная? – без предисловий спросил друг.

– Не понял, я же тебе сразу сказал, что принцесса беременная.

– При чем тут Ирен? Я про Еву!

Богдан слышал, но не посчитал важным, а вот брат так не думал.

– Уверен, что от тебя? – поинтересовался со всем ехидством. Мало ли что ему успели напеть в уши.

Хан замолчал, а Богдан продолжил крайне мрачно:

– Она тебе это сказала? Тебе напомнить, какой процент мужчин растит не своих детей?

– Это мой ребенок, – мрачно и убежденно заявил брат, и Богдан поднял

к потолку глаза, призывая небеса послать терпения и признавая свое бессилие что-то втолковать этому ослу.

– Рад, что ты уверен. Генетический анализ на глазок прикинул?

– Богдан, что с тобой?

– Просто ты, кажется, забыл, с кем имеешь дело. Эта твоя Ева объявлена в поиск, понимаешь? Не просто как владелица, а как претендентка на роль Антихриста. И еще хочу напомнить: у тебя осталось меньше суток, чтобы увезти ее. И не говори мне куда.

– Боишься не справиться с искушением и сообщить Ордену? – зло спросил Хан.

– Это мой долг, – спокойно ответил на выпад Богдан. – И еще кое-что напоминаю: каждому позволено при встрече с Евой использовать любые методы ее задержания.

– Ее запретили убивать, лишь доставить в Рим.

– Да, убивать нельзя. Но ты помни, что никто не может запретить переломать ей все конечности перед транспортировкой. Или устроить травму черепа. Но это вряд ли, ее же еще допрашивать. Так что, думаю, голову трогать не станут. А вот все остальное... И еще, многие любят перед тем, как отдать преступницу, сначала поразвлечься с ней.

Хан от души выругался на латыни, а Богдан сам не понимал, зачем перечисляет то, что брат и сам знал. Наверное, небольшая месть, что заставил переступить через себя. Напомнил о давнем долге, когда Богдан просил его об одолжении, желая сам все решить, не вмешивая Орден. Тогда Хан полностью его поддержал, и он должен сейчас поступить так же. Взяв себя в руки, заговорил уже спокойнее:

– Ощутил? Это я к тому говорю, что тебе стоит ее спрятать как можно лучше. Охота идет, Хан. Магистры вне себя и не успокоятся, пока Ева не окажется в застенках Ордена. Не понимаю, зачем ты вообще возишься с ней. Если даже это твой ребенок, то можно поговорить с Магистрами. Они могут продержат ее в нашей клинике до родов, а потом ребенка отдать тебе. Заодно и анализ сделаем, твой он или все же нет.

– Ты не думал, что я ее люблю?

– Ее?! За что? – изумился Богдан. Брат всегда легко сходилась и расходился с женщинами и теплые чувства испытывал лишь к Ирен.

– Свяжемся позже, хорошо? Мне надо срочно вывозить Еву.

– Смотри, чтобы она тебе лицо не исцарапала, – предупредил Ковальский, втайне желая ему именно этого, и первым оборвал разговор.

Посидел, обдумывая разговор и сам себе удивляясь. Кто бы знал, что один из лучших Палачей станет прикрывать ту, из-за которой весь Орден на

ушах. Но для Богдана дружба была важнее, и он надеялся, что Хан знает, что делает. Мысленно прикидывал, когда стоит направить своих людей подчистить концы в больнице. Хорошо, что они сейчас здесь.

Богдан был убежден, что Хан совершает ошибку, но в деле замешан ребенок. Если есть небольшой шанс, что он от брата, то его любовнице действительно лучше не попадать в руки Ордена. Велика вероятность не дожить до родов.

С другой стороны, они же не отпускают ее. Хан теперь глаз не спустит с матери своего ребенка. Потом можно всегда сделать анализ ДНК и отдать младенца Ордену, если обманула. Пусть поживет с ней, присмотрится. Если она отравлена скверной, это выплывет. Хан принципиальный и мириться с таким не станет. Как ни крути, они профессионалы.

«Кстати, не мешало бы и самому вспомнить об этом!» – сказал себе Богдан.

Рыжая докторша выбила его из колеи, но ради дела он и не с такими справлялся, умело располагая к себе. Они неправильно начали знакомство, и пора им поговорить. В больнице бесполезно, там Шумилина на работе, на ужин она с ним точно не пойдет. Оставалось одно – навестить дома. Это выведет ее из равновесия, заставит нервничать.

Богдан предвкушающе улыбнулся. Идея нравилась все больше и больше. После принятого решения работать стало в разы легче, и он уже спокойно погрузился в дела.

* * *

С трудом найдя место для парковки в спальном районе, Богдан вышел из машины и поднял голову, изучая высотный дом из красного кирпича. По его данным, на восьмом этаже, вместе с братом, в трехкомнатной квартире проживала рыжая заноза. Квартира записана на их мать, а той досталась при разводе с ныне успешным ресторатором.

Уведомлять о своем визите Ковальский не планировал. Во сколько Шумилина заканчивала работу, он знал, добавил время на дорогу и еще немного на непредвиденные задержки. Подождет при надобности. Если дома только ее брат, тоже нестрашно. Они неплохо пообщались утром, и тот пустит Богдана дожидаться сестру.

Думал, не купить ли цветы, но отказался от этой идеи. У них не свидание, и не стоит рисковать получить тем же букетом в ответ на галантность. Богдан был уверен, что от него рыжая ничего не примет, лишь

разозлится. Звонить в домофон не стал, дождавшись выходящего собачника со старым псом непонятной породы.

Вообще, мысленно проигрывая встречу, Богдан приготовился ко всему: что никого не будет дома и придется ждать, что его не пустят даже на порог, захлопнув перед носом дверь... Но случилось совсем иное: на звонок никто не ответил, а дверь оказалась приоткрытой.

– Эй, есть кто-нибудь?

Чуть поколебавшись, он шагнул в квартиру.

Внутри царил тишина. Свет не горел, и через рукав пальто Ковальский щелкнул выключателем, разгоняя темноту.

– У вас дверь открыта! – громко произнес он и прислушался. Тихо.

Пройдя по коридору, стал заглядывать в двери. Ванна, туалет – пусто, в комнате никого, лишь на спинке кресла небрежно брошена футболка. Наверное, комната Макса, судя по едва уловимому запаху мужской туалетной воды. Дальше шла гостиная, кухня, и лишь заглянув в открытую дверь следующей комнаты, Богдан замер на пороге.

На полу валялся чемодан с разбросанными вещами, бумаги. Дверцы шкафов открыты. Кто-то, не сильно церемонясь, сбрасывал все на пол. Там же валялся ноутбук с треснутым корпусом, как будто на нем потоптались.

Богдан включил свет, осматриваясь. Первая мысль была об ограблении, но он ее отменил – вор не будет уничтожать ноутбук, скорее заберет с собой. И рылись избирательно, скорее искали какие-то бумаги. Ящики письменного стола выдвинуты. Почему-то разозлил чемодан, он валялся выпотрошенным, а вот остальные вещи спокойно висели на плечиках в шкафу.

И тут среди кипы женской одежды на полу внимание привлек белеющий кусочек кружева. Наклонившись, Богдан зацепил его двумя пальцами и достал женские панталоны. Вещь Дамаль! Сказать, что он был в шоке, – это ничего не сказать.

– Макс, почему дверь нараспашку? Ты опять ходишь обутым? – голос приближался. – Я тебя прибью!

Богдан повернул голову к двери, в проеме которой возникла злая фурия, и последовала немая сцена.

Глава 8

Автобус мягко покачивался. Я прислонилась головой к окну и устало прикрыла глаза. Сумасшедший день! Макс напугал до смерти, сбив беременную, главврач вызвал на ковер, интересуясь состоянием особого пациента. А какое состояние? Пока в искусственной коме, стабилен. Снова высказалась против его перевозки в другую клинику, нет особой необходимости, сейчас не стоит тревожить. Уж лучше потом, когда потребуется реабилитация. Организм молодой, выкарабкается, но лишь время покажет, с какими последствиями.

Да еще Костя как с цепи сорвался, пытаюсь все вернуть. Всю душу вытряс, раз за разом вызывая к себе по надуманным предложениям и сводя все к одному – прости! Довел до того, что я не выдержала и вызверилась – у меня пациенты, а он дергает. Прямым текстом сказала, что ни за что, вот выведу Морено из комы и увольняюсь. Поеду к матери во Францию.

Мне даже все равно было, когда его перекосило и он ядовито поинтересовался, не нашла ли я там себе кого.

«Да! – сообщила, чтобы отвязался. – Кристиан. Тоже аристократ. Познакомились в мой прошлый приезд, общались по скайпу. Я даже уже чемодан собрала, чтобы лететь к нему и слиться в объятьях».

После этого он больше меня не дергал, а потом вообще сорвался с работы, и больше его не видели.

Во дворе своего дома я увидела свет в наших окнах и выдохнула – Макс дома. Он звонил узнать, как потерпевшая, но я, вся на нервах после разговора с бывшим, сорвалась и на него. Сказала, что за ней приехали родственники и забрали, и пусть ищет себе адвоката. А если его посадят, передачи от меня пусть не ждет! Я ее мужчину и бабушку видела лишь мельком, но, по слухам, они всех на уши поставили из-за нее. И наезд так просто не оставят.

Потом уже стало стыдно. Брат тоже переживает, а я, вместо того чтобы поддержать, спустила на него всех собак. И, поднимаясь в квартиру, собиралась извиниться и нормально с ним поговорить. Но благие намерения продержались недолго. Меня встретила приоткрытая дверь.

– Макс, почему дверь нараспашку? – крикнула, заходя и закрываясь на замок. Села снять сапоги и заметила на полу влажные следы от обуви.

– Макс, ты опять ходишь обутым?

Вот бесило, когда он по квартире в уличной обуви расхаживал! А когда

увидела цепочку следов, ведущих в мою комнату, в момент завелась:

– Я тебя приблюю!

Злая, как тысяча чертей, рванула к себе, чтобы тут же остолбенеть. У меня в комнате был разгром, и устроил его совсем не Макс. Среди валяющихся на полу вещей стоял надоевший мне до оскомины представитель фонда и с брезгливым видом держал в руке женские панталоны.

– Эм-м-м...

«Мне точно нужен психиатр!» – промелькнула мысль.

Я даже моргнула, не веря в реальность происходящего, но ничего не изменилось.

– А что вы тут делаете? – задала резонный вопрос.

– Пришел с вами поговорить.

Да?! Я обвела взглядом комнату. Это он так разозлился, что меня дома нет?..

– На первый взгляд остальные комнаты не тронуты, искали что-то у вас, – просветили меня.

– Искали? – повторила за ним, все еще пребывая в шоке.

– Да. Посмотрите, разбросаны бумаги и вещи из чемодана. Не знаю, где у вас украшения, проверьте, но не думаю, что это воры.

Я отмерла и кинулась к туалетному столику. Выдвинула ящик и, отодвигая косметику, достала шкатулку. Вроде не легкая. Открыв, обнаружила все свое золото в полной сохранности.

– На месте?

Чувствуя мое напряжение, иностранец не делал резких движений и говорил спокойным тоном.

– Почему не воры? – спросила у него.

– Насколько понимаю, украшения не тронуты, и разбили ноутбук. Вор бы его забрал.

Ноутбук! Взгляд нашел его на полу, и в голове щелкнуло. Отложив шкатулку, бросилась к компьютерному столу. В подставке для ручек и скрепок хранилась флешка, куда я сбросила весь материал по диссертации, но сейчас ее не было. А в выдвинутых ящиках не было моих распечаток с заметками, которые я не успела выбросить.

Костик! Больше некому. И ключи у него запасные есть, я давала, но после расставания так и не забрала. В голове зашумело от подлости бывшего. Так вот он куда пропал сегодня! Побегал материал по диссертации искать, пока я была на работе.

– Вы знаете, что украли? Полицию вызывать будете? – ворвались в мое

сознание слова.

Представитель фонда. Обернулась и окинула его злым взглядом, прищурившись.

– А не боитесь, что я вас же и обвиню во всем этом? – Я обвела рукой комнату. – Как вы вообще здесь оказались?

– Узнал адрес. Приехал поговорить, в больнице вас не застать. А дверь открыта. Я только пришел, как вы заметили, мои следы еще не высохли.

Звучало логично, и я поверила. Не могла смотреть на мамины вещи на полу. Перевернула чемодан, сгребла в кучу одежду и принялась запихивать в него. Дернула у иностранца из рук панталоны, но он успел отвести руку.

– Это ваши?

– Издеваетесь? – Я опять рванула их на себя. – У меня мать замужем за французом. Аристократом. Наверное, оттуда.

Посмотрела на старинные панталоны из тонкого батиста, отороченные кружевами, и скривилась, швырнув их в чемодан со словами:

– Даже думать не хочу, какие у них ролевые игры.

Моя мать любила красивое белье, и я представить не могла, что она добровольно наденет на себя такой раритет прошлого века.

– Что? – поймала на себе испытующий взгляд. – Это ее чемодан.

Обвела взглядом разгромленную комнату, и захотелось плакать. Даже когда застала Костю с другой, было не так больно. Мерзко, противно – да, но это и заглушало боль от предательства.

А сейчас, пробравшись в мой дом и наследив, он показал свою подлую натуру, о которой я даже не подозревала. Получается, все эти уговоры и извинения были ради этого? Чтобы материал по диссертации получить?!

– Вы точно не хотите вызвать полицию? У вас же что-то забрали, – осторожно уточнил еще один незваный гость.

Я посмотрела на разбросанные бумаги и сломанный компьютер. И что я предъявлю Косте? Ключи дала сама. Скажет, что пришел за своей диссертацией, ее и забрал. Уверена, больше ничего не пропало. Золото ведь не тронули, о нем и спросят в первую очередь. А разбросанные вещи и бумаги? Докажи, что не я это сделала. Скажет, разбросала сама из мести, и будет его слово против моего.

– Нет. Я знаю, кто это сделал. Взяли только бумаги, – выдавила из себя.

Как же гадко! Мне как будто в душу плюнули и потоптались, как на том ноутбуке. Ведь специально его разбил, чтобы я по скайпу с французским аристократом не общалась. Вот только знал бы он, сколько этому Кристиану лет – божий одуванчик. Я его как врач консультировала

по поводу предстоящей операции.

Какая же я дура, что так и не нашла времени выбросить бумаги и флешку хранила на видном месте. Но кто же знал? А теперь меня обокрали, и я беспомощна что-либо доказать. Даже брату не пожалуешься. С него станется морду Костику набить, а этот гад потом на него заявление накает. Нет, Макса подставлять нельзя. Но как же горько и обидно!

Я смотрела на свою комнату и понимала, что отдых отменяется. Не смогу лечь, пока все здесь не перевою и не уберу. Как представляю, что он касался моих вещей своими грязными руками... И в то же время сил не было вообще, из меня как будто стержень вытащили, заставив ощутить себя беспомощной, наивной душой.

При мысли, что в любой момент может заявиться брат и ему придется что-то объяснять, я спешно потянулась к телефону, набирая его. Нужно узнать, сколько у меня времени.

Макс ответил почти сразу.

– Привет, ты где?

– У Юльки. Я сегодня у нее останусь, – немного напряженно произнес братец, ожидая от меня нотаций.

– Хорошо, – выдохнула с облегчением. Спешить никуда не надо.

Последовала заминка, и уже другим тоном брат спросил:

– С тобой все в порядке?

– Да, – через силу выдавила из себя, стараясь держаться. – Устала очень... Макс... ты извини меня за сегодня, я переволновалась и забыла, что тебе тоже нелегко.

– Да ладно, это тебе спасибо! Ты бы себя видела. Если бы не ты, ее бы отпустили, никто бы так с ней не носился. Еще неизвестно, что было бы с ребенком. А так хоть уверены, что все в порядке. И я спокоен... Роуз, может, мне приехать?

– Твоя Юля мне этого не простит. Не надо. Я сейчас спать пораньше лягу, с ног валюсь.

– Приятных снов, сестрица.

– И тебе не хворать!

Я повернула голову и натолкнулась на внимательный взгляд льдистых глаз. Дьявол, как же его зовут? Совсем из головы вылетело.

– Извините, не помню вашего имени...

Взгляд блондина нужно было видеть. Ну простите, на момент нашего знакомства мне было как-то не до этих мелочей.

– Богдан. Богдан Ковальский, – произнес так, как будто осчастливил и теперь я должна день нашего знакомства в календаре красным обвести.

Да хоть Джонни Депп! Все, чего я хотела, – это как можно скорее выставить его из квартиры.

– Богдан, как видите, вы несколько не вовремя, – с откровенным намеком произнесла я. – Давайте завтра встретимся в больнице и поговорим. Обещаю уделить вам время.

– Вы завтра работаете?

– Да.

– Я правильно понимаю, что ваш брат ночевать сегодня здесь не будет?

Ох, что-то мне совсем не понравился этот вопрос. Если подумать, мы с ним здесь наедине. По голове тукнет и уйдет не прощаясь. Дверь я сама на замок закрыла, и быстро из квартиры не выскочишь...

– Вам какое дело?

Да, признаю, прозвучало грубовато, но и нервы на пределе. Этот Богдан пробежал глазами по беспорядку в комнате и посмотрел на меня.

– Вы устали, но придется заниматься уборкой. Потом собираетесь лечь спать в квартире, в которую легко проник злоумышленник. Дверь не взломана, значит, у вора есть ключи. Вы не боитесь, что вас ночью изнасилуют или придушат?

– Не говорите ерунды! – отмахнулась я, но внутренне поежилась. Он прав. Кто его знает, что взбредет в голову моему бывшему? Например, прийти ночью выяснять отношения или отдать ключи от квартиры бомжам и сообщить адрес... Не поступит так? Это я раньше была убеждена, что знаю его, а сейчас уже ни в чем не уверена.

Поежилась, как от холода. Ужас! Из-за Кости я перестала чувствовать себя в безопасности даже в своей квартире. Все же постаралась держать лицо.

– Я не буду убегать из собственного дома, – произнесла с уверенностью, которой не чувствовала.

– Никто не говорит о побеге. Речь идет о здравом смысле.

– Что вы предлагаете?

– Соберите все необходимое и переночуете у меня. Не беспокойтесь, в доме несколько гостевых комнат, и вы меня не стесните, – пресек он мои возражения. – А за это время клининговая служба наведет в квартире порядок, а слесарь сменит замок.

– Мне больше делать нечего, как клининговую компанию искать! – воскликнула я в полном шоке от такого предложения.

– Зачем искать? У меня есть номер, – невозмутимо ответили мне и потянулись за телефоном, пояснив: – В прошлом году они убрали у меня после приема, я остался ими доволен.

– Послушайте, мои проблемы вас никоим образом не касаются! – попыталась я прекратить этот абсурд, так как Богдан уже листал в телефоне контакты.

– Ошибаетесь!

Меня в оторопь бросило от властного тона, а он продолжил:

– Вы лечащий врач моего друга и завтра на работу должны прийти спокойной и отдохнувшей. Поэтому вы, не споря, сейчас же соберете вещи, а мне позволите решить ваши проблемы.

Я даже рот открыла от удивления, насколько бескомпромиссно это прозвучало. Первым порывом было взбрыкнуть и послать его куда подальше. Ничего себе раскомандовался! Но порыв прошел, и возобладал здравый смысл. Ну выгоню я этого Мистера-Я-Знаю-Что-Делаю, а дальше что? Уборка и бессонная ночь обеспечены. Остаться одной в квартире, когда в любой момент в нее могут заявиться нежданные гости, опасно, а искать ночлег у знакомых и посвящать их в свои проблемы не хочется. И я дала карт-бланш.

– Решайте, – не стала спорить.

Кажется, удалось его удивить своей покладистостью. Наверное, речь уже убедительную заготовил, а не понадобилась, Несколько мгновений меня сверлили взглядом, а потом кивнули:

– Собирайтесь.

Богдан вышел, кому-то звоня, а я еще раз оглядела разгром в комнате. Ну и черт с ним! Сил затевать уборку ни физических, ни моральных нет. Если хочет помочь – пусть помогает. Взяла пижаму, одежду на завтра, побросала все в кожаную дорожную сумку, подарок от матери, и вышла. В ванной комнате достала из шкафчика новую зубную щетку, взяла свою косметичку и была готова.

Блондин торчал на кухне, отдавая кому-то распоряжение:

– ...купить новый ноутбук. И перенеси на него все программы и данные со старого. Нет, не у меня... Да, ставь.

Заметив меня, он завершил разговор, не прощаясь.

– Речь о моем ноутбуке?

– Вы быстро.

– Вы не ответили на вопрос.

– Давайте не будем усложнять. Мне это ничего не стоит.

– Давайте вы не будете перегибать, – в тон ответила я. – Ноутбук и услуги специалистов оплачиваю я, и это не обсуждается.

– Мы можем ехать? – осведомился он.

И вот что делать с этой глыбой тестостерона? Богдан выглядел как

человек, всегда поступающий по-своему. Сразу видно – крупный бизнесмен. Холодный, расчетливый, властный. Он и меня уговорил ехать с ним лишь потому, что ясно дал понять – это ему выгодно и в его интересах. Предложи он просто помощь, ни за что бы не приняла, не желая быть обязанной.

Спорить сейчас с бизнес-акулой явно бесполезно.

«Ничего, – сказала себе, – узнаю, сколько будет все стоить, и в любом случае всучу ему деньги».

Не люблю быть должна.

– А как же приезд клининговой службы?

– Мы передадим ключи от квартиры по дороге моему человеку, и он за всем проследит. Завтра вам на работу доставят комплекты ключей от нового замка.

– А как же Макс? Он домой не попадет, – спохватилась я.

– Насколько понимаю, вы не собираетесь ставить его в известность об инциденте. Скажете, что сломался замок и вы его заменили. Ключи у вас заберет.

Меня пугало, как легко иностранец решал любые проблемы. Оглянуться не успела, как уже ехала в его машине. Даже мои страхи рядом с этим типом притихли. Какие аварии? Такой мужчина всегда держит все под контролем. Ага, начиная от собственной машины и заканчивая жизнью людей, которым не повезло с ним столкнуться.

Мы выехали на кольцевую, сделав лишь одну остановку на заправке, и направились в сторону области. Я почему-то думала, что он в центре живет, и впервые задумалась, а куда мы, собственно, едем. Вообще-то верх безрассудства – ехать непонятно куда и непонятно с кем на ночь глядя, но мое чувство самосохранения молчало.

– А где вы живете? – нарушила молчание. Богдан, видимо, был не большой любитель праздных разговоров, и все время поездки в салоне царила тишина, даже радио не играло. Может, потому, что ему несколько раз звонили и он отдавал короткие распоряжения.

– Вам назвать адрес или достаточно того, что у меня дом в коттеджном поселке? Я снимаю его на время своих визитов сюда.

– Достаточно, – проворчала я, отворачиваясь к окну.

Спрашивать что-либо еще желание пропало, да и очередной входящий звонок отвлек его внимание. Лишь когда въехали на территорию коттеджного поселка, я с недоумением спросила:

– А как же ключи от моей квартиры?

– Я их передал еще на заправке.

Хм, а мне и слова не сказал. Сразу видно, что не привык отчитываться в своих действиях.

Мы подъехали к большому особняку за высоким забором. Ворота открылись автоматически, пропуская нас на территорию.

– Я живу один, ни слуг, ни жены, так что можете чувствовать себя совершенно свободно, – приглашая в дом, сообщил Богдан.

«Интересно, то, что мы с ним здесь совершенно одни, должно меня успокоить?» – хмыкнула я про себя.

– Давайте я покажу вам дом и вашу комнату, – любезно произнес хозяин особняка. – Вы голодны? Желаете поужинать?

– Нет, благодарю.

– Все равно давайте покажу вам кухню. Если надумаете, можете смело все брать.

– Ну давайте, – вздохнула я и пошла за ним. Все, чего хотела, – это поскорее остаться одной.

После обстоятельного осмотра дома меня провели на второй этаж и показали мою комнату. Богдан ушел, а я бросила свою сумку, осматриваясь. Большая двуспальная кровать, круглый пушистый ковер на полу, картины на стенах, из мебели – шкаф, тумбочка, кресло. Довольно мило, но безлико, как в гостинице. Ванная комната рядом, и я сразу пошла купаться, желая лечь спать. Стопочки чистых полотенец и отсутствие мужских принадлежностей дали понять, что у хозяина есть личная душевая. Тем лучше!

Я долго стояла под теплыми струями, включив в душевой кабине функцию массажа. Приятно и расслабляет. Но даже массаж не смог избавить от внутреннего напряжения. Закутавшись в полотенце, полезла в сумку за пижамой и мысленно чертыхнулась. Вот не могла что-нибудь попрличнее взять? В спешке автоматически засунула свою любимую флисовую пижаму.

Стоит ли говорить, что, не желая позориться, из ванной комнаты я пробиралась к себе с осторожностью, короткой перебежкой, как по стану врага. Сначала высунула голову в приоткрытую дверь, убедилась, что коридор пуст, а потом – финишный забег до комнаты со скоростью марафонцев. И смех и грех, честное слово. Это уже после, лежа в постели, ругала себя за дурость. Можно подумать, что Богдану есть дело до того, как я выгляжу! Посмеялась немного над собой, укутываясь в одеяло.

Сон не шел, от слова «вообще». Вроде бы и с ног валилась, и вымотана, и постель удобная, но я лежала без капли сна, безуспешно вслушиваясь в темноту. Дом как будто вымер, звуки доносились лишь с

улицы: то собака у соседей залает, то машина посигналила. Хозяина дома слышно не было.

Провертевшись без сна больше часа, захотела пить и дико пожалела, что не прихватила с собой воды. Еще некоторое время лежала, решаясь выйти в непрезентабельном виде, но в итоге сдалась. Прокрадусь босиком, при появлении красавчика неслышно ретируюсь.

«Или напугаю его до икоты», – хмыкнула про себя и отправилась за водой на кухню.

Выйдя из комнаты, замерла, прислушиваясь. Тишина. Таковую и нарушать страшно лишним звуком. На цыпочках дошла до лестницы и перегнулась через перила. Внизу свет не горел, и это немного успокоило. Фонари уличного освещения разгоняли сумрак дома, можно спокойно передвигаться, не боясь напороться на углы стен или мебель.

Быстро прокралась на кухню и лишь там спокойно выдохнула. Все же бродить по чужому дому некомфортно, поневоле чувствуешь себя преступницей. Ага, особенно когда ночью заглядываешь в хозяйский холодильник.

«Чтоб все так жили!» – ахнула про себя, скользя взглядом по забитым доверху полкам. Мини-маркет и кулинария в миниатюре. Достала себе бутылочку «Перье» и захлопнула дверцу. Я, может, и стащила бы себе кусочек рыбки, но хомячить ночью на чужой кухне не комильфо.

Утолив жажду, прихватила с собой минералку и пошла обратно, но у подножия лестницы остановилась. К себе в комнату не хотелось, как и спать. Чуть поколебавшись, свернула влево. Помнится, Богдан показывал бассейн, и тот произвел впечатление даже больше самого дома. Голубая вода манила искупаться. Я черт-те сколько уже нормально не отдохала и забыла, когда последний раз была в бассейне. Хоть хозяин и говорил что-то про купальники, я ограничилась тем, что села на бортик, спустив ноги в воду. Она давала блики на стены, и получалось красиво.

В этом большом спящем доме я чувствовала себя чужой. Пусть красавчик его просто снимает, но чувствовалось, что он привык к самому лучшему. Наверное, и женщины у него сплошь модели и светские львицы.

«Да какое мне дело до его женщин?» – одернула себя.

Но на фоне успешности иностранца я особенно остро чувствовала свою несостоятельность. Карьеру не буду трогать, это мой сознательный выбор. Хотела быть рядом с Костей, помогать обычным людям, а не только тем, у кого толстый кошелек. Но со временем идеализм выветривается, и к тридцати годам понимаешь, что если бы не периодические финансовые вливания матери, было бы ой как трудно выжить. А хочется уже добиться

чего-то самой.

Раньше меня устраивала моя жизнь, жила как в шорах, но после расставания с Костей я впервые серьезно задумалась о будущем. Ведь из больницы по-любому придется уходить. Рядом с бывшим, да еще под его началом я уже точно работать не смогу. Боже, сколько лет угробила на этого гада! Как вспомню, что он сделал, внутри все переворачивается.

И сейчас, сидя в чужом роскошном доме и вглядываясь в блики воды, я остро чувствовала себя наивной одинокой дурой.

– Надеюсь, вы не собираетесь топиться? – раздался вопрос над моей головой.

Ой! От неожиданности я буквально подпрыгнула на месте. Слишком резко повернулась, запрокидывая голову, и почувствовала, что соскальзываю. Неловко взмахнула руками и ушла под воду с головой.

– Руку дайте! – услышала, выныривая у бортика.

Протянула не глядя, и меня вытянули из воды.

– Слушайте, если что, это была шутка, а не руководство к действию, – недовольно заметил хозяин дома. Он переоделся и сейчас был в домашних брюках и футболке, обтягивающей рельефные мускулы, а с меня ручьями лила вода, как с мокрого котенка.

– Идите знаете куда со своими шутками! – разозлилась я, с силой отталкивая его. Не ожидая такого, Богдан пошатнулся, отступая, но так как стоял на краю, теперь уже сам полетел в воду, подняв кучу брызг.

Упс!

– Я не хотела...

Слова замерли на губах, когда увидела лицо вынырнувшего мужчины.

Я здравомыслящий человек, Если подумать, что я сделала? Случайность. Но сейчас все инстинкты вопили – беги. Ночь, мы в доме одни...

Я развернулась, поскользнувшись на мокром и чуть не падая, и побежала к себе. Хватит, нагулялась! Надеюсь, если запрусь, он не выбьет дверь?

Ничего не слыша из-за бешено бьющегося сердца и шума крови в ушах, я неслась к лестнице. Сзади было тихо. Никаких криков типа «Что случилось?» или «Куда вы?», но это не успокаивало. И правильно! Стоило добежать и ухватиться за перила лестницы, как меня от них буквально оторвало. Я взмыла вверх и оказалась перекинута через мужское плечо. Подняв голову, увидела, как стремительно удаляются ступеньки...

– Куда вы меня несете? – взвизгнула я.

– Мы намочили весь первый этаж. Переодеваться, – раздался довольно

спокойный ответ.

– Я могу и у себя...

– Хотите и второй этаж намочить? – перебил он.

Ладно, логично. Едва веря, что все обошлось, выдохнула. Дура! Перепугалась, напридумывав себе, а он за полы переживает. Но не успела я расслабиться, как с меня стащили штаны и смачно шлепнули по ягодицам.

Глава 9

– А-а-а-а! С ума сошли? – заорала я, извиваясь.

– Давно хотел это сделать.

– Да вы... да я...

В шоке не находила слов, да еще вырваться из крепкой хватки никак не получалось. Бесплезно помолотив по крепкой спине, разозлилась и укусила его за бок.

– Бешеная кошка!

Меня рывком сдернули с плеча, поставив на пол. Мы находились в темной комнате, и лишь серый проем открытой двери показывал вход. Первым делом я подтянула приспущенные штаны. Собиралась задать стрекача, но вход заслонил Богдан с полотенцем, шагнувший откуда-то сбоку.

– Снимайте мокрую одежду.

Я замялась. Во-первых, с меня еще текла вода, а во-вторых, хотелось закатить скандал.

– Ну же, иначе я сделаю это сам.

Уже не сомневалась, что с него станется! Он растянул полотенце между нами, и я подчинилась, избавляясь от промокшей одежды. Несмотря на то что было темно, чувствовала себя так, будто делала это при свете. Меня переполняли гнев, смущение, зарождающийся страх – ведь я наедине с этим сумасшедшим. А с ними лучше не спорить! Ягодицы до сих пор горели, рука у него тяжелая.

Рывком стянула штаны, выпутываясь из них, и лишь потом верхнюю часть пижамы. Дернула на себя полотенце. На какой-то миг показалось, что не отдадут, но страхи были напрасны. Быстро обернула его вокруг себя.

– Давайте одежду, я положу ее в сушку.

Пока я наклонялась, он отошел и вернулся с еще одним полотенцем:

– Возьмите для волос.

Мне попался заботливый псих! Мы совершили обмен, и Богдан прошел в глубь комнаты. Ручейки воды с волос неприятно холодили кожу, и я воспользовалась полотенцем, промокая их. Не считая произошедшего, поведение хозяина дома было нормальным, но радовалась я рано. Он запустил сушку вещей и вернулся, проходя мимо меня. Я так и замерла, увидев, что он абсолютно голый!

Тело у него потрясающее. Подтянутое, рельефное, без грамма лишнего

жира, таким любоваться одно удовольствие, но голый?!?! Судорожный вдох меня выдал, и Богдан обернулся.

– Что? Свою одежду я тоже загрузил. Не думаете же вы, что мне доставляет удовольствие ходить в мокром, – понял причину моей реакции красавчик, оборачивая полотенце вокруг бедер. Сразу стало легче дышать, а то я себя котенком почувствовала, запертым в клетке с матерым хищником.

– Да я вообще о вашем удовольствии не думаю! – слетели с языка слова, прозвучавшие двусмысленно. Скрывая досаду и смущение, наклонила голову, оборачивая вокруг волос полотенце в виде чалмы.

«Так, тряпка, соберись! Тебя по заднице шлепнули, а ты ни слова возмущения не сказала, как будто так и надо!» – одернула себя, но качать права с этой грудой мышц в замкнутом пространстве было страшновато. Поэтому предпочла с независимым видом пойти на выход из комнаты.

Богдан двинулся за мной следом.

– М-м-м, предпочитаете, чтобы думали о вашем? – прозвучало весьма провокационно. От тембра его голоса у меня все волоски на теле встали дыбом.

Я увидела, что мы все еще возле бассейна, значит, он затащил меня в одну из хозяйственных комнат там. Понимание, где нахожусь, придало уверенности.

– Это вы сейчас о чем? – Я развернулась к хозяину дома, не желая терпеть двусмысленности, и чуть не уперлась носом в обнаженную грудь. Вздернула подбородок, сверля его взглядом.

Несколько мгновений он глядел на меня, а потом вместо ответа мои губы обжег жалящий поцелуй.

Богдан почти сразу отстранился, а я так и стояла потрясенная, потеряв дар речи. Начни он меня душить, я и то удивилась бы меньше. Если бы не горячие губы, вообще можно было бы решить, что показалось. Но, сняв пробу, хищник решил продолжить. Не дождавшись моей реакции, Богдан положил ладонь мне на затылок, стягивая полотенце и давая рассыпаться по плечам волосам, а потом притянул к себе, опять целуя. Его губы действовали напористо и уверенно.

Хотелось бы сказать, что они смяли мое сопротивление, но его как такового и не было. Я замерла, не отвечая, но позволяя ему делать все, что он хочет. Прислушивалась к себе, своим ощущениям. За все годы с института у меня был только Костя. Я сто лет ни с кем другим не целовалась! Да и не тянуло. Сейчас же я пробовала, а как это с другим, и... мне нравилось. Это будоражило!

Я как будто сбросила десяток лет, вернулась в юность. Память первых свиданий и поцелуев, когда осторожно узнаешь друг друга. Конечно, Богдан весьма отличался от тех робких парней, но и эмоции будил намного более сильные. Эта властность, уверенность зрелого мужчины, знающего, что делать с женщиной, заставляла трепетать. Жаркая волна возбуждения прокатилась по телу, напоминая, как давно я лишена мужской ласки.

Мужчина же рядом со мной был во всех отношениях примечательный. За таким толпы бегают, придумывая, как соблазнить, а он сам на меня набросился. Вся ситуация – пустой дом, темнота и наши полуобнаженные тела – лишь еще сильнее заводила, придавала остроту чувствам. Как с Джеймсом Бондом целоваться. Понимаешь, что ты эпизод между его заданиями, но устоять перед таким шикарным мужчиной нереально, потом всю жизнь будешь душой себя обзывать! А я с некоторых пор душой быть не желала. Свободная? Свободная! Никому ничего не должна.

Обняв Богдана за плечи, я ответила на поцелуй, включаясь в игру языков и пробуя его на вкус. Ноздри трепетали, вдыхая будоражащий запах мужчины. Костя ниже, и у него не было такого шикарного тела. С Богданом я чувствовала себя совсем маленькой и хрупкой. Он подхватил меня, не прерывая поцелуя, подтягивая по своему телу вверх, и понес.

– Ты женат? – спросила я, отстранившись, решила уточнить сразу, пока еще тормоза совсем не отказали.

– Нет.

– Встречаешься? Обручен?

– Пока нет.

– Хорошо, – ответила на это и сама его поцеловала. Сейчас меня мало заботило, что у него мерзкий характер и я его как бы терпеть не могу. Целовался он божественно! Завтра вспомню о своих принципах, а сегодня пусть весь мир подождет. В пору студенчества я была больше поглощена учебой, чем романами, и сейчас познавала, каково это – быть со случайным любовником. Мне нравилось. Нравилось изучать его тело, на котором так мало волос. У Кости волосы росли и на спине, а спина Богдана оказалась более мощной, рельефной и гладкой. Да что сказать, поневоле сравнивала их, и мне нравилось, что все сравнения выходили не в пользу Кости.

Богдан далеко не ушел, переместив нас к широкому угловому кожаному дивану, который примостился у стены возле бассейна. Мое полотенце благополучно где-то потерялось, но я не стыдилась своего тела. Фигура у меня хорошая. Несмотря на невысокий рост, я сложена пропорционально и небольшую грудь второго размера никогда недостатком не считала. С моим телосложением чуть больше спереди – и будет

перевешивать. Ха-ха!

А вот полотенце на бедрах Богдана каким-то чудом держалось, но я уже успела пробежать пальчиками по тому, что оно скрывало, оценив размер. У Кости меньше! Каждое такое открытие окончательно рвало нити, еще связывающие меня с бывшим, и переводило его в разряд прошлого. Боль от расставания и его предательства отпускала когти, что рвали мне душу. Я не делала это назло ему, я делала это для себя. Вновь чувствовала себя желанной женщиной уже с другим мужчиной.

Мы целовались как сумасшедшие. Или я?.. Богдан пытался вести свою линию, целовать меня за ушком, шею, но я настойчиво тянулась к его губам. У Кости они более мягкие и пухлые, и раньше мне это нравилось, но сейчас чертовски нравилась твердость губ Богдана. Буквально с ума сводила! И я покусывала их, посасывала, лизала, не в силах насытиться поцелуями.

Богдан поставил меня на диван, рассматривая и скользя руками сверху вниз. Очертил пальцами ключицы, накрыл ладонями грудь, сжимая, чуть поиграл с ней, а потом спустился ниже, смыкая руки на моей талии. Погладил живот, коснулся кудряшек треугольника волос.

Ну извините, я как-то не планировала любовных приключений и не подготовилась. Как назло, в тот день, когда я отправилась в СПА, решила не ходить на депиляцию, желая наслаждаться лишь приятными моментами. Кто ж знал.

– Ты красивая, – вынес вердикт Богдан.

– Ты тоже ничего, – вернула ему сомнительный комплимент. К дьяволу! Пусть ему дифирамбы другие дуры поют. Этот мужской экземпляр и без меня прекрасно знает, насколько он привлекательный.

Богдан понимающе усмехнулся и резко провел ребром ладони там, где все давно жаждало его гм-м... внимания.

Я застонала от удовольствия, запрокинув голову. Царящий в помещении сумрак раскрепощал. Скажи мне кто еще утром, что уже вечером я буду стоять перед иностранцем голой и в голос стонать от наслаждения, я бы его отправила на третий этаж, к психологу – голову проверить. Я же Богдана даже как мужчину не рассматривала, так, раздражающий и отвлекающий фактор. Жизнь все же непредсказуемая штука!

Что же творили его пальцы! Я пошатнулась и ухватилась за мужские плечи, потянувшись за поцелуем.

– Защита, – напомнил Богдан, отстранившись и, к моему разочарованию, убирая руку.

– Я на таблетках.

– А я чист. Поднимемся наверх?

Нет, нет, я не хотела никуда идти и портить момент! Где гарантия, что не включится мозг, вопрошая, что я творю и зачем, и испортит все удовольствие.

– Не надо, – решила я тонуть в охватившем меня безумии и опять потянулась к его губам, но Богдан развернул меня к себе спиной и чуть подтолкнул, намекая, чтобы встала на четвереньки. Я сначала подчинилась, и он даже успел погладить меня по ягодицам и надавить на поясницу, чтобы прогнулась, но такая поза показалась мне унижительной, и я выскользнула из-под его руки, отползая вперед, к подлокотнику. Развернувшись к нему лицом и стоя на коленях, поманила пальцем.

Мое своеволие не пришлось по душе Богдану. Было видно, что он привык сам задавать правила и никому не отдавать бразды правления. Он подошел ко мне и, опершись коленом на диван, уже властно начал разворачивать за плечи, но я воспротивилась, не желая переворачиваться.

– Хочу тебя видеть.

– Здесь мало места.

– Так сделай что-то! – с вызовом потребовала я.

Он сжал мой подбородок и тихо приказал:

– Повернись к стене.

– Не хочу, – напряглась я, и туман желания стал рассеиваться. Я не девка и не проститутка, чтобы мне приказывать занять необходимую позу. А он давил взглядом, вынуждая подчиниться, не лаская и не прикасаясь больше. В душе вспыхнула обида. Со злостью оттолкнув его, соскочила с дивана. Пусть катится! Меня сегодня Костя поймел в переносном смысле, и позволять это делать Богдану в прямом я не собиралась. Два раза за день – это уже слишком!

Не успела сделать и несколько шагов по направлению к выходу, как грохот за спиной заставил обернуться. Честное слово, такое впечатление, что он мебель ломает, но нет. Богдан рванул на себя сиденье дивана, раскладывая его. Я остановилась, а он лег, вытягиваясь в полный рост и заложив руки за голову.

Полотенце с бедер осталось валяться на полу, и мужчина был полностью обнажен, показывая, что не растерял своего желания, хотя и сверлил меня злым взглядом.

Это была победа. Всей своей женской сущностью я чувствовала это и, притягиваемая как магнитом, пошла обратно.

Богдан не пошевелился, даже когда я забралась на диван и оседлала

его бедра. Потянулась поцеловать, но он отвернул лицо. Ласки закончены? Серьезно?! Он считает, что остановит распаленную женщину? Уступил и теперь жалеет? Плевать! Я сделаю все сама.

Больше не делала попытки поцеловать, перейдя сразу к главному, и понеслась вскачь, заботясь лишь о своем наслаждении.

О да!!!

Потрясающе!

Это что-то! Глухие мужские стоны смешивались с моими, которые я и не думала сдерживать. Эгоистичная в своем желании, я слишком быстро достигла финиша и рухнула, распластавшись на груди своего строптивого любовника, так и лежавшего все время, заложив за голову руки. Ха! Мне и так хорошо.

– Ты все же дикая кошка, – негромко заявил Богдан. – И это все?

– Ага, – зевнула я. Это он разрядку не получил, а я все успела, и шевелиться не хотелось. Приятная нега разливалась по телу, потянуло в сон.

Сразу нашлись неоспоримые плюсы секса не со своим парнем, а со случайным любовником. Не нужно заботиться, чтобы ему было хорошо, нет желания сводить с ума и очаровывать. Я знала, что мы разбежимся, и упивалась своим эгоизмом. Мне плевать, обиделся он или нет и не задела ли я мужское эго. Такие отношения дарили своеобразную свободу, вкус которой я впервые вкусила. Ну и что, что не захочет больше встречаться со мной? Я и сама повторения не планировала.

– Seriously?

Он перевернул меня на спину, нависая и вглядываясь в лицо. Но после полученного удовольствия я была благодушна.

– Можешь продолжить, я полежу. Хочешь – могу постонать, – великодушно предложила ему.

– Очень щедро.

– Ага. – Я предпочла не заметить иронию и потянулась, как сытая кошка. Бросив лукавый взгляд на Богдана, заложила руки за голову, копируя его недавнюю позу. Хочешь? Вперед! Все сам. Главное – не захрапеть в самый ответственный момент.

Мой посыл оценили. Богдан отодвинулся. Я уже думала, уйдет, что не очень бы и расстроило. Прикрылась бы его полотенцем и прям здесь и уснула бы. Но нет.

– Перевернись на живот, – попросил он.

Попросил!

– Без извращений, – предупредила я и перекатилась, положив голову

на скрещенные руки. В принципе, мне и так неплохо.

Богдан помедлил, а потом сел на мои бедра и провел руками по спине, стал разминать. М-м-м... Что же он делает? Я теперь точно усну!

Сильные нажатия приятно разгоняли кровь. Плечи, спина, ягодицы, которым уделили особое внимание... Так и тянуло замурлыкать от удовольствия. Было настолько хорошо, что ради такого можно было с легкостью сдать любые секреты, явки и пароли.

– Опустит руки, – глухо попросил Богдан, и я подчинилась.

Массаж перешел на руки, спускаясь к пальцам, которые тоже массируют, надавливая на определенные точки.

– Надо же, а я думала, что точка, отвечающая за оргазм, находится на спине, – буквально простонала от удовольствия. Никогда бы не подумала, что пальцы – мое эрогенное место.

– На пальцах точки, помогающие взбодриться, – просветил меня Богдан.

Да-а-а?! Так вот почему сон отступил и я ожила!

– Ты разбираешься в этом? А покажи, на спине где?

– Хочешь оргазм?

– Хочу! – нахально заявила я.

– Теперь только со мной, – прошептал он, наклонившись к самому уху.

У-у-у! Кажется, я была готова уже от одного тембра его голоса.

Что можно сказать? Богдан оказался фантастическим любовником! Выносливым, хм... стойким, прекрасно знающим женское тело. Теперь я верю, когда говорят, что нет фригидных женщин, есть неумелые мужчины. Согласна целиком и полностью! Обеими руками за! Как же много я упустила в жизни, теряя время с Костей и считая, что два раза за ночь даже лишнее и если не получила во второй раз оргазм, то сама виновата, и лучше мужчине этого не показывать.

С Богданом я не считала свои оргазмы, а просто видела фейерверк раз за разом. Мы повторили возле бассейна, потом в бассейне, потом отметились на кухне, куда пришли перекусить, на большом столе в столовой, где я была десертом со сливками и клубникой. А что он вытворял, зажав зубами кубик льда!..

В какой-то момент я попросту отключилась, не помог даже его хваленый массаж. Кажется, только закрыла глаза и проснулась уже утром от прикосновения Богдана.

– Просыпайся, тебе на работу.

Нехотя открыв глаза и увидев его свежим, в накрахмаленной рубашке и побритым, застонала:

– Я тебя ненавижу!

– Утренние угрызения совести? – приподнял бровь красавчик.

– Совсем дурак?! – теперь уже удивилась я, приподнимаясь. – Нет. Даже утром ты выглядишь идеальным, хоть на обложку журнала. Тебя рядом ни одна женщина не потерпит, комплекс неполноценности разовьется. Вали отсюда! – кинула в него подушку, которая пролетела мимо, и попросила, рухнув обратно на постель: – Будь человеком, сделай мне кофе!

Богдан усмехнулся и вышел, бросив на прощанье краткое:

– Спускайся.

Душ творит чудеса, всегда это знала. Но и без него самочувствие у меня было отличное, если не обращать внимания на приятную боль в мускулах. Нет, я не мазохистка и боль не люблю, но вот вспоминать ее причины оказалось безумно приятно. Вот что хороший секс с людьми делает, ха-ха! Вроде и спала совсем ничего, но глаза блестят, настроение на высоте и вид цветущий, как после отпуска.

– Утро доброе! – поприветствовала Богдана, заходя на кухню и усаживаясь за стол, напротив хозяина, пьющего кофе.

– Завтракать будешь? – спросил он, отпивая из чашки.

– А мне где? – обиженно посмотрела на него.

– Ты быстро собралась, – заметил он, вставая. Я залюбовалась им. Деловой костюм, дорогие часы, уложенные волосы. Его хоть сейчас на обложку журнала «Бизнесмен года».

– Опыт! Если хочешь подольше поспать, умей быстро одеваться.

– Так что насчет завтрака?

– Нет, спасибо. После нашего ночного пиршества есть совершенно не хочется.

Богдан оглянулся, и безумно захотелось подойти и впиться в губы. Ночью я заметила, что после наших первых сумасшедших поцелуев он избегает их, как будто себя сдерживает. Целуется мастерски, но не любит это дело? Меня же не волновали его личные предпочтения, и я целовала сама, требуя и получая. Его губы стали моим личным фетишем, идеалом мужских губ, но то, что я вытворяла ночью, утром позволить себе не могла.

– Лучше скажи, ты меня подвезешь или мне вызвать такси? – спросила, отвлекая себя от фантазий.

– Подвезу.

Богдан поставил передо мной чашку и сел на место.

– Скажи, это твой бывший вчера у тебя порезвился? – огорошил меня вопросом.

– Откуда ты знаешь о нем?

– Да ладно тебе, о вашем разрыве судачит вся больница. Что он у тебя забрал?

Хм, слышать такое было неприятно, но я сделала над собой усилие и не позволила данной теме испортить мое настроение.

– Материалы диссертации. Я помогала ему с ней, осталось много моих наработок, которые он присвоил.

– Ты хочешь их вернуть?

– Как? Вломиться к нему в дом и все забрать? Он их точно в сейфе теперь хранит, кучу копий наделал и замок сменил.

Хотя я ему ключи от его квартиры еще тогда отдала, швырнув на стол.

– Ты хочешь их вернуть? – повторил он вопрос.

– Да!

– Хорошо.

Богдан кивнул и уделил внимание кофе. Я же смотрела на него удивленно.

– Хорошо, и все?!

– А что еще? Ты их получишь.

Э-э-м... Всем своим видом он продемонстрировал, что тема закрыта. Ну ладно. Хотя внутри разыгралось любопытство. Как так?! Он даже адрес его не спросит? Дела-а-а.

Глава 10

Богдан прочитал сообщение от Хана, что у них все хорошо, и отложил телефон, потирая лицо. Хоть одной проблемой меньше. Пока Зегерсу везет, но как долго это продлится? Следы в больнице подчистили, но нет никакой гарантии, что его пассия не засветилась где-то еще. Кто бы мог подумать, все в Ордене на ногах из-за одной женщины, а ее скрывает лучший из Инквизиторов.

«А сам далеко ушел?» – спросил себя. Увидев вещь в квартире Розы, он глазам не поверил, но не стал сообщать об этом никому. И, занимаясь с ней сексом, меньше всего думал о том, чтобы вытянуть из нее информацию или втереться в доверие.

Роза... Невозможная женщина! Из-за нее он с утра в странном настроении: то глупо улыбается, вспоминая определенные моменты, хотя бы тот, когда она кралась по дому в своей смешной пижаме. Богдан тогда глазам не поверил, увидев ее в мониторе видеонаблюдения. Ладно бы шла к нему в комнату, а то на кухню и так забавно старалась не попасться хозяину на глаза. Не усидел на месте, наблюдая за долго сидящей фигуркой на краю бассейна. А то хочется разнести все к чертям. Странная неудовлетворенность точила изнутри, вызывая раздражение.

Он сам поцеловал ее. Он! Избегающий женщин всеми путями и предпочитающий ставить их сразу на колени для минета или в коленно-локтевую позу, чтобы не елозили по его телу накрашенными ртами. Губы женщин он предпочитал видеть лишь на своем члене, и все!

Фобия возникла еще в юности, после встречи с их первой Одержимой. Единственный раз, когда он влюбился как мальчишка и потерял голову. Больше ни одной женщине он не позволил забраться к себе в сердце. Как ему удавалось избегать поцелуев при сексе? Легко! Женщины млели от его властности и с готовностью подчинялись.

Рыжая кошка тоже вчера сначала подчинилась, но потом взбрыкнула и вообще послала его. Понимание, что это не игра в «догони меня» – она действительно уходит в самый пикантный момент, заставило Богдана изменить своим правилам и пойти у нее на поводу. Да, он мог принудить и взять ее в такой позе, в какой хочет сам, но смысл? Она лечит Кристофа и еще ему нужна, да и с вещью нужно все выяснить, нельзя пока портить отношения.

Богдан криво усмехнулся. Хотел наказать, продемонстрировав, что и

пальцем к ней не прикоснется, но эту бестию таким не смутить. При одном только воспоминании, как она бесстыдно скакала на нем, вскипала кровь. Ведьма! Рыжая, нахальная ведьма с острым язычком!

«Я вообще о вашем удовольствии не думаю», – вспомнились ее слова, когда они снимали мокрую одежду. Кто бы мог подумать, что это не бравада, а так и есть.

«Хотите, могу постонать!»

Стерва! После такого хотелось отшлепать или оттрахать так, чтобы имя свое забыла. Он выбрал второй вариант, но даже кувыркания практически до утра не потушили в крови пожар. Утром, глядя на сонную, взъерошенную Розочку, Богдан поймал себя на том, что ему мало. Он еще не насытился ее телом, ее сладкими стонами. Она отдавалась без жеманства и ложной скромности. Искренне. Кто бы знал, как ему надоели притворы, стонущие от страсти и при этом размышляющие, какой бы подарок с него страсти, или больше заботящиеся о том, как они выглядят сейчас, будто их снимают и нужно принять позу поэстетичнее.

А вот видео ночных игр с Розой он удалил из памяти хозяйского компьютера, предварительно перекачав к себе на ноутбук и поставив защиту. Позже с удовольствием пересмотрит, воскрешая в памяти горячие моменты. Ему бы делами заниматься, а он не может выкинуть из мыслей рыжую занозу!

Чем же она его так зацепила? Богдан задумался, анализируя их общение. Наверное, своим нежеланием хоть чем-то понравиться или заинтересовать. Она, кажется, его и как мужчину не воспринимала, пока не увидела раздетым. Неплохой щелчок по самолюбию. Богдан привык, что благодаря его обеспеченности и внешности с ним ищут встреч, мечтают привлечь внимание. Эта же русская и после секса, утром, вела себя независимо. Чего стоит один вопрос о том, вызывать ей такси или нет. Никаких просьб подвезти или ожиданий, что он ей чем-то обязан. Очень редкое поведение для женщины. Обычно стоит ей раздвинуть ноги – и тут же начинает считать, что мужчина теперь должен потакать всем капризам.

Роза же... Богдан выругался на латыни. Она предпочла продряхнуть всю дорогу до работы, а потом упорхнула, сказав «Пока». Не спросив, когда ей теперь привезут новые ключи от квартиры, не поинтересовавшись, встретятся ли они вновь. И это невероятно бесило. Он был уверен, что даже если рыжей не привезут ключи, она не станет названивать Богдану с претензиями, а просто поедет домой и вызовет слесаря. Да и куда названивать? Она даже номер телефона его не спросила.

«В чем дело, Ковальский? – спросил у себя. – Бесишься, что она на

тебя не запала?»

Хотя как можно такое утверждать после всего того, что они творили ночью? Но от этой непредсказуемой русской можно чего угодно ожидать. Богдан даже не знал, захочет ли она повторить? С одинаковым успехом при следующей встрече могла как отдалиться, так и послать его куда подальше.

Телефон пискнул входящим сообщением, и Богдан несколько мгновений сидел, не в силах вникнуть в текст. Отец прислал номер рейса и отеля, где забронированы номера. Сегодня прилетает Мария Ларентис, дочь Милоша, вместе с теткой.

Невеста! Богдан хлопнул себя по лбу, совсем забыв о сегодняшнем приглашении на балет. Благо он предусмотрел вариант, что одну девушку не отпустят, и выкупил четыре билета. Приезд Ларентис был некстати. Хорошо еще, прилетают на один день и не нужно их долго развлекать. У него слишком много дел, чтобы тратить время попусту.

– Ладно, посмотрим на эту невесту, – усмехнулся Ковальский. Если ничего, можно дать согласие на брак.

* * *

– Роза Валерьевна, вы сегодня сияете, – сделала мне комплимент медсестра, заглянув зачем-то в ординаторскую, и не удержалась от любопытства: – Помирились?

– С кем? – Я подняла голову от заполняемых бумаг. Эх, как же достает эта бумажная волокита. Иногда кажется, что именно на нее мы тратим семьдесят процентов своего рабочего времени.

Молоденькая кареглазая сестричка Ольга смешалась и юркнула за дверь.

Смешно, сегодня почему-то все решили, что мы с Костей помирились, а ведь еще никогда он не был мне настолько безразличен. Только вчера я переживала, что никуда не деться и придется делать вид, будто ничего не произошло. Как-то общаться, работать рядом. Он-то не будет страдать угрызениями совести, что обокрал и разгромил мою комнату. А уже сегодня я безразлично ему улыбалась, принимая задания на день и кивая в ответ на распоряжения.

Это Костя не сводил с меня глаз, нервничая из-за моего спокойствия и хорошего настроения, но не осмелился задержать и поговорить. А я отпустила ситуацию, в душе все чувства к нему умерли. Пусть подавится своей диссертацией и больше не трогает меня. Казалось, что теперь я

избавилась от давящего груза, хотелось расправить крылья и лететь в новую жизнь.

Звонок от Михаила пришелся кстати. Друг брата напомнил о своем приглашении на балет в Большой. Столько всего произошло, что это вылетело из головы. Хотела ли я пойти? О да! И мы договорились, во сколько он заедет.

Днем курьер принес новые ключи от квартиры. Я и забыла о них. Хотела позвонить Богдану и узнать, сколько я должна, но не было его телефона. Ничего, узнаю, когда появится в больнице. Вместо этого отправила сообщение братцу о смене замков.

«Ты меня выселяешь?» – тут же спросил он.

Юморист, блин.

«Я сегодня с твоим Мишей иду в театр, если не заберешь свой комплект, будешь караулить под дверью».

«Пожалуй, я переночую и сегодня у Юльки», – пришло сообщение. И тут же еще одно: «Квартира в вашем распоряжении».

«Сводня! Разве ты не должен охранять мою честь?» – тут же написала я и послала рожу.

«Обещаю набить ему рожу, если тебе не понравится».

«Лучше не появляйся сегодня мне на глаза!»

«Я понял!»

Свой ответ братец подкрепил радостным смайлом.

Вот же! Я рассмеялась. Спать с Мишей я не собиралась, но само обсуждение такой возможности щекотало нервы.

Целый день я буквально порхала, не позволяя ничему и никому испортить мне настроение. К концу смены это попытался сделать Костик, вызвав к себе и попросив выйти завтра и провести операцию платному больному.

– С ума сошел? Он же только сегодня поступил. Мы его поставили на вторник.

– Он деловой человек и не хочет ждать. Все его анализы уже готовы. Посмотри, противопоказаний нет.

Пододвинул ко мне бумаги, но я на них даже не взглянула.

– Пусть Михалевский тогда делает. Он же завтра дежурит.

– Хочет именно тебя.

– Ну если хочет, пусть ждет очереди. У меня вообще завтра выходной, и я собираюсь напиться на дне рождения Ирочки.

– Ты к ней идешь?

– А что тебя удивляет? Там все наши соберутся.

– Мы завтра можем пойти к Ирине вместе. Не стоит всем знать о наших трудностях, – сделал «щедрое» предложение Костик.

– Зачем? Я уже сказала ей, что мы расстались.

Услышанное не понравилось, но он удержал лицо, продолжив гнуть свою линию:

– Она пригласила на пять, а операцию можно провести утром, Борис выйдет, я уже договорился.

Борис был анестезиолог от бога, и я любила с ним работать в команде, но это ничего не меняло.

– У меня завтра выходной. Нет, – по слогам произнесла я.

– Роза, признаю, я вчера перегнул и был не прав, но больные в чем виноваты? – стал увещевать Костя, выходя из-за стола. – Сам не понимаю, как мы дошли до такого.

– Я тоже не понимаю, как ты скатился до воровства.

– Я взял свое! – тут же уязвленно вскинулся Костик.

– Свое? То есть это ты сидел, печатал, выбирал материал...

– Моя же тема диссертации!

– Да хоть Пушкина! Ты забрал мои наработки.

– Хочешь, я все верну.

Конечно, понаделал копий, теперь – пожалуйста.

– Это плоды моей интеллектуальной деятельности, и ты не имел права их брать. Я могла их выбросить, сжечь, продать.

– Продать? Хочешь денег? – оживился Костик. – Давай я оплачу твою работу. Сколько?

– Костя... подавись ими!

– Розочка, я серьезно высоко ценю все, что ты делала, и готов оплатить твою помощь. Давай и дальше будем работать над диссертацией вместе. Я знаю один хороший ресторан, пойдём? Посидим, обсудим...

Ресторан, куда он со своими бабами таскался? Теперь и меня решил осчастливить? После такого возмутительного предложения этот гад еще попытался взять меня за руки, но я отшатнулась, дистанцируясь.

– Знаешь, я потеряла интерес к данной теме. И к тебе. У меня есть более интересные планы на вечер.

– Не ври. Я нашел в интернете про твоего Кристиана, это дедуля.

– Это, конечно, тебя не касается, но сегодня в Большой меня пригласил совсем не дедуля. Пойду я, смена закончена, не хочу опоздать на премьеру.

– Заметь, ты хочешь, чтобы я ревновал! – крикнул мне в спину Костик.

– Нет, хочу, чтобы понял, что тебя оказалось легко заменить, – оглянулась я и с удовольствием закрыла за собой дверь.

Подмигнула секретарше, которая ответила нервной, немного натянутой улыбкой. Вот странная. Вечно смотрит на меня настороженно, как будто я ее скальпелем из-за угла вот-вот прирежу. Лично к ней у меня претензий не было, и я ее не считала виновной в нашем расставании с Костей. Сексом занимаются двое, и это Костик предал мое доверие, а не она.

Вышла из больницы и вдохнула полной грудью морозный воздух. Нет, с работой нужно что-то решать, бывшего с каждым днем переносить все сложнее.

Идя к автобусной остановке, скользнула взглядом по припаркованной черной «бэхе». Макс хотел такую модель, но остановился на тройке. Пока мерзла на остановке в ожидании автобуса, вспомнила о своей девочке и впервые с момента аварии испытала желание сесть за руль. Поездка с Богданом за город могла стать настоящим испытанием, но я перенесла ее спокойно, на обратном пути вообще задремала, полностью доверяя водителю. Может, пришла пора забыть о своих страхах?

«Ладно, сегодня уже некогда идти на стоянку, но на выходных возьму ключи, брата для моральной поддержки и попробую сесть за руль», – дала обещание себе.

По дороге к дому раздумывала, в чем бы пойти в театр. Не то чтобы хотелось произвести впечатление на Мишу, но чисто для себя. Решила остановиться на маленьком черном платье – классика на все времена, белом жакете с рукавами три четверти и замшевых сапогах на шпильке. Миша на машине, не замерзну в них, и гулять пешком долго не придется.

Увлеченная выбором наряда, я не заметила, как в наш двор плавно въехала черная «БМВ».

* * *

– Вау!!! – выдохнул Михаил, стоило мне открыть дверь. От откровенного восхищения в его глазах стало лестно.

– Я сейчас, проходи.

– Это тебе. – Он протянул мне кремовые розы.

– Спасибо. Сейчас в вазу поставлю.

Приняла букет, перевязанный лентой, без всяких упаковок, как я люблю. Какой смысл накручивать метры целлофана, когда его все равно потом снимать. Я пошла на кухню, спиной чувствуя изучающий мужской взгляд, поднимающий самооценку. Черное платье и облегающие замшевые

сапоги делали мой силуэт похожим на статуэтку. Волосы я подняла кверху, заколов и выпустив пару прядей. На каблуках походка поневоле становилась «от бедра».

Достав вазу и наливая воду для цветов, оглянулась и только тогда заметила на пороге Михаила. Похоже, он как зачарованный шел следом. Хм, судя по тому, как меня поедают глазами, я уже не столь уверена, что свидание будет «безопасным».

– Никогда тебя такой не видел, – потрясенно произнес мой кавалер.

– Так и в театр ты меня раньше не приглашал, – пошутила я.

– Приглашал. Но ты восприняла мои слова как шутку.

– Да?! – смутилась я. Не помню, но все может быть. На друзей брата я раньше внимания как-то не обращала. – И тогда ты не дал мне шанса отказаться, пригласив в Большой.

– Пришлось пытаться Макса. Он сказал, чтобы только не опера, завываний тебе и в больнице хватает.

– Уверена, что обошлось без пыток, – усмехнулась я, поставив в вазу цветы, а потом развернулась и смерила Михаила изучающим взглядом. – Миша, – протянула я, сузив глаза и подходя к нему, – признавайся, а это тебя не братец попросил пригласить меня? Чтобы я развеялась.

Надо же, сначала даже в голову не пришло, а ведь с Макса станется. Не зря же он мне этого Михаила так подсовывал.

Несколько мгновений парень смотрел на меня, а потом взял за руку и положил к себе на ширинку брюк.

– Об этом тоже он попросил?

– Оу, – вырвалось у меня. Слова как-то враз закончились. Под пальцами ощущалось эм... весомое доказательство моей привлекательности.

– Мы едем или перейдем к доказательной базе?

– Едем! – пискнула я, убирая руку.

Михаил по-мужски улыбнулся, а я дала себе подзатыльник. В конце концов, я взрослая женщина, а не малолетка, и этим меня не смутить.

– У тебя весомые аргументы, – сказала провокационно и прошла мимо, чуть задев грудью. Парень судорожно вдохнул, а я скрыла довольную улыбку. В эту игру можно играть и вдвоем.

Я надела белый жакет и взяла клатч. И пусть внешне выглядела безмятежно, но в ладони до сих пор ощущался нехилый размер аргументов. Или от шока показалось? Как там говорят: «У страха глаза велики». Я просто от внешне интеллигентного Михаила такого не ожидала. Интересно, он в Америке таким раскованным стал? Так там вроде с этим строго. За

коленку подержался, и уже орут, что сексуально домогаются. Их бы в наше метро да в час пик, было бы забавно.

Как же давно я не была в Большом! Еще со студенчества. Вроде и живешь в центре столицы, а выбираешься куда-нибудь крайне редко. Работа-дом – и жизнь летит, как день сурка...

Мы приехали с запасом и прогулялись в фойе, мне было интересно все посмотреть после ремонта.

С Михаилом оказалось легко в общении. Не считая несколько откровенной выходки на квартире, он был идеальным кавалером: не скучным, с чувством юмора, способным поддержать любую тему. А еще умилило, что он взял меня за руку и не отпускал. Я себя девчонкой почувствовала, гуляя с парнем за ручку.

В зал мы пошли после первого звонка. Михаил удивил. Даже не представляю, во сколько ему обошлись билеты в зоне амфитеатра. Идеальные места! Чуть выше партера, и к сцене близко, и в то же время можно все хорошо рассмотреть, не задирая голову.

Внутри все поражало торжественной красотой. Вот точно, пришли в храм искусства! Подняв голову, я любовалась живописным плафоном «Аполлон и музы», лепниной. Усыпанные позолотой ложи заполнялись зрителями.

На Михаила я смотрела с благодарностью. Если бы не он, неизвестно, когда бы я еще сюда попала. Сама бы точно не пошла. Настроение было приподнятое, я настраивалась на представление, но не знала, что его мне дадут совсем не артисты.

Прозвенел второй звонок. Людей в зал стекалось все больше. Контингент был разный, начиная от бабушек, божьих одуванчиков с безупречной осанкой, и заканчивая парочками, как мы, бизнесменами, иностранцами. Меня привлекла итальянская речь. Повернула голову – и потеряла дар речи. Наискосок от нас, с другого края ряда усаживалась моложавая женщина, за ней молоденькая девушка с длинными косами, в простого кроя платье и... Богдан! На загорелого шкафообразного мужчину за ним я внимания не обратила, сосредоточив все внимание на своем недавнем любовнике.

Вот так встреча! Богдан свободно общался на итальянском, приятно улыбался девушке. Явно говорил комплименты, так как вспыхнувший румянец на ее щеках я даже со своего места заметила. Кто она ему?! Точно не сестра, судя по тому, как стреляет в него глазками.

Нормально?! Еще ночью уверял, что у него никого нет, а уже вечером с девицей в театре. Судя по внешнему сходству, старшая женщина – ее мать,

а вот усевшийся рядом с Богданом амбал больше тянул на охранника, чем на любителя искусства.

Почувствовав взгляд, Богдан повернул голову, и тут произошла немая сцена. Я его первой заметила и была морально готова, а вот ему пришлось держать лицо. Эмоциями он владел великолепно. Не считая долгого пристального взгляда, больше никак не проявил себя.

На какой-то миг внутри царапнуло, что я оказалась из разряда тех, с кем он кувыркается ночью, а в приличные места ходит с вот такими невинными барышнями. Он говорил, что у него никого нет, а сам...

«Да какая разница! Мужчина может что угодно сказать, чтобы затянуть женщину в постель, не я первая, не я последняя. Мы друг другу ничего не должны и не обещали. Ну было и было», – одернула себя, включая здравый смысл.

Я первая отвела взгляд и посмотрела на Михаила. Меня тоже вон выгуливают в приличное место и желают отношений, а не одноразового секса. Будь иначе, Макс бы ко мне Мишу и на пушечный выстрел не подпустил. Значит, убежден в серьезности намерений друга.

«И аргументы симпатии у него весомые», – добавил ехидный внутренний голосок. Не выдержала и коротко рассмеялась.

– Что? – улыбнулся мне Миша.

– Рада, что ты меня сюда пригласил, – искренне произнесла я.

– Значит, я могу рассчитывать, что мы повторим?

– Перед Большим трудно устоять.

У Миши задрожали уголки губ, и тут до меня дошло, насколько двусмысленно это прозвучало, особенно в свете того, где побывала моя рука час назад. Я пыталась сдержаться, но щеки порозовели, а Миша меня добил, наклонившись и с самым комичным видом тихо уточнив:

– Роза, ты оценила театр или меня?

– Миша, мы в приличном месте, а я чувствую себя такой пошлой... – прыснула я в ответ, а потом не выдержала и уткнулась в его плечо, давась от смеха.

– Так я или театр? – настойчиво шептал он.

– Миша! – цыкнула на него, подхихикивая.

Смех расслабил и снял напряжение. Краем глаза я уловила, что Богдан на нас смотрит, но в его сторону демонстративно не поворачивалась. Миша под шумок переплел наши пальцы, и я не протестовала, будучи не прочь продемонстрировать некоторым, что я здесь тоже не одна. Да и просто приятно. Я и забыла, как это здорово, когда отношения только начинаются, и была не прочь получить удовольствие от конфетно-букетного периода.

«Нет, так можно косоглазие заработать!» – выругалась я про себя. Представление началось, а мой взгляд периодически косил в сторону.

Богдан тоже этим грешил. Наклонялся что-то сказать своей спутнице и как бы ненароком смотрел на меня. Несколько раз наши глаза встречались, но я отворачивалась первая. Если девушка ничего не замечала, то старшая женщина засекала и во время антракта бросила на меня сканирующий взгляд.

Я не хотела создавать Богдану проблемы и во время перерыва повела Михаила в другую сторону от его компании.

– Как тебе? – поинтересовался Миша.

– Постановка нравится, но само произведение не люблю.

– Почему?!

Кажется, мне удалось его удивить.

– Не понимаю таких женщин. Она рискнула потерять сына ради страсти. Мне кажется, ни один мужчина не стоит слезинки твоего ребенка, иначе что ты за мать? Каренин ее не бил, не унижал, не изменял. Стало скучно в браке и захватили новые эмоции? Так любая страсть проходит, и начинается проза жизни, а Анна рискнула незабываемыми ценностями – семьей и ребенком – ради проходящего. Бросила семью ради любовника, но и он ушел бы от нее со временем, оставив одну и с погубленной репутацией. Неудивительно, что покончила с собой.

– Ух ты! – выдохнул с улыбкой Михаил, а я поймала себя на том, что разошлась. Но даже в школе, когда мы проходили это произведение, я не одобряла и не понимала поступок Анны.

– Так что ее душевные метания мне далеки. Но танцуют красиво, – беззаботно произнесла я.

Михаил перестал улыбаться и сказал:

– Мои родители в свое время развелись. Тебе Макс не говорил об этом?

– Нет, – покачала я головой.

– Мать влюбилась в охранника. Отец дал ей развод, но не отдал меня, отправив учиться за границу.

Михаил говорил об этом спокойно, как будто не о себе.

– Сожалею.

Даже не знала, что еще сказать. Наша с Максом семья тоже не являлась образцом для подражания.

– Через год они расстались. Женой бизнесмена она нравилась любовнику больше, чем домохозяйкой. Мать пыталась вернуться к отцу, потом меня вернуть, но ничего не вышло. Сейчас она замужем, есть другие дети. Я ее простил со временем, но с твоими взглядами на семью согласен.

От взгляда Михаила я немного смутилась и поспешила сменить тему:

– Пойдем по кофе выпьем, если успеем?

После антракта, когда возвращались в зал, я специально поменялась с Мишей местами и сидела, прислонившись к его плечу. В сторону Богдана больше не смотрела, а в конце представления позволила людскому потоку нас разделить и больше их не видела. Рано радовалась.

Миша сообщил, что взял на себя смелость заказать столик в ресторане неподалеку, и машину мы трогать не стали, пойдя пешком. Но я и подумать не могла, что ужинать мы будем в «Метрополе»!

– Миша, ты с ума сошел? – зашипела на него. – Ты решил одним махом неизгладимое впечатление произвести? Большой театр, «Метрополь»... А что будет в следующий раз? Путешествие на воздушном шаре?..

Спросила и почти сразу себя одернула. Не слишком ли я самонадеянна? Меня пока еще никуда больше не приглашали.

– Обещаю, тебе понравится, – загадочно ответил он.

Нас повели к столику, и я увидела их почти сразу – Богдана с той же компанией, только здоровяк сидел за другим столом. Они пришли раньше и уже делали заказ. Я про себя застонала. Кто-то свыше явно вознамерился посмеяться надо мной, иначе почему мы постоянно сталкиваемся?

Нужно было видеть вытянувшееся лицо Богдана, когда он нас заметил! Ну извини, так получилось. И как после этого доказать, что я за ним не слежу? Оставив Михаила дожидаться официанта, я сразу сбежала в дамскую комнату. Нужно было перевести дух и прийти в себя. Вот же ж, ситуация.

Я сходила в туалет, а выйдя к зеркалу, застала там старшую женщину из их компании.

– Вы тоже были на спектакле? Я не ошибаюсь? – с акцентом произнесла она.

– Все верно. Вам понравилось?

– Да, мы с племянницей рады, что нам удалось попасть на премьеру. Она любит балет, и ее жених был так мил, что специально заказал нам билеты.

Жених?! Так у него еще и невеста есть?! Богдан в моих глазах упал еще ниже. А как красиво заливал, что никого нет...

– Вы хорошо говорите по-русски, – сделала я комплимент, чтобы заполнить паузу.

– У меня была русская няня. Скажите, мне показалось или вы знакомы с Богданом?

– Вы правы. Мы сталкивались. У него друг сейчас лежит в больнице, где я работаю.

– О, надеюсь, ничего серьезного?

– Будет жить, – натянуто улыбнулась я.

– Вы тоже здесь с женихом?

– С другом.

– Вы хорошо смотрите вместе, приятный мальчик. Я рада, что все прояснилось. А то знаете, – тон ее стал доверительным, а вот холодный взгляд не вписывался в картину, – Богдан много путешествует, и ему как мужчине нужно снимать напряжение. Племянница еще слишком молода, чтобы относиться к этому с пониманием, и я бы не хотела, чтобы что-то испортило ей радость общения с женихом.

– Я вас понимаю, но меня это никоим образом не касается. Я не претендую на внимание жениха вашей племянницы, – холодно завершила мегеру, досушив руки и идя на выход.

– Приятно, что мы поняли друг друга, – бросили в спину.

Я вернулась за стол, и меня колотило. «Снимать напряжение»? Так, значит? Чувство такое, что вывалили в грязи. Но если подумать, я-то в чем виновата? Мы взрослые люди, и я думала, что свободные. Не обмани меня Богдан, и ничего бы не было. А так – тошно находиться с ним в одном зале.

– Роза, все в порядке? – заметил мое состояние Михаил.

– Миша... – Я накрыла его руку своей и натянуто улыбнулась. – Это прекрасный ресторан, я оценила, правда, но пойдём в менее пафосное место? Где можно расслабленно посидеть и поболтать, не чувствуя себя, как на приеме у королевы. Хочу цезарь с креветками, а не высокую кухню.

– Уверена?

– Да.

– Я знаю на Петровке приятный ресторанчик. Ты не против немного прогуляться?

Мысленно я прокляла идею надеть сегодня высокие каблуки, ноги уже немного ломило, но ради того, чтобы смыться отсюда, готова была хоть бежать.

– Только за! – и я благодарно улыбнулась.

Глава 11

Доверенные люди сработали четко. Все выглядело как несчастный случай, и в Ордене инцидент с аварией известной модели Елены Дрейк проверили, но ничего не заподозрили. К этому моменту он поднял все свои контакты и теперь просматривал отчеты.

Искомый объект на связь с родными давно не выходила, но телефон модели и ее палата на всякий случай прослушивались. Мать Елены прилетела к ней. В Ордене значилось, что она больна болезнью Альцгеймера и интереса не представляет. Его люди пошли дальше и выяснили, что она прилетела из Москвы. Он глазам не поверил! Что она делала здесь?! Подняв базы данных, выяснил, что прилетела не так давно и с дружкой Палача. Что самое интересное, дружок остался в России!

Как гончая, взявшая след, он стал копать. Просмотрел видеонаблюдение камер из аэропорта, где рядом с Инквизитором идет бодрая женщина, и видео, когда эта же женщина в инвалидной коляске и в сопровождении медсестры покидает страну. Контраст разительный!

Не прибегая к основным силам, приказал тихо выяснить, что они здесь делали, зачем прилетали и теперешнее местонахождение Инквизитора. Он чувствовал, что эти двое что-то проворачивают у него под носом. А еще не нравилось прибытие Марии Ларентис. Ему доложили о походе Палача с ней в театр. Если слухи не лгут и Ковальские с ними породнятся, тандем двух сильнейших семей может изменить расстановку сил в Ордене.

А если прилет девушки – лишь прикрытие? Вдруг уже определили местонахождение Хищницы и теперь хотят сами доставить ее в Орден? Или убить тихо и забрать вещи? Прилетели же женщины!

«Нет, я схожу с ума!» – устало потер лицо. Ларентис души не чает в дочери и никогда не позволит той соприкоснуться со скверной.

«Но вещи их проверить надо!» – сказал себе.

* * *

В жизни Мария Ларентис оказалась даже лучше, чем на фото. Юная, скромная, если даже не сказать простоватая, но взгляд любопытный, живой. Намного приятней, чем пустые или оценивающие взгляды светских львиц, с которыми приходилось появляться в свете последнее время.

А вот ее тетка Богдану сразу не понравилась. За показной любезностью он видел холодный расчет. Ох, не врут, когда говорят, что она в курсе дел своего брата. Милош дал ей слишком много свободы, это чувствовалось.

Он встретил их в аэропорту и отвез в отель отдохнуть, а потом заехал за ними в театр. Тетка не мешала общению молодых, но при этом сглаживала неловкость первого знакомства. Невзначай рассказывала о Марии, ее увлечениях. Пение, садоводство, кулинария – чем не прекрасные занятия для жены? И Богдан присматривался к девушке, незаметно оценивал ее поведение, речь, каждый жест, прислушивался, как чувствует себя рядом с ней. И в тот момент, когда был готов признать, что в качестве жены Мария ему подойдет, он увидел рыжую ведьмочку.

Что она вообще делает в театре, да еще с этим сосунком?! Все благодушное и расслабленное настроение слетело с Ковальского. Не то чтобы он боялся выяснения отношений, но ее желание не афишировать знакомство было ему на руку.

А вот смех и перешептывания с мальчишкой бесили. Этот осел вообще в курсе, с кем она провела ночь? И Розочка хороша, утром выпрыгнула из его постели, а вечером уже пошла в театр с другим. То, что он сам здесь с предполагаемой невестой, Богдан рассматривал лишь как досадный факт, способный помешать делу. Расследование никто не отменял.

Весь спектакль он поглядывал на парочку краем глаза. Отметил сплетенные пальцы, но это так по-женски, в отместку показывать, что у нее свидание. Ожидал, что во время антракта она постарается как можно чаще попадаться ему на глаза, но рыжая ведьмочка и тут удивила. Растворилась со своим кавалером в толпе, и это уже ему пришлось с высоты своего роста выглядывать в людском потоке ее яркие волосы.

Богдан всегда умел распределять дела по степени важности. Вот и сейчас первоочередной задачей было провести встречу с невестой, а выяснение отношений с докторшей подождет. Он заранее заказал столик в «Метрополе» и после спектакля повел гостей туда. Но Провидение было не на его стороне, и туда же заявила так раздражающая парочка. Богдан готов был заскрежетать зубами. Ну как общаться с Марией, когда взгляд так и тянет в сторону?

Судя по лицу Розы, она тоже была не в восторге от повторной встречи. Богдан сразу почувствовал неладное, когда Роза вышла, а за ней следом отправилась тетка Марии. Ничего хорошего от этого он не ждал, но что мог сделать? Запретить гостье идти в дамскую комнату?

Вернувшаяся бледная Роза быстро ушла со своим кавалером, даже не

посмотрев в его сторону, а взгляд на их пустой столик пришедшей вскоре Ларентис был полон скрытого торжества и удовлетворения. Это она зря. Злить Богдана – себе дороже. Он еще узнает, что старая змея сказала докторше, а пока не собирался спускать наглости.

– Как вам Россия? – спросил на русском.

– Холодно, – сдержанно улыбнулась тетка, ответив тоже на русском, а потом спохватилась и метнула в него испуганный взгляд.

– Вы хорошо знаете язык.

– Вы мне льстите. Немного. У меня была русская няня, – перешла на итальянский женщина, но было поздно.

– Вы выбрали неподходящий объект для практики языка, – с вежливой улыбкой и все так же на русском произнес Богдан. – Я не люблю, когда вмешиваются в мои дела.

– Я вас не понимаю, – побледнела мегера.

– Это меня расстраивает, и тогда я отвечаю тем же.

– Я защищала интересы семьи, – ответила на русском тетка, перестав притворяться непонимающей.

– Семейю должен защищать мужчина. У меня возникает вопрос о вашем влиянии на Марию.

– Мария хорошая девочка! – бросилась та на защиту племянницы. – Я всю жизнь посвятила ей.

– Себя нужно посвящать мужу и детям. Я позабочусь о том, чтобы его вам найти и ограничить общение с Марией.

– Мой брат...

– Ваш брат меня поддержит. Своим возмутительным поведением вы подрываете его репутацию и авторитет и являетесь плохим примером для его дочери. Удивлен, что он этого не видит, но я поговорю с ним.

– Это возмутительно!

– Сядьте! – властно приказал Богдан, и пытавшаяся встать из-за стола женщина тяжело плюхнулась на место. – Еще одна подобная выходка, и вы отправитесь в монастырь святой Катарини, – назвал он печально известный в Ордене монастырь, куда ссылали опозоривших семью женщин. Тетка была наслышана о нем, раз смертельно побледнела.

– Мы еще не породнились, и не вам распоряжаться моей судьбой.

Женщина пыталась держать удар, но ей это плохо удавалось. При желании Богдан умел запугать кого угодно.

– Уверены? – холодно улыбнулся ей. – А вот я думаю, Милош будет не против, чтобы вы помолились о своем погибшем женихе. Ведь у него тоже столько партнеров по бизнесу погибли аналогично. Так что или молитесь

вы, или заговорят свидетели. Как думаете, что он выберет?

– Тетя, что с тобой? – воскликнула на итальянском ничего не понимающая Мария. Еще недавно уверенная в себе родственница лишь бессильно хватала ртом воздух.

– Перемена климата, – успокоил девушку Богдан и с едва уловимой насмешкой предложил: – Воды?

В принципе он увидел, все что хотел. Мария оправдала его ожидания. Позже у них будет время познакомиться поближе, а сейчас ему хотелось заняться делами. Поэтому после ужина он отвез гостей в отель отдохнуть, а сам вернулся в офис. И так много времени даром потерял.

Обложился документами, анализируя и не понимая, почему раньше никто не обратил внимания на то, что люди, ведущие дела сгоревших вещей, впоследствии умирали. По разным причинам, не всегда криминальным. Поветрие просто какое-то. По отчетам все чисто, а начинаешь копать глубже, и налицо избавление от свидетелей.

В принципе уже сейчас было что вынести на обсуждение в Ордене. У Богдана появились подозрения, кто за этим стоит, но он хотел понять – зачем?

Вернулся домой поздно и в не лучшем расположении духа. Переоделся, принял душ и лишь после этого ушел в кабинет, сев в удобное кожаное кресло, открыл ноутбук, подключаясь к трансляции с камер видеонаблюдения. Роза уже была дома и спала. Одна.

Богдан откинулся в кресле и заложил руки за голову. Сложно сказать, что он почувствовал. Наверное, удовлетворение. Ему весь вечер не давал покоя вопрос, как далеко рыжая зайдет на своем свидании. Логика говорила, что, судя по психотипу, она не из тех, кто с легкостью меняет любовников, но воображение нет-нет да подкидывало горячие сцены.

Он боролся с желанием проверить камеры раньше – дела превыше всего! И хоть с трудом, но победил – иначе пришлось бы себе признать, что этой русской удалось зацепить его. И наблюдая сейчас за спящей докторшей, все в той же смешной пижаме с оленями, больше подходящей подростку, Богдан едва уловимо улыбался.

Все же нет ничего более сильного, чем сочетание невинности и разврата. Он помнил, как страстно она отдавалась этой ночью, и больше всего сейчас хотелось стащить с нее эту пижаму и разбудить, ворвавшись в податливое сонное тело. Мощная эрекция не заставила себя ждать, и Богдан выругался, переключаясь на изображения с других камер. Роза была дома совершенно одна, и это радовало. Замки в квартире сменили и поставили надежные, так что от неожиданных гостей она застрахована.

Богдан лениво пересматривал записи с камер, отматывая назад и неожиданно дернулся, подавшись вперед и нажав на стоп. На экране Роза застыла в объятиях своего кавалера. Парочка целовалась.

Благодушное настроение испарилось. Вот, значит, как? Он перемотал запись до начала сцены, когда они остановились у двери. Звука не было, но видно, что ее просто проводили, к себе рыжая не приглашала. О чем-то разговаривают, прощаются. Она тянется поцеловать в щеку, но щенок поворачивает голову, и их губы встречаются. Богдан ощутил ее заминку, но потом Роза подалась вперед и ответила на поцелуй.

Телефон зазвонил неожиданно, и ответил, не отводя взгляда от экрана.

– Да.

– Как тебе Ларентис?

Отцу не терпелось узнать, как все прошло.

– Лучше, чем я ожидал. Можешь приглашать их на Рождество.

– Уже пригласил. При встрече обговорим дату свадьбы.

Вацлав, как всегда, стремился показать, что решает все он, но Богдана это уже давно не задевало, он привык поступать по-своему.

– Сначала я хочу убедиться, что она здорова и может рожать.

– Я уже все проверил.

– Нет. Пусть обследуют ее в одном из наших центров, я не хочу рисковать.

– Мне нравится твой деловой подход, – хохотнул отец, пребывавший в прекрасном расположении духа. – Что с заданием? Есть зацепки?

– Есть. Я сейчас как раз работаю над этим.

– Ты меня радуешь, – расщедрился на похвалу Вацлав и отключился не прощаясь.

Богдан прокрутил запись вперед, изучая лицо Розы, когда она закрыла за собой дверь, оставшись одна. Ему совсем не понравилась шальная улыбка на ее лице и как она прикоснулась к губам. Не было сомнений, поцелуй рыжую равнодушной не оставил, что задело самолюбие Богдана. Быстро же она о нем забыла.

Докторша, явно в приподнятом настроении, продолжая улыбаться, разделась, приняла душ и нырнула сразу в постель.

Вот же чертовка! Богдана такое положение дел не устраивало, и он собирался напомнить ей о себе.

Это нужно для дела, необходимо разобраться, откуда у ее матери появилась вещь и почему она привезла ее дочери. Сообщать в Орден пока не хотел, предпочитая разобраться своими силами, чтобы не подставлять Розу.

Все же она спасла жизнь Кристофу, и он чувствовал себя ей обязанным. Но в глубине души понимал, что даже не будь этого, он бы с рыжей обязательно встретился еще раз и оставил о себе неизгладимые впечатления. Чтобы по свиданиям больше не думала бегать!

По крайней мере, пока он здесь. Ущемленное мужское самолюбие не давало покоя. Ему было все равно, с кем проводят время его любовницы, лишь бы всегда были доступны для него, но с Розой получилась другая ситуация. Между ними нет товарно-денежных отношений, и они друг другу ничего не обещали. Но тем не менее видеть женщину, которая еще ночью стонала под тобой, с другим, было неприятно.

Богдан коротко выругался вслух. Неужели им было плохо? Почему она, вместо того чтобы позвонить ему и повторить, пошла на свидание с этим сосунком? Давно уже его так не цепляли поступки женщин.

Закрыв крышку ноутбука, пошел спать. Рыжая ведьмочка давно спокойно дрыхнет, пока он думает о ней.

* * *

Утро началось со звонка. Его человек сообщил, что интересовались записями из аэропорта, в том числе датой, когда прилетел в Россию Хан. Он собирался встретиться с другом завтра, но, похоже, планы придется изменить. Набрал его и сообщил о переносе встречи, но не стал вдаваться в подробности, не желая волновать раньше времени.

Поехал сразу в офис и постарался узнать, кем отправлен запрос, но об этом никто ничего не знал, информация не отражалась ни в одном отчете. Еще и запись с камер наблюдений показала, что Роза сегодня опять куда-то собирается. Злой как тысяча чертей, Ковальский отправился на встречу с Ханом.

– Смотришь, словно привидение увидел, – проговорил друг после приветствия.

Богдан молча протянул в гардероб пальто и скривился.

– Что-то случилось? – спросил Зегерс.

– Все хорошо, просто в местном отделении Ордена считают меня идиотом.

– Серьезно? Но ты же их разубедил?

Богдан махнул рукой и первым двинулся в сторону обеденного зала, где заранее заказал столик. Хороший ресторан, правда, немного в старомодном стиле. Дубовые панели, много тяжелых портьер и просто

гигантское количество хрусталя и позолоченных деталей.

– Понял, у тебя хреновое настроение. – Хан уселся, посмотрел на подскочившего официанта. – Подойдите минут через пять, пожалуйста.

Тот молча отошел, а они открыли папки меню.

– Что там за дела с местным отделением?

– Кто-то особо умный пытается всех убедить, что вещи сами уничтожаются. Слишком много пожаров и несчастных случаев, когда не остается и клочка, – изучая меню, ответил Богдан. Он привык обсуждать дела с другом детства и говорил свободно.

– Зачем?! – В голосе Хана сквозило неприкрытое удивление. Если действует кто-то из своих, то должен знать: за такое одно наказание – смерть. Без пощады и апелляции.

– Вот и мне интересно – зачем, – медленно ответил Ковальский, выбирая между стейком и бараньими ребрышками.

– Предположения есть?

– Проверяю сейчас одну версию, не хочу пока говорить.

– Ясно, – вздохнул Хан, понимая, что большего от друга пока не добиться. – Все мы порой слегка суеверные. Ты поэтому рекомендовал отправлять мне вещи не через их отделение?

– Все верно. Ты отправил?

– Да, курьером. Думаю, они завтра уже будут в Риме.

– И как она на это отреагировала? – не удержался Богдан от вопроса. Его коробило, что друг рискует карьерой ради женщины. Ведь нет гарантии, что она беременна именно от него.

– Ее зовут Ева, Богдан, – спокойно произнес Хан, поднимая взгляд от меню и в упор глядя на него. Глаза опасно блеснули, а взгляд стал стальным. Богдан ответил ему таким же. Так и смотрели друг на друга минуты две.

Первым заговорил он.

– То есть ты оставишь ее себе?

– Она не вещь, чтобы ее оставлять, – зацепился за слова Хан.

– Ты понимаешь, как рискуешь? Она отравлена скверной.

– Как раз нет. У Евы иммунитет, и с вещами она рассталась легко.

Все они так говорят, когда их ловят!

– Я о таком впервые слышу, – скептически произнес он.

– Богдан, не мне тебе говорить, как сильно меняются люди под воздействием скверны. У Евы было шесть вещей. Шесть!!! Эта женщина не изменилась и на йоту и потерю вещей восприняла спокойно. В любом случае она мать моего ребенка, и за нее я порву любого. Я с тобой о другом

хотел поговорить. У меня есть интересная информация.

– Это какая же?

Богдан тоже собирался предупредить брата, что им интересуются. Но пока подозвал стоявшего неподалеку официанта. Сделав заказ, они снова изучающе уставились друг на друга.

– Богдан, – поморщился Хан, – прекрати. Ты смотришь на меня, как на идиота.

«Потому что ведешь себя, как идиот!» – мысленно огрызнулся Ковальский, в душе переживая за него, но вслух сказал иное:

– Ты не идиот лишь потому, что забрал у нее вещи. Но в иммунитет я не верю. Может, она хорошо притворяется?

– Я прекрасно отличаю притворство от правды. Насчет пропажи вещей. Интересная вещь происходит. В Париже был клуб двух владелиц. И находились они под защитой кого-то из Ордена.

А вот это интересно!

– Они сдавали этому человеку других владелиц, взамен же находились в безопасности.

– Откуда сведения?

– От Евы. Она сама едва не попалась.

Опять Ева! Вот угораздило же Зегерса на нее нарваться. Богдан уже жалел, что сказал ему о ней. Уж лучше бы сразу сдал в местное отделение Ордена и ловил бы на живца того, кто перехватывает вещи. И почему сразу это в голову не пришло? Хотел помочь другу, а вышло... Плотно сжав губы, чтобы не выругаться, он подождал, пока подошедший официант разольет вино и расставит тарелки. Потом проговорил тихо:

– Ты же понимаешь, что ее слова не имеют никаких доказательств?

– Да, только вот ночной клуб «Миледи», где и была Ева, сгорел в день ее побега. Кстати, я проверил: вещей из Парижа уже не поступало очень давно.

– Ты не помнишь, кто там возглавляет отделение Ордена?

– Гай Лоран. Он туда пришел пять лет назад.

Богдан резал стейк на аккуратные кубики. И обдумывал новость.

Все вещи скверны всегда уничтожались в Ордене, под оком Магистров. Чтобы быть уверенным в том, что непотребство сгорело.

– Хан, надо проверить связи французского филиала и российского... – начал Ковальский, но его перебил звук входящего сообщения. Одновременно у обоих.

Не сговариваясь, они взяли лежавшие рядом мобильники.

«Всем членам Ордена! Основной объект пойман и находится на пути в

Рим. Казнь состоится через два дня».

Богдан метнул быстрый взгляд на друга. Хан окаменел, не отводя взгляда от экрана, как будто не хотел верить.

– Мне пора, – проговорил неживым голосом.

«Куда, идиот!» – выругался Богдан, хотелось встряхнуть брата, чтобы пришел в себя.

– Хан...

– Ты видел сообщение? Казнь через два дня.

– Ты самоубийца?

Но друг не слышал, пребывая в своих мыслях. Богдан подался вперед и, не повышая голоса, прошипел:

– Ты что задумал, кретин?

– Ничего. Все хорошо.

– Даже не думай, придурок! Я еду с тобой.

– Нет, Богдан, – вдруг жестко отрезал Хан, – нет, ты не едешь. Тебе подставляться нельзя. Да и Вацлав бдит, где ты находишься. Занимайся делами в Москве, хорошо? Не хватало, чтобы ты подставился из-за меня.

Богдан разозлился. Они с детства были друг за друга.

– Отлично! То есть тебе можно подставляться, а мне – нет?

– Если ты появишься в Риме, то Вацлав, который точно там будет, тебя далеко от себя не отпустит. Вспомни про его желание подготовить тебя на свое место. Это все только усложнит. А я у него в немилости, так что...

Богдан медленно откинулся обратно на спинку стула, задумавшись. Не мог оставить его в такой момент одного, но умом понимал, что, сорвись сейчас вслед за братом, лишь привлечет к нему внимание. А тот уже бросил пару банкнот на стол и встал.

– Ладно, Хан... ты прав. Но если что... просто звони.

– Спасибо.

– Пойдем, подброшу до аэропорта.

В голове у Богдана уже складывался план, как помочь Хану, самому оставаясь в тени. У него есть обязанные ему люди, которые сделают все, что попросят. Он перекинул контакты брату, поддержка со стороны тому точно не повредит. Остановить и отговорить не пытался. Будь его женщина беременна, он тоже бы пошел ради нее даже в пасть к дьяволу.

После прощания с другом в офис ехать совсем не хотелось. Богдан бесцельно кружил по городу и сам не понял, как оказался возле дома Розы. Очнулся от мыслей уже в ее дворе, спрашивая себя, что вообще здесь делает?! Он был не в том настроении, чтобы выяснять с ней отношения, а благосклонно его визит не примут.

Выругался и медленно поехал по двору, когда взгляд остановился на припаркованной «БМВ». Лицо сидящего на пассажирском сиденье мужчины было ему знакомо. Он резко ударил по тормозам и перекрыл своей машиной им выезд. Вышел, с удовольствием отмечая, как вытягивается лицо шофера. Подошел и приказал через опущенное при его приближении стекло:

– Погуляй.

Без промедления мужчина покинул теплый салон, а на его место сел Богдан.

– Вы?! – все еще не веря, выдохнул Лукас. Молодой рыжеволосый парень, лет двадцати двух. Ищейка из начинающих. Они пересекались в Париже по одному делу.

– Я же советовал тебе перекраситься, слишком приметная шевелюра, – вместо приветствия произнес Богдан.

– Теперь наголо побреюсь! – клятвенно заверил тот.

– Что вы здесь делаете?

Чуть заикаясь от волнения и перепрыгивая с русского на французский, он рассказал о том, о чем Богдан и так догадывался. Мать Розы вызвала подозрение, произведя фурор на одном приеме и флиртуя с одним из Магистров Ордена. Ее взяли в разработку. А сейчас стало известно, что она встречалась с детьми, и внимание привлекла дочь. Здесь они ведут наружное наблюдение за домом и ждут возможности обыскать квартиру.

– У местных отмечались?

– Нет, – отвел глаза парень.

Богдан прекрасно понимал Лукаса и его рвение. Сам когда-то таким был, следя и дотошно проверяя близких объекта. Ведь если удастся доказать наличие скверны и найти ее – это почет и повышение. И он понимал, почему ищейки нарушили инструкцию, не отметившись и не сообщив, что ведут охоту на чужой территории. В случае удачи лаврами делиться не хотелось.

Пока разговаривали, к подъезду, где жила Роза, подъехал черный «Мерседес», и из него вышел высокий плотный мужчина с большим букетом роз. Что-то в нем не понравилось Богдану, и он проводил незнакомца цепким взглядом.

– Из-за личных амбиций вы рискуете и грубо нарушаете инструкции. Это выговор с занесением в личное дело! Своими поспешными и непродуманными действиями вы можете спугнуть объект.

– Но мы...

– Молчать! В квартиру к Шумиловой не суйтесь, она проходит у нас

по другому делу. Можете продолжать следить, обо всем подозрительном докладывайте сразу мне. Если заметите что-то интересное, закрою глаза на ваши грубые промахи и улажу все с местным отделением.

– Спасибо!

– Как долго вы здесь?

– Третий день.

– Что-то интересное о ней нашли?

– Были длительные отношения с начальником, но не так давно расстались из-за его неверности. Все сплетничают, что в последние дни он пытается помириться, а она нос воротит. Мы позавчера поспрашивали незаметно о ней в больнице и не уследили. Неизвестно, где и с кем провела ночь, дома ее не было. Утром домой не заезжала, появившись сразу на работе. Сейчас у нее новый кавалер, моложе ее. Вчера в театр ходили, но ночевать не оставила.

Богдан обо всем этом и так знал, мог бы много еще добавить, но слушал с непроницаемым лицом.

– А, и этот с ней был! – воскликнул Лукас, указывая на подъезд.

Богдан лишь заиграл желваками, увидев, как на улицу выпорхнула Роза, а за ней шел мужчина из «Мерседеса», но уже без цветов. Они о чем-то весело переговаривались и сели в машину.

– Ведите их, – приказал Богдан. – Выясните куда, зачем и с кем.

Расставшись с французами, Ковальский поехал в офис. Узнал, что мать Шумиловой сейчас с мужем в Сибири, по делам бизнеса. Следовало затянуть подписание контракта и сделать все, чтобы она не помешала здесь. Одержимые если и расстаются добровольно со скверной, то потом обязательно пытаются ее вернуть. Она и так подставила дочь.

Поступили первые сведения от Лукаса. Оказалось, что Роза уехала на день рождения сокурсницы, и сейчас они отмечают его в ресторане. С ней был Стас Горский, владелец частной клиники, они тоже сокурсники. Туда приехал и бывший любовник Розы с новой подругой. Интересная подбирается компания.

Кстати, о бывшем любовнике. Его квартира сейчас пуста, и Богдан направил туда группу с четким заданием. Кажется, он нашел способ, как наладить отношения с Розой. И у нее железобетонное алиби будет.

Больше он так и не смог заниматься делами: Лукас испытывал его терпение на прочность, присылая фото из ресторана, где отдыхала с друзьями Роза.

Вот Горский держит ее за руку и что-то нашептывает на ушко, а вот бывший не сводит с нее голодных глаз, в которых пылает ревность, и

совсем не обращает внимания на свою новую пассию. Или вот официант с ней флиртует, а вот она танцует вообще с неизвестным типом не из их компании...

С каждой фотографией Богдан мрачнел все больше и больше. Может, он ошибся с оценкой ее характера, и докторше нравится флиртовать абсолютно со всеми? А Лукас с азартом заваливал его фотографиями, находя все больше подтверждений, что скверна на ней. Даже Богдан стал склоняться к этой мысли.

– Они уже собираются. Ее провожает Горский. Он с ее бывшим сцепился, едва драку не устроили, – сбивчиво и с азартом в голосе сообщил Лукас. – Может, мы их в подъезде прижмем? Я проверю ее на скверну.

– Нет! Я сам, – отрезал Богдан, закрывая ноутбук и беря ключи от машины. – Только следить.

«Ну, держись, ведьмочка!» – мрачно пообещал рыжей, с твердым намерением залезть сегодня ей под юбку. Если панталоны на ней... Выпорет!

Глава 12

Открыв дверь Стасу и увидев сначала огромный букет из роз, а не его, вместо приветствия растерянно произнесла:

– Ирочка же любит лилии...

– Я знаю, они в машине. Это тебе, – усмехнулся бывший одноклассник, убирая цветы от лица и улыбаясь, во всю ширь демонстрируя белоснежные зубы. У них что, еще и стоматологи в клинике есть?

– У тебя усы?! Глазам не верю!

– Мне кажется, они придают солидности, – самоуверенно заявил Стас, шагая через порог и протягивая букет.

– Вот это придает тебе солидности! – Я похлопала его по намечающемуся брюшку.

– Все такая же язва! – хмыкнул он с неким удовольствием, ничуть не обидевшись. Самоуверенного Стасика такими мелочами не смутить.

Мы не виделись, наверное, год. За это время он немного набрал вес, но выглядел хорошо. Дорогой костюм, парфюм создавали вокруг него ощутимую ауру успешности. Над густыми русыми волосами поработал хороший парикмахер. Загар приобретен явно не в солярии, а в теплых странах, куда по несколько раз в году летал со своими любовницами. Недаром он слыл тем еще ловеласом, не спешащим под венец с одной-единственной. Я все это знала благодаря Ирочке, которая любила позвонить и перемыть косточки своему непосредственному начальнику.

Неся букет на кухню, неожиданно подумала, что после расставания с Костей получаю цветы чаще, чем при жизни с ним. Он дарил мне их два раза в год: на день рождения и Восьмое марта. А тут за два дня и два шикарных букета. Хорошо, что цветы Миши я унесла в комнату, меньше вопросов.

– А у тебя все по-прежнему, – заметил Стас, идя за мной на кухню и проведя пальцем по сколотому краю рамы картины в коридоре. Когда-то именно он уронил ее со стены. Кажется, когда мы еще учились в институте, провожал меня домой, полез целоваться по пьяни, а я его оттолкнула. Полетел на пол вместе с картиной. Конечно, потом каялся и извинялся, когда протрезвел. Я тогда уже встречалась с Костей и такой пассаж не поняла.

– Некогда ремонтом заняться. К тому же братец может надумать

жениться, и придется разменивать.

– Как Макс?

– Нормально. Но шалопай еще тот.

Я положила букет на барную стойку и достала вазу.

– Он дома?

– Нет. Забежал переодеться и ускакал к друзьям.

– Жаль, хотелось бы увидеть. Я его пацаном помню.

– Вымахал уже выше тебя.

– А ты все так же отлично выглядишь и ничуть не меняешься, – польстил Стас.

– Кофе сделать?

– Лучше поехали, Ирочка не простит нам опоздания, а вот после я бы не отказался от приглашения на чашечку.

– Стас! – закатила глаза кверху. – Ты в своем репертуаре.

– А что? Ты девушка теперь свободная, и я не хочу тебя упустить.

– Признавайся, тебе не хватает рыженькой в гареме?

– Какой гарем? Розочка, ты одна покорила мое сердце. Может, я тебя ждал все эти годы, потому и не женился.

– Стасик, такие признания лучше делать в конце вечера, а не в его начале, – хохотнула я, устраивая в вазу цветы.

– Не веришь?

Он шагнул ко мне со спины, обнимая за плечи, и ткнулся усами в ухо, шепнув:

– Я с ума по тебе сходил!

– Стас, щекотно! – Я подпрыгнула от неожиданности, едва не уронив букет и потирая исколотую часть тела. Интересно, ему усы целоваться не мешают?

«Ты еще проверь! И это вообще финиш будет», – цыкнула мысленно на себя, осторожно высвобождаясь из объятий. Позавчера ночь с Богданом, вчера поцелуй с Мишей. Сама не поняла, как так получилось. Не хватало еще со Стасом предаться разврату для полной картины морального падения.

– Извини.

– И что значит – сходил? Уже не сходишь? И еще будешь убеждать, что я ничуть не изменилась? Трепло ты, – игриво поддразнила его, между тем увеличивая между нами расстояние.

– Шумилина, не провоцируй, – подобрался Стас, и я обалдела от того, каким чисто мужским взглядом он меня одарил.

С ума сойти! Что за флюиды в моей квартире? Вчера Миша, сегодня

Стас. Или я поменялась, и мужчины чувствуют, что теперь нахожусь в свободном поиске? Хотя подсознательно я все же знала причину – секс с Богданом меня раскрепостил, сделал свободнее по внутренним ощущениям, но вот не хотелось даже вспоминать о блондине.

– Тогда поехали. А то вскружишь голову и скажешь, что так и было.

– Поехали. Я с тобой потом серьезно поговорю.

– Мне уже бояться?

Напряженный момент прошел, и мы пошли на выход, шутливо подкалывая друг друга. Но, посмеиваясь над шуточками Стаса, спрашивала себя: что, собственно, происходит? Он всегда шутливо подкатывал ко мне, а я отбрыкивалась, считая это нашим стилем общения, но сегодня показалось, что в шутке есть доля истины. Неужели я ему действительно нравлюсь? О чем он вообще собрался со мной потом говорить?

Но все вопросы отпали, когда я села со Стасом в машину. У него был агрессивный стиль вождения: резко тормозил на светофорах, обгонял, слишком часто перестраивался, стараясь хоть ненамного, но вырваться вперед. Ничего общего с расчетливым, контролирующим все Богданом и по-европейски спокойным Мишей. Готова была взвыть от страха.

– Я сейчас пешком пойду! – зарычала, когда он подрезал «Вольво».

– Не бойся, я за все время только бампер поцарапал, да овца одна в зад въехала на перекрестке.

– Меня это должно успокоить? Полегче! Еще одной аварии я не переживу.

Стас бросил на меня удивленный взгляд, но, заметив бледность, сбросил скорость и перестал рысачить.

– Извини, я забыл.

Дальше мы ехали образцово-показательно, но полностью я расслабилась, лишь когда подъехали к ресторану. Как настоящий джентльмен он помог сначала выйти мне, а потом уже достал корзину лилий из багажника. Предложил мне руку, и, как настоящая парочка, мы направились на торжество. Только в этот момент я поняла, что не избежать вопросов, почему мы со Стасом прибыли вместе, но махнула мысленно рукой. Лучше пусть ломают голову – есть между нами что-то или нет, чем сожалеют насчет расставания с Костей. Лично я собиралась повеселиться.

* * *

Зажигательная мелодия сменилась на медленную, и я уже собралась

отлучиться в дамскую комнату, но на мою талию легла мужская рука.

– Ты огонь, детка! – заявил Стас, притягивая меня к себе.

В другое время он бы получил и за детку, и по шаловливым ручкам, но сейчас я не дала недовольству проявиться на своем лице и томно изогнулась в его руках, а потом повернулась к Стасу лицом. Что-то слишком быстро его рука с талии стала подниматься к груди, пусть лучше спину оглаживает.

Краем глаза отметила, что Ангелина потащила Костю тоже танцевать и тот нехотя идет за ней. Гад! А ведь он божился в свое время, что это просто его школьная подруга и названивает ему по-дружески. Зачем он вообще ее сюда притащил? Раньше иронизировал над ее губами-пельменями и силиконовой грудью, а сейчас не имеет ничего против, когда она трется при каждом малейшем поводе об него своим четвертым размером.

Я не ревновала, было смешно. Ангелина явно готова ему на колени залезть, показывая всем, и мне в частности, что они любовники. Уже давно, судя по ее оговоркам. Я же этих двоих воспринимала с ироничной улыбкой и взглядами свысока. Тут все заигрывания Стаса пришлись кстати. Костя ему вообще всегда завидовал. Ну как же, родительский бизнес, не надо карьеру делать и локтями место под солнцем пробивать.

Для наших знакомых Костя сменил меня на грудастую блондинку. Сомнительное достижение, между прочим. В его возрасте пора смотреть на душу, а не на упаковку. А Ангелина, кроме внешности, ничего стоящего и не имела. Я же пришла со Стасом, успешным бизнесменом, среди присутствующих за столом половина на него работают. Вот Костик и прожигал меня взглядом весь вечер. Хотел нос утереть, взяв с собой Ангелину, а теперь сам ядом давится.

Меня же эта мышьяная возня только утомляла. Я уже была не рада ни встрече с сокурсниками, ни самой Ирочке, но держала марку, демонстрируя, как мне весело. Напрягал Стас. Вот ему лучше не пить. Сразу полезли из него барские замашки такого хозяина жизни. И на меня смотрел хозяйским взглядом, как будто я к нему уже в койку прыгнула. В другой ситуации я бы его уже давно приструнила, а тут приходилось терпеть. Все же с ним приехала, и нашей размолвке Костик только бы порадовался. Не стала доставлять бывшему такого удовольствия, вот и проводила по возможности все время на танцполе.

Нет, к Стасу я точно работать теперь не пойду. Встречаться с ним я не готова, а отбиваться от домогательств желания нет. К счастью, медленный танец закончился, я ускользнула в дамскую комнату. Посмотрела на себя в зеркало и хмыкнула. Улыбка, кажется, намертво приклеилась к моим губам.

Охренеть, как весело!

– Роза, ты молодец! – Буквально следом за мной впорхнула Ирочка и показала большой палец. – Давно пора было бросать своего зануду. А Стас – он классный, щедрый даже к своим бывшим. По тебе он вообще еще с института млеет.

Щедрый – это да. Ирочке на юбилей путевку на Сейшелы подарил. Две недели, все включено. Щедрый босс. Или... Я бросила на нее испытующий взгляд.

– Ира, только не говори, что и ты с ним...

– А что? Я хуже других, что ли? – оскорбилась она. – Он со всеми мало-мальски симпатичными девчонками в институте переспал. Да и сейчас на работе ни одну юбку не пропустит.

Вдруг она бросила на меня испуганный взгляд, спохватившись, что я теперь как бы с ним.

– Ой... ну, это... сплетни все это.

– Да ладно тебе, я о его гареме на работе в курсе!

«От тебя же», – благоразумно опустила.

– Роз, он по пьяни мне как-то признался, что, будь ты с ним, он бы ни на кого больше не посмотрел. Так что ты из него веревки вить можешь.

Ага, сильно надо! Как-то не хочется стать еще одной галочкой в списке побед Горского. Послав Ирине неопределенную улыбку, скрылась в кабинке, прекращая разговор.

Никогда еще так не ждала окончания вечера. Мне казалось, что уйди я раньше, чем начнут расходиться все, и это будет выглядеть как слабость. А я не хотела, чтобы хоть кто-то решил, что я еще что-то чувствую к Костику, раз не могу спокойно видеть его с другой или находиться в одной компании. Мы же цивилизованные люди. Вон Стас в обществе своих бывших любовниц себя прекрасно чувствует.

Наконец вечер подошел к концу. Мои намерения уехать на такси Стас пресек, воспользовавшись услугой «Трезвый водитель». Пришлось его подождать. Костик тоже не торопился уходить, направившись в гардеробную лишь после нас. Всегда пьющий в меру, сегодня он перебрал и едва стоял на ногах.

Державшийся весь вечер и не реагирующий на нас со Стасом, теперь он не выдержал и прошипел мне в спину:

– Продажная тварь! Нашла себе теплое местечко?

Я обернулась, удивленная силой его злобы. Ангелина поддерживала Костю под руку, но он не обращал на нее внимания, сверля меня злым взглядом. Нормально? Можно подумать, это я ему изменила!

– А ты? – Он перевел мутный взгляд из-под очков на Стаса. – Трахнул ее уже?

– Язык придержи!

– Ты же всегда хотел ее поиметь, – гаденько ухмыльнулся Костик. – Дала наконец?

– Пасть закрой! – Стас схватил его за грудки и встряхнул.

Они сцепились. Не устояв на ногах, рухнули на пол, мутузя друг друга. Кошмар! Ангелина пронзительно заверещала. Прибежала и вмешалась охрана, с трудом растаскивая их. Под чьей-то ногой треснули слетевшие с Костика очки. Хорошо, что большая часть наших уже ушли и этого позорища не видели. Не глядя на тяжело дышащего бывшего, я всучила Стасу верхнюю одежду и потянула на улицу.

Петухи! С одной стороны, было приятно, что за мою честь вступились, с другой – эти двое друг друга терпеть не могли, и им достаточно мало-мальского повода, чтобы сцепиться. Хорошо еще, что не расколотили ничего, а то пришлось бы разбираться с рестораном, а так мы загрузились в машину и уехали.

У Костика оказалась разбита губа, Стас сильно не пострадал – лишь на скуле наливался синяк. Я с трудом его осматривала, отбиваясь от попытки поцеловать. Разгоряченный Стас желал награды, но я была не настолько пьяна, чтобы обжиматься на заднем сиденье, когда за рулем незнакомый человек, который неизвестно как водит. Пока о нем было достоверно известно лишь одно – он трезвый.

Никогда еще дорога домой не была такой длинной. Не дожидаясь, пока Стас откроет мне дверь, сама выскочила из машины и была готова целовать асфальт родного двора. Но эйфорию от твердой земли под ногами развеяли слова, сказанные водителю:

– Можете быть свободны!

Стоп. Как это «свободны»? Он у меня ночевать собрался?

– Стас, стой! – Я обогнула машину, останавливая его расчет с нашим шофером. – Ты лучше домой сейчас.

Судя по взгляду, меня мысленно уже в постель уложили и одежду сорвали, а я его в самый пикантный момент прервала.

– У меня Макс дома, – прикрылась братом.

– Тогда поехали ко мне.

Черт, а вот об этом варианте я не подумала!

– Я тоже дурак, тебя домой привез. Почему сразу не сказала?

– Эм-м... мы же поговорить собирались просто.

Водитель, мужчина лет под пятьдесят, закашлялся, маскируя смех, не

сводил с нас любопытного взгляда. Конечно, он-то видел нашу возню на заднем сиденье и как я старалась уgomонить Стаса. Какие уж разговоры... Хм, вот работа у человека: и заработает, и поржет.

– Так, Шумилина, не выноси мне мозг! Утром разговаривать будем. Я твою честь отстоял, теперь твоя прямая обязанность полечить героя. И полюбить.

Вот не замечала я за ним раньше любви к русским сказкам! Даже опешила от таких требований.

– Давай в машину, хватит мерзнуть, – приказал мне Стас и перевел взгляд на водителя. – Шеф, заводи.

Я отступила, подумывая уже сорваться бегом к подъезду, но нас ослепил свет фар и визг тормозов.

Хлопнула дверь, и рядом со мной возник мужчина. На плечи легла тяжелая рука.

– Вернулась? Как погуляла?

Богдан?! А он здесь что делает?! Мне казалось, что я брежу, но жесткий захват пальцев на плече убеждал в его реальности.

– Эм-м... Хорошо, – растерянно произнесла я.

– Ты кто такой? – подобрался Стас, которому не понравилось наше внезапное тесное соседство.

– Богдан Ковальский, – протянул руку, представляясь, и Стас автоматически ее пожал.

– Горский Станислав.

– Это у вас реабилитационный центр?

– Да.

Стас выглядел сбитым с толку.

– Я представитель международного благотворительного фонда «Во имя жизни». Хотим направить к вам одного пациента.

– У нас частная клиника.

– Я знаю. Нас для сотрудничества интересуют лишь самые лучшие.

– Что за пациент? Когда хотите привезти?

– А это все от Розы Валерьевны зависит.

– Ты о Кристофе? – дошло до меня.

– Да. Пойдем, обсудим план его лечения.

– Вы куда? – встрепенулся Стас.

– Приятно было познакомиться. – Богдан пожал его руку. – Мои люди свяжутся с вами.

Охамевший Ковальский развернул меня и транспортировал до своего авто. Я оглянуться не успела, как уже сидела пристегнутая на переднем

сиденье, а Богдан шустро выезжал из двора, осветив застывшего Стаса с вытянутым лицом.

На ум почему-то пришло, что наглый дракон все же украл у героя принцессу.

В сумочке заиграл мобильный.

– Да?

– Шумилина, может, объяснишь, что происходит?

О, кто-то пришел в себя. Но на Руси всегда долго запрягали, и вместо того, чтобы пуститься в погоню, Горский решил сначала позвонить.

– Сама ничего не понимаю. Давай потом, Стас, – ответила я и сбросила вызов.

Повернув голову к Богдану, оценила его благородный профиль и волевой подбородок. Все же красив, поганец. И чувствуется сильное мужское начало. Жаль, что к этому прилагается и кобелизм.

– Куда мы едем? – поинтересовалась у своего похитителя.

– У Кристофа есть городская квартира. Она ему сейчас ни к чему, остановимся у него.

– Слушай, Богдан, ты можешь останавливаться где угодно, а меня верни домой! Насчет Кристофа мне не звонили, значит, с ним все в порядке. Более подробно скажу, когда выйду на работу.

– Нам нужно поговорить.

– Да неужели? – съехидничала я, и тут как кипятком ошпарило. Городская квартира... Почему он везет меня туда?

– А за городом тебя невеста ждет?

– У меня пока нет невесты, – процедил Богдан.

Интересно, и чего он такой злой? Это у меня есть повод для злости, но я же его глазюки лживые царапать не бросаюсь. Расстался с невестой и тут же забыл? Есть же категория мужей, что как только в командировку, так колечко обручальное в карман.

– А она об этом знает? – поинтересовалась ядовито. – Не нужно мне лгать! Ее родственница мне все рассказала.

– Послушай, я тебе не лгал. Мы встретились с Марией впервые. Наши семьи рассматривают возможность породниться, и они прилетали, чтобы мы познакомились.

Я в шоке уставилась на Богдана. Как впервые?! Но было не похоже, чтобы он лгал. Что за средневековье? Как можно говорить об обручении, когда даже не знакомы?!

– Похоже на случку породистых собак, – вырвалось у меня. Богдан бросил на меня убийственный взгляд, но мне было плевать. Мать вашу, я

все еще была в шоке! – Что? Деньги к деньгам? Как у вас все продуманно и далеко от романтики.

– Ты права, это просто бизнес.

– Слушай, мне плевать. Уже поздно, я устала, отвези меня домой! – потребовала я.

– Плевать?

Короткий, яростный взгляд на меня, и он резко, на полном ходу полицейским разворотом бросил машину на встречу. Меня вжало в сиденье, но я даже не пискнула. Богдан мастерски владеет машиной и держит все под контролем. Сделал он это там, где разрешен поворот, перепугав лишь едущий вдалеке автомобиль – сзади доносились возмущенные сигналы. Представляю, как матерится водитель. Я же благогазумно прикусила язык. Меня везут домой? Вот и славно!

Мы недалеко отъехали от дома и вернулись быстро. К счастью, автомобиля Стаса во дворе уже не было. Припарковавшись, Богдан закрыл машину, давая понять, что идет со мной. Возражать не видела смысла. Хочет проводить – пусть провожает. Со своей территории выставить его будет проще.

В молчании поднялись на этаж, но, зайдя в квартиру, я не стала тянуть и первая нарушила тишину.

– Богдан, о чем ты хотел поговорить? – спросила, бросая ключи на тумбочку и расстегивая полушубок. И сразу дала понять, что дальше прихожей приглашать его не намерена: – Извини, я очень устала и чай-кофе предлагать не буду.

– О нас. Хотел объяснить, что о нашей встрече с Марией договорился еще до того, как пригласил тебя в гости, – помогая мне снять полушубок, произнес он. – А с кем ты была в театре?

– Со знакомым. Его приглашение я тоже приняла до того, как поехала к тебе, – сообщила я, разуваясь.

– А Горский? Что у тебя с ним?

– Стас? Ничего. Не оставляет надежды переманить к себе в клинику на работу и уложить для галочки в постель. Как оказалось, он со мной единственной не переспал. Непорядок, статистику ему всю порчу.

«Господи, что я несую?!» – вдруг подумала я, а еще дико пожалела, что сняла каблуки. Без них против рослого Богдана чувствовала себя совсем маленькой. Нет, надо прекращать этот фарс.

– Богдан, к чему все это? Ты мне ничего не должен и не обязан ничего объяснять.

«Как и я – тебе», – добавила про себя.

– Ну как же, мы выяснили, что оба свободны.

Он шагнул ко мне, а я и ахнуть не успела, как оказалась сидящей на тумбочке.

– Бог...

Возмутиться не успела – рот мне закрыли поцелуем. И вот странное дело, я не думала ни о чем таком с ним и не хотела, чтобы он вообще меня касался, но стоило ощутить жесткие губы, которые целовали меня скорее зло, чем нежно, как меня накрыло. Сумасшествие какое-то, миг – и тело вспыхнуло, как хворост, к которому поднесли огонь.

Так же внезапно Богдан отстранился, пытливо взглядываясь в мое лицо. Казалось, он немного сбит с толку, как будто и сам не ожидал такого от себя. Неожиданно его рука нырнула мне под юбку до самых трусиков. Хлесткая пощечина заставила нас обоих замереть. Клянусь, у меня сработал рефлекс, присущий любой порядочной женщине! Я была потрясена не меньше, чем он. На бледной щеке проступал отпечаток моей ладони, и время как будто замерло.

– Т-ты что творишь? – севшим голосом спросила у него.

– Понять хочу, почему ты так на меня действуешь.

– И ответ у меня под юбкой?

– Ты даже представить не можешь, как много сокрыто в женской одежде, – загадочно произнес Богдан. Одна его рука обводила на моем бедре край трусиков, а вторая легла мне на затылок, не давая отвернуться и избежать поцелуя.

Впервые в жизни меня избавляли от одежды так стремительно и яростно, как будто она была его личным врагом. Подумать только, а я еще ворчала на братца! Пару раз я заставляла детали женского туалета его подружек у нас в коридоре и не могла понять: неужели так трудно пройти до комнаты?

Сейчас же сама срывала с Богдана одежду, получая особое удовольствие. Он странно действовал на меня. С ним я вела себя раскрепощенно, уверенно, не стыдясь своих желаний. Даже не так – желания выходили на первый план и руководили всеми моими действиями. Ведь еще недавно я думала, что и близко больше не подойду к нему, а сейчас его прикосновения были мне жизненно необходимы. Вот как так?

Всегда терпеть не могла чересчур властных мужчин и тех, которые относятся к женщине чисто потребительски, но в Богдане меня это заводило и толкало на безрассудства. Я брала все, что могло дать его сильное натренированное тело, и требовала большего. Я, не понимающая женщин, ведущих себя как мартовские кошки! Всегда ставящая в основу

отношения, а потом уже секс! Но никогда и ни с кем у меня не было такого яркого оргазма, как с Богданом. Секс с ним приобретал невиданную ранее остроту.

Я не знаю, как это описать. Любой может пройти по канату, если он лежит на асфальте. А с Богданом канат натянут над пропастью в горах, и ты идешь, и дух захватывает от красоты, и в то же время все внутри дрожит от опасности, а каждый шаг как последний. Мистика! У меня не было разумных объяснений той химии, что происходила между нами.

В этот раз мы не устраивали долгих марафонов, я сразу заснула, натянув на нас покрывало и не разбирая постель. Утром проснулась тоже первая и некоторое время нежилась в крепких объятиях. Потом только проснулся мозг, отметив необычность пробуждения, и я открыла глаза. Богдан спал на спине, прижимая меня к себе одной рукой, а я пригrelась на его груди, закинув на него свои конечности.

Странно, почему-то не думала, что он у меня останется. Скорее была готова к тому, что тихо уйдет ночью. Приподняв голову, взглянула на лицо любовника. Надо же, даже сон не смягчил его черты. Выглядит серьезно и собранно даже спящим. Я улыбнулась и протянула руку, чтобы погладить его по щеке, изучить пальцами при свете дня его черты... но в самый последний момент остановилась, не захотев будить. Со всеми осторожностями отстранилась и ускользнула с кровати. Надела халат, вышла из комнаты. Хотела пойти умыться и привести себя в порядок, но шорох на кухне заставил сменить направление.

За столом с подавленным видом сидел Макс и крутил ложкой в большой чашке. Именно этот звук и привлек меня.

– Макс?! – замерла я на пороге.

– Это же не Миха? – поднял голову он, пробирая до печенок своим взглядом.

Ой, е-е-е! Никогда в жизни мне не было так стыдно перед братом. Подозреваю, он пришел утром и, конечно, увидел валяющуюся одежду в коридоре и все признаки ночующего у меня мужчины.

– Роуз, я же ему мозг вынес, требуя подтверждения, что у вас все будет серьезно, а ты...

Да-да, а сестра, как распутная шлюха, привела домой непонятного мужика. И это я, моралистка, требующая от него не светить мне своих подружек.

– Ты куда убежала? – Не вовремя проснувшийся Богдан обнял меня за талию. Хорошо, хоть штаны надел! – Привет, Макс! – кивнул поверх моей головы брату.

А тот потерял дар речи, глядя на нас и не веря своим глазам.

– Вы встречаетесь?

– Нет, – ответила за двоих я. Утром пришло отрезвление. Нет, я не жалела ни о чем, но отчетливо понимала, что это путь в никуда. Кто он – и кто я, разные весовые категории. А просто заниматься сексом, пока он не улетел по своим делам – это не по мне.

– А что тогда? – насупился Макс, требовательно глядя на нас.

– И это ты у меня после всех своих многочисленных подружек спрашиваешь? – фыркнула я, вырываясь из объятий и заходя наконец на кухню. За иронией старалась спрятать смущение. Не в моем характере домой левых мужчин приводить. Интересно, после семи лет верности Костику это прогресс или падение?

Взяла из шкафчика две чашки и подошла к кофемашине. Зерна Макс засыпал, осталось лишь кнопку нажать. Запустив, поняла, что до сих пор за моей спиной тишина. Оглянулась и поймала устремленные на меня недовольные взгляды двух пар глаз.

– Что не так?! – обратилась я к брату. – Не знаешь, как это бывает?

– Я мужчина, – сообщил братец, демонстрируя двойные стандарты.

– Рада за тебя. Он тоже, – кивок в сторону прислонившегося к косяку гостя, – и у него невеста, – зачем-то сообщила брату. Наверное, чтобы не заводил ненужных разговоров с Богданом на тему, как он относится ко мне и какие у него намерения. Все же он хоть и младший, но в некоторых вопросах меня опекает.

– Нет у меня пока невесты! – процедил Богдан.

– Значит, будет, – беспечно пожала плечами. – Если не Мария, то тебе обязательно другую, подходящую по статусу подберут. Но это точно буду не я. Кофе хочешь?

– Нет.

Богдан развернулся и ушел. Ну и ладно. Я взяла чашку и села за стол, напротив брата.

– Роль стервы тебе не к лицу, – неодобрительно произнес он.

Нормально? Я просто прояснила ситуацию и назвала вещи своими именами, а он меня в стервы записал.

– Обещаю больше не шокировать твою юную, хрупкую психику.

Мы обменялись взглядами. Он понял мой намек на то, что Богдана больше не будет, но принял это с задумчивым видом. Отпил из чашки, рассматривая поверх нее меня.

Зашумел душ, давая понять, что кое-кто решил не пренебрегать гигиеной. Ничего себе, как он тихо передвигается, я даже шагов не

слышала!

– А что с Михой? – спросил братец, поняв, что лишних ушей нет, и требовательно посмотрел на меня прокурорским взглядом. Хм, представляю, сколько он одобрял его кандидатуру, и теперь не собирался отказываться от идеи нас свести.

Настала моя очередь пригубить кофе и помолчать. Вдохнула бодрящий аромат, на мгновение прикрыв глаза.

– Он хороший парень... – выражение лица Макса стало кислым, и я добавила откровенно: – Мне на удивление комфортно рядом с ним. Обещаю, я к нему присмотрюсь.

Брат на глазах повеселел, расплывшись в счастливой улыбке, и я решила ковать железо, пока горячо.

– Ма-а-а-кс, – протянула я, – ты можешь мне помочь?

– Что надо? – подозрительно спросил он, хорошо зная этот тон.

– Пригони мою малышку со стоянки. Хочу за руль сесть.

– Да ладно! – загорелись у него глаза.

– Нет, сначала давай на площадку, я привыкну, а потом уже в город. Только рядом побудь.

– Наконец-то! – радостно вскопчил братец. – Ключи давай.

– Сейчас.

Я метнулась в комнату за ключами и документами, а когда вышла, Макс уже в коридоре натягивал ботинки и куртку. Наверное, чтобы я не передумала. Ведь не счесть, сколько он мне мозги промывал, что машина не должна ржаветь, а мне пора завязывать потакать своим страхам.

– Все же есть хоть какой-то толк, – скопил он в сторону ванной глаза. – Секс творит чудеса?

– Макс! – ахнула я. Замахнулась дать подзатыльник, но поганец ловко уклонился, выхватил у меня документы с ключами и смылся.

Я закрыла дверь и покосилась в сторону ванной, невольно улыбаясь. Несмотря на вынужденный разбор моей личной жизни, настроение было приподнятое. Про себя отметила, что наши разбросанные вещи из коридора загадочным образом испарились. Заглянула к себе в комнату и обнаружила свою одежду аккуратно сложенной на стуле. Это почему-то заставило улыбнуться еще шире. В крови Богдана явно отметились немецкие предки с их основательностью и любовью к порядку.

Переодеваться, не приняв душ, не видела смысла и пошла на кухню. Вода в ванной еще шумела, время было, и я решила сделать блинчики. Включила радио и, пританцовывая, стала замешивать тесто. Не люблю покупные, никогда не сравнятся с домашними, но готовлю редко. Я чаще

всего дома ем наспех. На работу вечно опаздываю и вылетаю, запив чаем бутерброд, а вечером хочется просто спать, редко жую. Если бы не наша столовая в больнице, точно бы заработала себе гастрит.

Хорошо, Макс умеет готовить и часто оставляет в холодильнике и на мою долю что-нибудь вкусненькое пожевать. А вот блины печь не любит, считая это женским занятием, зато с удовольствием их поест. Если Богдан откажется. И чего, собственно, я взялась готовить ему завтрак?

«Не ему. Макс!» – убеждала я себя. Просто хочу побаловать братца.

Момент, когда в кухне появился Богдан, ощутила не глядя, спиной. Резко зачесалась спина между лопатками, и почему-то к ней в пару еще и ягодички. Я все же сначала перевернула блин со сковородки на стопочку таких же на тарелке и лишь потом обернулась.

– Завтракать будешь?

Богдан стоял в дверях и был полностью одет, внешне холодный и отстраненный. Видимо, собрался уже уходить. На мой вопрос чуть поколебался, но все же согласился, проходя на кухню.

– Пожалуй.

– Чай? Кофе?

– Чай.

– Садись.

Я отвернулась. Залила остаток теста на сковородку и достала заварочный чайник. Не предлагать же ему одноразовые пакетики. Родительница еще в прошлый приезд привезла коллекцию элитного чая, пригодился не ударить лицом в грязь.

Вместо того чтобы сесть, Богдан подошел ко мне и прислонился к столешнице, наблюдая, как я готовлю.

– Ты всех своих случайных любовников завтраком кормишь?

Охо-хо, все же задело. Но я не хотела накалять обстановку, поэтому ответила вполне миролюбиво:

– Не могу сказать, у меня раньше не было случайного секса.

Перевернула блин на тарелку и выключила плиту.

– Поставь на стол, – сунула Богдану в руки тарелку с блинами, чтобы отошел и перестал соблазнять меня запахом мужского геля для душа и чистого тела. Соблазнительного настолько, что хотелось уткнуться носом в его грудь и глубоко вдохнуть.

– Тогда с чего ты вообще решила, что у нас случайный секс?

– М-м-м... Дай подумать...

Я сделала вид, что задумалась над вопросом, и отобрала у него тарелку. Сама поставила на стол, воспользовавшись этим как предлогом,

чтобы увеличить между нами расстояние. Что-то вблизи него у меня гормоны бунтуют.

– Может, потому, что я встречаю тебя третий раз в жизни, два из которых мы занимались спонтанным сексом? Не слишком похоже на отношения года.

Богдан подошел ко мне, но я его обогнула, доставая из шкафчика еще тарелки. Бросив на него оценивающий взгляд, прихватила и вилки с ножами.

Если честно, одна я блины руками ем, но это варварство точно не для него.

– Признай, тебя как-то не интересовал мой глубокий внутренний мир. Да и я о тебе ничего не знаю, кроме того, что ты имеешь отношение к благотворительному фонду и занят настолько, что невеста сама прилетает для знакомства.

– Она мне еще не невеста, – раздраженно заметил Богдан, на что я лишь закатила глаза, показывая свое отношение к сказанному, и пошла заваривать чай.

– Садись за стол, не маячь.

Я вручила ему чашки.

Богдан посмотрел на них так, как будто не понимал, что с ними делать. У меня создалось впечатление, что он вообще не привык, чтобы с ним так по-простому себя вели. Может, он ни с кем на пару и стол не накрывал? Слуги, официанты там... Хм-м.

Пряча усмешку, заварила чай и достала из холодильника сметану, джем, на тарелке сыр с колбасой, нарезку семги.

Нужно было видеть, как округлились глаза Богдана от такого сочетания. Но я же не знала, что он любит. Макс, например, предпочитает блины с сыром и ветчиной, а я с икрой, но и с рыбкой пойдет.

Разлив чай, села за стол:

– Угощайся.

Себе закрутила блин с семгой, краем глаза наблюдая, как Богдан, чуть помедлив, потянулся к джему. Сладкоежка. Почему-то это показалось мне трогательным.

– Согласен, мы мало знаем друг о друге. Но ты могла бы спросить, если тебе что-то интересно, – вернулся он к прерванному разговору. – Или рассказать о себе.

Я скептически хмыкнула. Честно, не выдержала. Мне нужно было ему вопросы о жизни задавать между сексом или во время?

– Богдан, мне нечего рассказать, моя жизнь скучна. Работа занимает

большую часть времени, и это тебе будет неинтересно. Думаю, ты тоже занятой человек и живешь делами, от которых я весьма далека. У нас разный круг общения, нет общих знакомых, мы из разных миров.

– И?

Что-то у меня аппетит пропал. Отпила чай и твердо посмотрела на Богдана.

– И я не вижу смысла сближаться. Признаю, между нами есть химия, но бессмысленно начинать отношения, у которых заведомо нет будущего. Ваш фонд работает по всему миру.

Да-да, я заглянула ради любопытства в интернет.

– И ты сегодня в России, а завтра на другом конце света. Не хочу быть таким русским приключением и получить в зубы дорогую безделушку на прощание.

Богдан откинулся на спинку стула, и взгляд голубых глаз стал пронзительным.

– Ну почему же безделушку... У меня много возможностей, я бы мог помочь тебе с карьерой. В какой клинике мира ты бы хотела работать?

А вот после этих слов стало крайне неприятно. Я откинулась на спинку, скопировав его позу.

– Моя мать сменила несколько мужей и всегда удачно выходила замуж. Мы с Максом никогда не думали, что поесть или на какие деньги одеться. Я не испытывала нужду, чтобы рваться к богатству, и никогда не искала богатого покровителя, был хороший пример перед глазами. Знаешь, у отца Макса, когда в бизнесе пошли первые большие деньги, вскружилась голова. Загулял. Как-то, вернувшись пьяным от любовницы, повздорил с матерью и ударил ее, крича, что она никто, ничтожество без него. Она упала с лестницы, чуть шею не сломала. Кажется, именно тогда, увидев ее в таком состоянии и не зная, как помочь, я решила стать врачом. И с детства поняла, что богатство не есть показатель благополучия и лучше не зависеть от мужчины... А мама сняла побои, пообещала подключить журналистов и благодаря этому тихо развелась, забрав нас. Он потом пытался ее вернуть, просил прощения, но что-что, а уважать себя она умеет и меня научила.

Я вздохнула.

– Макс с отцом общается, а я отчима до сих пор не простила, хотя он неоднократно каялся, что был тогда дураком и виноват. Не люблю встречаться с ним. Просто как вижу его, сразу избитое лицо матери вспоминаю. А насчет работы... При желании я могла бы уже давно переехать и работать во Франции, но в моей жизни меня все устраивает, и менять страну я не хочу. Так что спасибо, не надо. Мне вообще от тебя

ничего не надо. Приятного аппетита, а я в душ. Где дверь – найдешь.

Я встала и спешно вышла, скрываясь за дверью ванной комнаты. Оставалось надеяться, что его уже не будет, когда я вернусь.

Глава 13

Он открыл дверь своим ключом и тихо проскользнул в квартиру. Разделся и сразу поднялся на второй этаж, к своему Ангелу. Как же он скучает! Как ненавидит свою жизнь и обязанности, которые отвлекают его от любимой. Будь возможность, он бы все время проводил с ней. Одно ее присутствие делало его счастливым и наполняло умиротворением.

Приоткрыл дверь в спальню и замер, любуясь спящей девушкой, залитой утренним солнечным светом. Опять она забыла шторы опустить. Чуть помедлил, впитывая в себя ее образ. Она нереально красива. Фарфоровая кожа, блестящие шелковистые волосы. Он помнил их мягкость, любил пропускать между пальцами гладкие, струящиеся пряди. Хрупкая фигура терялась на большой кровати. Специально купил такую большую, спать на ней можно в любом положении. Опять она крутилась во сне и сейчас лежала по диагонали.

Несмотря на тепло в квартире, укуталась в одеяло, только ножка торчит. Он нахмурился. Опять она спала в чулках. Неужели боли вернулись? Ничего не мог поделать, злился на то, что она не хотела его волновать и никогда не жаловалась.

Вздыхнув, прошел в комнату, тихо прикрыв за собой дверь, и нашел пульт, опуская плотную штору и погружая комнату в полумрак. Затем разделся и лег к своему Ангелу, обнимая. Все бы отдал, чтобы защитить ее и уберечь от бед. Почему все против них? Одержимая ускользнула из-под носа, вещи уже в Ордене. Его люди землю носом рыли, разыскивая ее, а каким-то идиотам повезло просто встретить Хищницу на улице.

Опять все надежды рухнули! Он так рассчитывал завладеть ее вещами, а теперь придется начинать все сначала. Ему казалось, что кто-то сверху насмехается над ним и его усилиями собрать полный гардероб. Неужели это кара за любовь? Да еще отец опять заговорил о необходимости женитьбы. Требовал, чтобы он прилетел на показательный процесс, который устраивают над Хищницей, и хотел обсудить его будущее. Хорошо, что Палач не летит – отличная причина для отказа, но долго избегать разговора не получится. Отец не любит летать, у него фобия, но однажды его терпение лопнет и ради того, чтобы приструнить и напомнить о долге, он сядет в самолет. Или пришлет ему одобренную невесту.

Вот этого он боялся больше всего. Стоит Ангелу узнать об этом, и она с ним расстанется, чтобы не разрушать семью, его девочка

принципиальная. В который раз он проклял свою судьбу за невозможность любимую женщину назвать своей женой. С радостью поменялся бы с обычным человеком, чтобы не знать ничего об Ордене и вещах.

«Но тогда бы был бессилён помочь любимой», – напомнил себе. Хуже нет, чем наблюдать за мучениями любимого человека и ощущать свое бессилие. Проклятые вещи оказались спасением. Из яда делают лекарства, так и скверна приносила облегчение любимой. Ему бы только собрать полный комплект! Пользуясь своим положением, он перечитал горы засекреченных материалов и получил подтверждение, что собранные вместе вещи обладают гораздо большей силой, чем по отдельности. И верил, что они способны сотворить чудо. Ведь на кону жизнь его Ангела.

Телефон в вещах пискнул входящим сообщением. Он некоторое время полежал, прислушиваясь к дыханию любимой, но она крепко спала. Тогда он отодвинулся и подтянул рукой пиджак, доставая телефон.

Его агент сообщал, что Палач провел ночь у хирурга больницы, в которой лежит сейчас Морено. Эта информация заставила задуматься. С какой стати этот хладнокровный ублюдок обратил внимание на врачиху? Посмотрел присланную фотографию, снятую скрытой камерой на улице. Ничего особенного, симпатичная, но не сногшибательная красотка, которыми любил окружать себя Палач, предпочитая самое лучшее. Но тут взгляд его остановился на пряди волос, что выглядывала из-под шапки. Рыжая! Ни одна из прежних любовниц Ковальского не была рыжей. Он почувствовал себя гончей, взявшей след.

Тут же приказал прогнать врачиху по их базам и лег, напряженно ожидая ответ. Вскоре пришло сообщение. На нее саму ничего нет, а вот ее мать находится в разработке, пока только под подозрением. И она недавно прилетала в Москву с мужем. С колотящимся сердцем посмотрел, какой вещью предположительно владеет мать рыжей, и на лбу ощутил испарину. Бинго! Панталоны.

Вот панталон у них не было. Его Ангелу такой аксессуар ни к чему, она и без того способна свести с ума любого, но они могли стать еще одним важным кирпичиком на пути к его цели. А ведь Палач не просто так обхаживает врачиху, упустив из поля зрения ее мать. В Ордене ходили легенды о его интуиции.

Опасно. Очень опасно переходить ему дорогу.

Любимая пошевелилась, поворачиваясь, и тишину спальни нарушил тихий стон во сне. Сердце оборвалось, и он понял, что у него просто нет другого выхода. Придется рискнуть.

Богдан не помнил, почему тогда проснулся. Скорее всего, его разбудили крики. Полусонный, побежал в комнату матери. Криков больше не было, лишь всхлипы и глухие удары. Толкнув приоткрытую дверь, он увидел съезжившуюся на полу мать и нависающего над ней отца.

– Тупая фригидная сука! – с ненавистью буквально выплюнул отец и в очередной раз замахнулся ногой в лакированном ботинке.

– Мама! Нет!!! – Богдан бросился наперерез, повиснув на ноге отца.

– Щенок! – Вацлав разозлился и пинком отшвырнул его. – Не смей вмешиваться! Тебя стоит проучить.

Расширенными глазами Богдан наблюдал, как к нему направляется отец, снимая ремень. Первый удар обжег и заставил вскрикнуть и растянуться на полу. Подняв глаза, Богдан встретил взгляд матери, так и лежащей без движения на полу. Безразличный, погасший. Но добило облегчение в родных глазах: бьют не ее.

В этот момент что-то оборвалось у него внутри. Он и раньше чувствовал, что мать его не любит, но наивно старался обратить на себя внимание – рисунками, поступками. Принося ей разные мелочи, старался заслужить похвалу. Сейчас же всем детским сердцем понял, что этот человек ему чужой, и он зря пришел. Не нужна матери его помощь и от нее он не дождется помощи никогда.

Сжав зубы, он молча сносил удары, пока не потерял сознание. Очнулся уже в своей постели, когда его осматривал семейный доктор. Он был частым гостем у них дома. С этой ночи Богдан больше никогда не подходил к матери и не заговаривал с ней без необходимости, не дарил ей рисунков и не выходил из комнаты, когда по дому разносились ее крики.

Часто от отца доставалось и ему. Вацлав был вспыльчив и скор на расправу. Переезд в закрытую школу Богдан воспринял с радостью, а еще больше ему понравились занятия боевыми искусствами и самообороной. И однажды, когда на каникулах приехал домой, блокировал удар отца.

– И что дальше? Ударишь меня? – оскалился в ответ Вацлав.

– Нет. Поднимешь еще раз на меня руку – пристрелю, – холодно ответил сын и показал незаметно вытащенный из кармана отца пистолет.

На удивление, такой ответ пришелся по душе Вацлаву.

– А ты растешь, – с одобрением произнес он.

С этого дня он больше ни разу не замахнулся на сына, ограничиваясь

словесными порками. Богдан не шутил, и он это понял. И зауважал.

Богдан тряхнул головой, прогоняя давно забытые воспоминания. Рассказ Розы об избиении матери всколыхнул их, подняв мусть в душе. Ее мать нашла в себе силы развестись и уйти, забрав детей, а в его мире разводы были невозможны. Неугодные женщины заканчивали свои дни в монастырях, или с ними случались несчастные случаи. Дети всегда оставались с отцами.

В дверь постучали, и в кабинет зашла секретарша.

– Документы, что вы просили.

Она продефилировала к столу и положила папки, нагнувшись так, чтобы выигрышно продемонстрировать грудь. Две лишние пуговички блузки даже расстегнула для этого.

– Может, кофе?

– Да, принеси, – согласился Богдан. Свой утренний кофе у Розы он так и не выпил, предпочел чай.

Секретарша ушла, соблазнительно покачивая аппетитными бедрами. Внешность у секретарши Савицкого была идеальная. Лицо, грудь, ноги, придраться не к чему, но эта красивая кукла не вызывала никаких эмоций. Наклони он ее через стол, она даже не пикнет протестующе и так же безропотно сделает минет. Сколько таких услужливых женщин в его жизни было – не счесть. Он не запоминал ни их лиц, ни имен.

Почему же не может выкинуть из головы рыжую занозу? Вчера он был практически уверен, что она надела на себя скверну, но пришлось признать, что в голове мутится не по этой причине. Она сама сводила его с ума. Богдан не мог объяснить себе, почему остался у нее этой ночью. Ведь мог переночевать в городской квартире Кристофа, чтобы не ехать домой. Ночью, когда она уснула, он проверил чемодан в шкафу. Вещи в нем так и лежали небрежно засунутыми, как их и побросала Роза. Панталоны покоились сверху, как будто насмехаясь над ним. Несколько мгновений он колебался – забрать их или нет, но в итоге оставил в чемодане, прикрыв другими вещами.

Забери он их, и не было бы повода для оправдания перед самим собой, почему ищет с рыжей встречи и держит под пристальным вниманием. И вместо того чтобы покинуть дом, вернулся к ней в постель. Спящая Роза завозилась недовольно, но потом уткнулась в его плечо. Богдан обнял ее, прижимая к себе, и уснул.

Ему вспоминались первые дни знакомства с Ханом, когда сирота Зегерс переехал к ним в школу. Тогда он заворуженно слушал рассказы о

его жизни в приюте. Об играх, проказах, о том, как им читали сказки. Богдан никогда ему не рассказывал, что ночами тайно мечтал стать сиротой и попасть в такой приют. Кусочки чужой жизни он примерял на себя.

Вот и общаясь с этой русской, он как будто жил другой жизнью. Умом понимал, что ей не место рядом с ним, даже случись такое, она не сможет жить по установленным в их среде правилам. Слишком свободолюбива, самодостаточна и остра на язык. И не захочет меняться. В их среде женщины не работают, максимум занимаются благотворительностью, а она живет работой и любит ее.

Утром он первый проснулся и наблюдал за ней сквозь ресницы. Как она светло улыбалась, глядя на него, как потянулась к лицу погладить, но остановилась. Не хотелось себе признаваться, насколько он ждал этого прикосновения. Испытал разочарование, когда Роза тихо выскользнула из постели и вышла из комнаты, а потом гнев, когда она представила его брату как случайного любовника. И при всем при этом пошла готовить для него завтрак! Даже его постоянная любовница, которая обходилась в круглую сумму, в те редкие случаи, когда Богдан оставался у нее, этим не утруждалась.

Невозможность просчитать поступки русской докторши выводила из себя. И этим она притягивала. Уже давно женщины для него – открытые книги, навевающие скуку. С Розой же скучать не приходилось. Она остра на язык, непредсказуема, но в то же время естественна, без фальши и притворства. Откровенная. Сильная, цельная натура. Циник внутри Богдана в ее присутствии молчал. И в глубине души родилось невольное уважение, еще тогда, когда она защищала своего больного, рискуя потерять место работы. Не ища выгоды или вознаграждения.

Ковальский отмечал, насколько она не похожа на других. Женщины любят сами себе что-то придумывать, а вот она предпочитала смотреть на вещи трезво.

«Я не вижу смысла сближаться. Признаю, между нами есть химия, но бессмысленно начинать отношения, у которых заведомо нет будущего».

С губ слетело ругательство на латыни. Их разговор на кухне дал понять то, что Богдан и так предполагал: Розе ничего от него не надо. Ни денег, ни возможностей. Она кричала под ним от удовольствия, но не собиралась продолжать отношения!

Ирония судьбы: когда-то давно по вине одной рыжей ведьмы он запер свои чувства на замок, а теперь, через много лет, другая, похожая на нее женщина смогла пробудить его интерес и постоянно выводит на эмоции. Вчера, разглядывая ее фотографии с вечеринки, Богдан меньше всего думал

о работе и о том, есть ли на рыжей скверна. Выехал к ней потому, что не собирался еще раз издали наблюдать, как ее целует другой. Стоило признаться себе: одернуть охваченных азартом подчиненных и заставить их отказаться от нападения он мог и по телефону.

– Ваш кофе.

Богдан хмуро взглянул на вернувшуюся с подносом секретаршу. Поставив перед ним чашку, она замерла. Он отметил и свежую помаду на губах, и усилившийся запах духов. Ободренная его вниманием, секретарша спросила с придыханием:

– Хотите что-нибудь еще?

– На колени.

В глазах девушки на мгновение блеснуло торжество, но она тут же стыдливо опустила ресницы и опустилась на колени. Скучно и предсказуемо.

– Я не вижу карандаша. Посмотри, нет ли его на полу, – холодно произнес он.

– Э-э-э... – На него посмотрели с недоумением, стараясь понять, что стоит за просьбой. – Хорошо.

Встав на четвереньки, секретарша принялась искать на полу карандаш, выпячивая попку.

– Нашла? – поторопил ее.

– Не вижу. Может, посмотреть с вашей стороны под столом?

«Твое привычное рабочее место?» – цинично усмехнулся Богдан про себя.

– Не стоит. Просто принеси новый.

Богдан пригубил кофе, листая принесенные документы, но ничего не видя перед собой. Приход секретарши с карандашом и ее уход он проигнорировал, не поднимая глаз. Сегодня умение сосредотачиваться на делах дало сбой.

Странные отношения с русской, которые непонятным образом затянули его и выбили из привычной колеи. Да еще Хан в Риме и готовит диверсию, идя против всего, во что они верили и жили, и все это ради своей женщины и ребенка. А он, вместо того чтобы взять трубку и позвонить, подняв всех по тревоге, бездействует.

Вчера Ковальский пытался образумить брата, но без толку. Не в его характере было бездействовать и пускать все на самотек, но – редкий случай! – решился положиться на судьбу. Будь что будет. Многолетняя дружба требовала быть сейчас рядом с Ханом, плечом к плечу, но голос разума вынуждал держаться в стороне. Так Богдан будет больше полезен и

сможет помочь. Надежных людей и оружие он Зегерсу предоставил. Оставалось ждать, чем закончится безумная затея.

Богдан понимал, что привычная жизнь рушится. Если все у Хана получится, тот заляжет на дно, и они не скоро встретятся. А если не получится... то тем более.

Близкие люди уходили. В этой жизни у него было только два родных человека, которых он любил и ради которых был готов на все: Хан и сестра. Сейчас Ирен замужем, беременна и счастлива, у нее своя жизнь. А теперь уходил Хан, брат, пусть и не по крови, рискуя всем ради любимой женщины. Он сирота, и Богдан понимал, что ради своей семьи Зегерс порвет всех, и не смел ему мешать.

А значит, вскоре его ждет эмоциональный вакуум, пустота. Его окружали люди, которые для него ничего не стоили. Работа давно превратилась в рутину, ушел азарт, с которым в юности они с Ханом гонялись по миру в поисках скверны, считая, что очищают мир. В карьере Ковальский достиг вершины, став Палачом. Тем, кого боятся даже Магистры, страшилищем для всех. На весь Орден их было пятеро. Люди, в чьей власти было казнить. Они сами являлись судом присяжных. Выше их – лишь Верховный Магистр.

Что ждало Богдана впереди? Новые запутанные дела, приговоры оступившимся, женитьба? Он сомневался, что последнее избавит его от пустоты в душе. Мария станет хорошей женой, но она пресная. Пусть и родит ему детей, но в сердце места для нее не будет.

«А еще говорят, что кризис среднего возраста наступает в сорок», – невесело усмехнулся Ковальский, чувствуя себя циничным, много повидавшим в жизни стариком.

Телефон на столе завибрировал. Взяв его в руки, он просмотрел фотографии, присланные следящими за Розой. Вот она с братом на площадке, ездит на «Мини-Купере», а вот уже в городе. Он улыбнулся фотографии, где она на светофоре показывает из окна средний палец, повидимому, сигнализируя водителю.

«У нее есть права?» – пришло сообщение.

«Есть», – ответил Богдан, выучивший досье рыжей наизусть. Также его люди нарыли, что, побывав в аварии, она боится садиться за руль. То, что сегодня Роза переборола себя, пришлось ему по душе. Как и дерзость. Омрачало лишь одно – она попросила побыть рядом брата, а не его.

А еще Богдан просмотрел видео разговора на кухне и взбесился, услышав ее обещание присмотреться к сосунку, с которым была в театре. И это после их совместной ночи! Возникло желание переломать тому парню

ноги, чтобы держался подальше. Останавливало лишь одно: Роза – хирург, и сосунок явно ляжет к ней в больницу, играя на сочувствии и получая внимание. Придется его другим способом отвадить. Что бы себе рыжая ни думала, исчезать из ее жизни Ковальский пока не готов, как и позволять строить отношения с другим.

Ему все же удалось заставить себя заняться делами. От Хана вестей не было, а Роза, по отчету ищущих, поехала на работу. На своей машине. Он приказал вести ее дальше и погрузился в бумаги.

Уже ближе к вечеру Богдан вспомнил об обеде и решил размяться. Первый звонок застал его в ближайшем к офису ресторане. Только-только принесли горячее, но, услышав новости, он напрочь забыл о еде.

Звонил его человек из Рима. Произошло обрушение центрального офиса. Это было невероятно, невозможно, но каким-то образом случилось, и Богдан чувствовал, что тут не обошлось без Хана! Но как?! Центр Ордена располагался глубоко под землей, среди катакомб. Огромный, неприступный многоуровневый бункер, нашпигованный самой современной техникой! Сейчас же там образовался котлован с просевшей землей.

Сотня людей оказалась под землей, отрезанная от всех коммуникаций. Хорошо, что Верховный Магистр не успел прибыть и сейчас организовывал спасательную операцию.

Для СМИ дали сообщение, что обвал произошел из-за взрыва газовой трубы, работают спасательные службы. Пришлось поднимать связи во всех службах, чтобы оградить территорию от любопытных, а в это время спасатели пытались добраться до бункера под землей.

Богдан набрал отца, но тот был вне сети. Вернувшись в офис, попытался подключиться к главному компьютеру, но впервые за все время он оказался недоступен. Логично, если учесть, что коммуникации в бункере повреждены, но для рядовых братьев такая ситуация сродни Апокалипсису. Все шептались о том, что это устроила захваченная ведьма. Ведь удалось ей каким-то образом собрать целых шесть вещей. Цифра – число дьявола!

То, что случилось, стало шоком для членов Ордена. Главный офис считался незыблемой твердыней. Это как Мекка для верующих. А теперь неизвестно, что с людьми, архивами, базами данных, главным компьютером, где хранилась не только конфиденциальная информация, но и результаты многих засекреченных исследований.

В Ордене царил паника. Телефон разрывался.

Вовремя приехал Савицкий, и обоюдными усилиями они успокаивали людей не только в офисе, но и на периферии. Раз за разом Богдан пытался

связаться с отцом. Дворецкий дома сказал, что Вацлав уехал еще утром, и поступили подтверждения, что он был в Центре Ордена на момент обрушения. Приходилось всеми силами отгонять плохие мысли. Он ненавидел отца большую часть своей жизни, но не мог представить его погребенным под землей. Богдан подозревал, что сейчас Хан – единственный человек, который знает, что именно произошло, но набрать его номер рука не поднялась. Впервые в жизни страшился узнать правду. Хотел сорваться в Рим первым же рейсом, но пришел приказ от Верховного: всем оставаться на своих местах и поддерживать порядок.

Лишь спустя несколько часов поступила первая информация: спасателям удалось добраться через завалы и вытащить часть людей. Среди выживших был и Вацлав, которого отправили в больницу. Так удалось узнать, что обрушения случились из-за взрывов. О роли Хана пока ничего известно не было.

Звонок от Вацлава раздался вечером.

– Отец! – ответил Богдан и поймал себя на том, как сжалось все в груди. – Как ты?

– Пришел в себя. – Голос Вацлава был тверд и сух, как всегда. – Ранение головы. Я пока об этом никому не говорил, но удар я получил от Хана. Здесь все твердят, что были взрывы, но я потерял сознание еще до них. Хочу предупредить, я приду в себя и выясню, что произошло! Щенок. Ему не жить!

– Отец... – поморщился Богдан.

– Я все сказал, – отрезал Вацлав. – А теперь о главном. Я не хочу умереть, не увидев внуков. Ты женишься, и это не обсуждается! На Рождество будет не обручение, а свадьба.

Богдан сбросил вызов и отложил телефон, закрыв лицо руками. Ничего не меняется. Телефон разрывался, но он не желал больше ничего слышать.

Понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки, но тут сотовый зазвонил вновь. Ищейки, наблюдающие за Розой. А там что стряслось?

– Да?

– Тут возле ее машины подозрительный тип крутился. Я прогулялся. Спущены две шины.

– Будьте внимательны. Я пришлю еще людей. Страхуйте объект и будьте готовы вмешаться.

Закончив разговор, посидел, взвешивая, и все же набрал номер. Не думал, что придется светить свою команду, но задействовать людей Савицкого хотелось еще меньше.

Решая насущные вопросы, Богдан настолько ушел с головой в дела, что, когда раздался звонок, даже не сразу понял, о чем речь.

– Ее чуть не похитили.

– Кого?

– Врачиху.

– Где она?

– Во второй машине, что вы прислали.

– Не отпускайте ее! Я выезжаю.

И сорвался с места.

Глава 14

Я подъехала на работу на своей малышке. Я. Приехала. Сама! Сложно было описать чувства, которые испытывала. Руки подрагивали, ноги тоже, на лбу испарина, как после тяжелой операции, но все компенсировалось ликованием в душе. Я это сделала! Мне удалось! Скалолазы, покорившие Эверест, были никем по сравнению со мной в этот момент триумфа.

Положа руку на сердце, честно скажу: вначале струхнула и пожалела, что отпустила братца. Но позвонила Юлька, которая хотела провести с Максом выходной, и у него нарисовались планы. Масло в огонь моей решимости подлил Костик. Когда ехали домой, этот гад позвонил мне. Мы стояли на светофоре, и я сдуру ответила.

– Стерва! Как ты это сделала? – с ходу заорал бывший.

– Забыла разрешения у тебя спросить.

Почему-то первой мыслью было, что он беснуется из-за того, что я за руль села.

В ответ полился такой поток ругательств, что у меня просто челюсть банально отвисла. Никогда не замечала за Костиком тягу к ненормативной лексике. Наоборот, он всеми силами культивировал у себя манеры, не распекал крепкими словами подчиненных, а тут такая брань, что портовые грузчики отдыхают. Отбросила от себя трубку, как ядовитую змею. Я была настолько удивлена, что даже не сразу среагировала на зеленый.

Сзади возмущенно стали сигналить. Да пошли они все, козлы! Я показала «фак» нетерпеливым и лишь потом резко стартанула.

– Что это было?! – хохотнул братец, с удивлением глядя на меня. В руках он крутил пойманный телефон. На экране высветилось фото Костика. Видимо, еще не все сказал.

– Ответить?

– Пошли его в жопу.

– Сука-а-а! – разнеслось на весь салон. – Фригидная, злобная сучка! Как ты это сделала?!

– Слышь, урод, еще одно слово, и я тебе яйца оторву! – рявкнул Макс. – Забудь этот номер!

Он сбросил звонок и посмотрел на меня. Я показала ему большой палец. Блин, как же хорошо, что у меня есть брат! Пусть и младший, но уже такой лоб вымахал, выше меня. Безумно приятно, что за меня порвет любого.

– Что это с ним?

– А фиг его знает. Я так и не поняла сути претензий.

Кто знает, что у Костика там стряслось? Может, не встало в постели с новой любовницей, а я виновата. Или из-за Стаса бесится.

– Хочешь, я с ним поговорю? С тобой на работу поехать?

– Нет, все в порядке. К тому же сегодня выходной, его не будет.

Мы уже подъезжали к дому, и я спросила:

– Может, тебя к Юльке подвезти?

– Крутая? – подмигнул мне Макс и улыбнулся. – Предпочитаю на своем транспорте.

Вот же обормот! Просто он много раз предлагал меня подвезти, а я отнекивалась, говоря, что предпочитаю общественный транспорт.

На работе я появилась в приподнятом настроении. Сегодня явно мой день! Но больше всего порадовало, что Морено пришел в себя. Пусть ненадолго, но вышел из комы, а это прогресс. Даже для меня сюрприз! Ему удалось опередить мои самые радужные прогнозы. От радости захотелось тут же сообщить Богдану, но, вспомнив, как мы расстались, отказалась от этой идеи. На душе до сих пор было гадко от его попытки меня подкупить. Нет, он реально думал, что я буду спать с ним ради того, чтобы он устроил мою карьеру?

Но вот что мы творили ночью... От воспоминаний сладко сжималось все внутри. Он как будто разбудил меня после долгой спячки. Раньше я как-то не замечала, что секс с Костиком превратился в обыденность. Я давно уже с ним не горела, а тихо тлела. С Богданом же был фейерверк. Понять не могла, как так получалось, что даже не думая ни о чем таком, мгновенно вспыхивала от первого же прикосновения.

Не-не-не! Еще не хватало подсесть на Богдана, как на наркотик. У него невеста маячит в ближайшем будущем, пусть с ней позы Камасутры отрабатывает. Не хочу обжигаться. Он уедет, а мне что останется? Одинокими ночами подушку кусать от тоски? Поэтому включаем голову, и больше ни-ни.

Как нельзя кстати позвонил Михаил.

– Привет! Не отвлекаю? Можешь говорить?

– Привет! Для тебя найдется минутка, – с улыбкой ответила я. Прозвучало настолько кокетливо, что впору подивиться, откуда только это во мне. Кажется, Михаил и сам обалдел от моей игривости, но был приятно удивлен.

– Как ты смотришь на то, если я тебя похищу и утащу в какое-нибудь славное место, где накормлю вкусным ужином?

– Я на работе.

– Уговорила. Не будем ущемлять твоих пациентов, все же больные люди. Согласен подождать, когда ты закончишь, но с тебя поцелуй.

– Миша, это наглый шантаж!

В ординаторскую зашла медсестра Наталья и бросила в мою сторону любопытный взгляд.

– Да, но ты врач и должна думать о своих пациентах. Помни о клятве Гиппократ.

Я рассмеялась, его наглость и самоуверенность пришлись по душе. Наталья что-то искала среди бумаг, косясь на меня. Ох, чувствую, скоро начнут шептаться о моем новом романе, но я не против.

– Да, клятва обязывает... – как бы раздумывая, произнесла я.

– Вот-вот. Готовься! Вечером я за тобой заеду.

– Миш, я на машине, – вспомнила я.

– Все равно заеду. Можем поехать на моей.

– Давай лучше в твоём сопровождении.

– Ладно, но с тебя еще поцелуй.

– Миша! – возмущенно воскликнула я.

– До вечера, – бросил наглец и отключился, не принимая возражений.

Но, если честно, отказываться не хотелось. Его напористость импонировала, и я собиралась отдать ему все приписанные мне долги, надеясь получить подтверждение, что вовсе не Богдан особенный, а я такая... эм-м... заводная. И с другим мужчиной мне будет не хуже, чем с ним.

«По крайней мере, у Михаила нет невесты, и он не улетит в ближайшем времени на другой конец света», – сказала себе. Я не соврала Максиму и действительно решила закрутить новый роман. Все лучше, чем злиться на себя, что столько лет потратила на какого-то козла.

Я хотела вычеркнуть Костика из своей жизни. Жаль, что у этого гада были другие планы, и так просто оставить меня в покое он не собирался.

И Костику все же удалось испортить мне настроение. Началось все с того, что наши зашевелились, переговариваясь между собой, что заведующий отделением приперся зачем-то в выходной на работу, а потом он вызвал меня.

Кресло секретарши пустовало – отдыхает, как все нормальные люди, не то что ее неугомонный начальник. Миновав приемную, я зашла без стука в кабинет.

Взъерошенный Костя был на себя не похож. Обычно спокойный, уравновешенный, культивирующий в себе этакую вальяжность большого

начальника, а сейчас... Легкая щетина придавала ему несколько неряшливый вид. Или одежда? Чуть мятая, как будто он первое попавшееся под руку натянул...

– Как ты это сделала?!

Увидев меня, он, как разъяренный бык, вскочил с места, упершись руками в стол. Из носа и ушей едва пар не валит.

– Ты о чем?

– Не нужно изображать невинность! Вот уж не подозревал, насколько ты мстительная, злобная сучка.

– Выражения выбирай! – оцетинилась я. – Я, например, не знала, что ты кобель, но ведь носом тебя в это не тыкаю при каждом удобном случае.

– Я тебя засужу! Ты заплатишься!

– Ты охренел? Что случилось?

– Я только не понимаю, когда ты успела? – Не отвечая, он обошел стол и устремился ко мне. – Говори! – навис надо мной. – Откуда пароль от сейфа узнала?

– Ты больной? Какой сейф? О чем ты?

– Вот только не надо прикидываться невинной овцой! Если ты мне все не вернешь, я же тебя уничтожу, раздавлю. Ты у меня с волчьим билетом из больницы вылетишь! Тебе даже полы драить не разрешат.

– Перестань брызгать слюной и толком скажи, что произошло! – обозлившись в ответ, потребовала я.

– Диссертация. Ничего не осталось. Ни распечаток, ни на флешках, ни на компьютере, даже в сейфе документов нет. На работе тоже папка с компьютера исчезла.

– О-о-о-у... – У меня округлились глаза. – А я здесь при чем? Стоп, – наконец до меня дошло. – Ты считаешь, что это я?

– А кто еще?

– Больной? Я тебе ключи от квартиры еще в самом начале вернула. Пароль от сейфа я не знаю, ты его сам всегда открывал и не при мне. И скажи на милость, когда бы я это сделала? Они когда пропали?

– Вчера. Не знаю. Сегодня днем я обнаружил пропажу. – Костик сверлил меня недоверчивым взглядом.

– Вчера я была дома, видеокамера с моего подъезда это подтвердит, а в ресторане – у тебя на глазах. Ночью и сегодня у меня алиби. В твой кабинет сюда я зашла только сейчас. Ты у наших спрашивал? Кто здесь был?

– Приходил вчера ремонтник телефонной линии, – буквально выплюнул бывший и с ненавистью уставился на меня. – Я знаю, это ты! Больше никому.

– Знаешь что, – окрысилась я, – не сравнивай меня с собой. Мне больше делать нечего, как в твоём кабинете и квартире шарить. Хочешь вызывать полицию – вперед! У меня алиби, в кабинет к тебе я не заходила, и друзей-взломщиков у меня нет. А вот я на тебя тогда напишу заявление за незаконное проникновение и порчу имущества! На ноутбуке остались следы твоих ботинок.

– Мне плевать! Ты все восстановишь! – сверкая глазами, больно схватил за руку Костик.

– Хрен тебе! – вырвалась из захвата.

– Хорошо подумала? Я же тебе житья не дам.

– Да пошел ты!

Все, мое терпение лопнуло. Чтобы я еще этого козла дальше терпела? Я рванула к столу и, схватив чистый лист, написала заявление об увольнении.

– Подавись!

– Думаешь, не подпишу?

– Сделай одолжение – подпиши.

И я вышла из кабинета, хлопнув дверью.

После разговора с Костиком меня потряхивало. Это был край. Нет, как он посмел вообще разговаривать со мной в таком тоне? «Ты все восстановишь!» Ага, три раза! Нашел себе личную рабыню. Козел!

Заявление я написала на эмоциях, и пусть мысленно обдумывала свой уход из больницы, сейчас к этому шагу была не совсем готова. Но Костик поставил меня в такое положение, что нет другого выхода. Я знала, каким он может быть въедливым, при желании найдет, во что ткнуть носом. Работал у нас один хирург, уже не помню, чьего протеже подсунули нашему главному, и тот определил его к нам. Так Костик почувствовал угрозу своему теплему месту и создал такие невыносимые условия работы, что хирург перевелся в другое отделение. Вот и мне не хотелось стать девочкой для битья на каждой планерке.

Но как же трудно расставаться с работой, которой жила столько лет! В душе все переворачивалось. Однако пришедшее вскоре на сотовый СМС от Костика не оставило сомнений.

«Заявление я подписал. Если не одумаешься, завтра на работу можешь не приходить».

Урод! Иных слов не было. Одумаюсь?! Да хрен ему! Злость придала решимости. Что ж, значит, так тому и быть. Я еще раз прошла по всем

своим пациентам, подбивая дела и оставляя в историях комментарии.

Чтобы никому ничего лишнего не объяснять, вещи собирать не стала. Заберу, когда приду за трудовой. Уходила с работы с тяжелым сердцем. Настроение на нуле, но когда позвонил Миша и сказал, что ждет, постаралась ответить бодро. Правда, обмануть его получилось ненадолго. Он стоял у входа, и, когда преподнес мне розу, я лишь вымученно улыбнулась.

– Что стряслось?

– Не хочу об этом, – мотнула головой я.

Если по-хорошему, то мне было уже не до свиданий, и если бы за всеми делами я не забыла о нашей договоренности на вечер, то отменила бы встречу. Но Михаил приехал, и отказаться от ужина не позволила совесть. К тому же что мне делать дома? Сидеть и переживать увольнение? Уж лучше провести время в приятной компании.

Я взяла Мишу под руку, и мы неспешно пошли к стоянке.

– Поехали на моей? – предложил он, когда мы подошли к моей малышке.

– Нет, иначе у меня будет искушение напиться, и уже за руль не сяду, – честно призналась я.

– Так оставь здесь. Потом заберешь, я тебя отвезу.

Вся проблема заключалась в том, что я не знала, когда теперь появлюсь в родной больнице. Костик ясно дал понять, что завтра видеть меня не желает, и светиться возле работы не хотелось.

– Нет, давай все же я на своей за тобой, – отказалась я.

– По правилам хорошего тона дамы вперед, но мне будет безумно приятно, что за мной следуешь ты, – ввернул он.

Я улыбнулась и щелкнула сигнализацией. Открыла дверцу, и тут за мной притормозило темное авто, видимо, желающее припарковаться на мое место. Со стороны пассажира опустилось стекло, и сидящий мужчина крикнул мне:

– Эй, у вас шины спущены!

– Где?

Захлопнув дверцу, я посмотрела назад. Действительно. Заднее колесо. Да что за день такой?! Пассажир вышел и хмыкнул:

– И второе тоже.

Я стала обходить машину, когда вернулся Миша.

– Что случилось? – Он двигался ко мне с другой стороны.

– Да вот, колеса.

Я оторвала взгляд от спущенных шин, когда увидела, что на него

замахнулся какой-то мужик.

– Миша, сзади! – успела крикнуть я, когда меня саму схватили и приложили тряпку к лицу.

Все случилось очень быстро. Я задергалась в захвате, стараясь не дышать. Миша уклонился, и удар пришелся вскользь. Он ответил. Краем глаза увидела, как машина, припаркованная сбоку, резко выехала и затормозила, перекрывая дорогу. Крик кинувшегося к нам прохожего:

– Вы что творите!

Меня неожиданно отпустили. Нападавший юркнул в машину, и она дала задний ход, зацепив припаркованный автомобиль. Несмотря на это, они развернулись, и уехали.

– Вы в порядке? – с легким иностранным акцентом спросил водитель, выскочивший из перекрывшего проезд авто. В этот момент прохожий заломил руку нападавшему на Мишу. Сам Михаил бросился ко мне.

– Роза, ты как?

– Не знаю.

На тряпке, похоже, был хлороформ, и чувствовала я себя как пьяная, в голове мутилось.

– У тебя кровь. – Я дотронулась до его рассеченной скулы.

– Ерунда, – отмахнулся Миша. – Черт, они разбили мою машину!

– Помощь нужна? – Акцент у водителя усилился и напоминал французский.

– Вы номер не запомнили? – спросила я.

– Нет. В грязи, – покачал он головой.

– А где второй нападавший? – опомнилась я, но ни его, ни прохожего было не видно. Как сквозь землю провалились.

Иностранец сел в машину, и она отъехала с дороги, опять паркуясь, мы же с Мишей пошли к его авто. Зад ему хорошо припечатали. Вызвали ГИБДД и сели ждать в машину, переваривая случившееся.

Странно, но первым приехал Богдан.

Глава 15

– Роза, пойдём, я провожу тебя, – настаивал Михаил.

– Сиди, вдруг ДПС приедет, и тебе ещё побег с места аварии впаяют. Нормально я, видишь, воздухом дышу, – отказалась я от очередного предложения Миши отправиться к врачу.

Сидела, высунув нос в открытое окно. Тут только свежий воздух и сладкий чай помогут, а показываться нашим – плодить сплетни и пересуды. Хватит с них того, что уволилась внезапно. Чувствовала я себя неважно, вяло, но усиленно боролась со слабостью.

Мы уже обсудили нападение и сошлись на том, что похитить пытались его, а меня прихватить заодно. Кому я нужна? А вот он сын крупного бизнесмена. Только зачем было у моей машины колеса спускать?

Я как-то план преступников плохо понимала. Миша уже позвонил отцу и сообщил о нападении, тот приказал оставаться на месте и ждать охрану. Да уж, бурное у нас свидание получилось, но хоть все обошлось, и мы относительно целы.

И тут перед моим носом возникло лицо наклонившегося Богдана.

– Ты как?

Я даже моргнула от удивления, посчитав, что он мне чудится.

– Ты откуда здесь?! – вытаращилась на него.

– Мои люди дежурят у больницы и в больнице, охраняют Кристофа. Они видели нападение и вмешались. И мне позвонили.

– Так это они дорогу перекрыли? – Я сразу подумала про иностранца. Действительно, обычный интурист вряд ли бы вмешивался в местные разборки.

– Выходи, я тебя домой отвезу.

Не давая мне ответить, он открыл дверцу и достал меня из авто.

– Роза, ты его знаешь? – Миша тоже вышел из машины.

– Да, это друг.

«Близкий. Ага! Тебе лучше не знать, насколько», – съехидничал внутренний голос.

– Вы полицию вызывали? – спросил Богдан.

– Нет, сами разберемся, – ответил Михаил.

– Отлично. Тогда поехали, Роза, тебе нечего тут делать. Посмотри на себя, совсем зеленая. Я своих людей тоже отпущу, пусть отдыхают.

Миша с неудовольствием смотрел на Богдана, но, переведя взгляд на

меня, вынужден был признать, что мне лучше домой.

– Роза, поезжай, – согласился он. – Позвони, как доберешься.

– Моя машина... – Только сейчас я спохватилась, что нужно было не без толку сидеть, а вызвать эвакуатор.

– Я все решу, – потянул меня Богдан.

– Я оплачу! – заявил Миша, но мой сопровождающий даже ухом не повел. Усадив на пассажирское сиденье своей машины, он сам пристегнул меня. Захлопнув дверь, подошел к черному «БМВ» и заговорил о чем-то с водителем.

К моему окну подошел Миша, и я опустила стекло.

– Извини, что все так получилось. С меня ужин, если ты не передумала со мной связываться, – покаянно произнес он.

– Не дождешься. Я выберу самый дорогой ресторан и разорю тебя.

«БМВ» уехал, а Богдан еще куда-то пошел, наградив нашу парочку недовольным взглядом. Подошел к тонированному внедорожнику, стоящему вдалеке. Да сколько у него здесь людей?!

– Ты ему доверяешь? Может, я лучше такси вызову? Черт, почему сам об этом не подумал! – расстроено поморщился Михаил.

– Все в порядке. Я его друга оперировала.

– Бандит?

– Нет, бизнесмен.

Краем глаза я отметила, что внедорожник плавно уезжает, а Богдан идет обратно. Он сел на водительское место, бросив какой-то сверток назад, и нажал кнопку поднятия стекол.

– Я позвоню! – успела пообещать Михаилу, и мы уехали.

Проезжая мимо моей машины, увидела так и валяющуюся на асфальте розу, выпавшую из рук, когда на меня напали. Стало жаль испорченного свидания, но своей цели я достигла – переживания об увольнении как-то отошли на задний план.

В машине было душно.

– Богдан, открой окно!

– Чем тебя? Тебе плохо? – Не споря, он опустил стекло, и в салон хлынул холодный, бодрящий воздух.

– Хлороформ. Сладкий чай не помешал бы сейчас.

Меня поразило, что Богдан не задал ни одного вопроса ни о нападении, ни о Михаиле, но без лишних просьб с моей стороны припарковался у ближайшего кафе, выскочил и вернулся со стаканчиком крепкого сладкого чая.

На данный момент я была не самым лучшим собеседником и тихо

потягивала горячий сладкий чай, заодно грея озябшие руки. Окно немного приподняла, но полностью не закрыла.

В молчании мы ехали к моему дому. Благодаря чаю и свежему воздуху понемногу легчало и стало отпускать. Вот тут мне пришло в голову, что прокол шин мог и Костик организовать. После всего сделанного им я бы не удивилась. Ведь машину мою он знает, а бандиты воспользовались этим предлогом, чтобы схватить нас с Максом.

Мысли от бывшего перескочили к Морено, и я сказала:

– Кристоф сегодня приходил в себя. Вышел из комы.

Богдан прореагировал сдержанно:

– Скажешь, когда его можно будет перевозить.

– Уже не скажу, я уволилась сегодня.

– Хорошо.

– Хорошо?! – удивилась я. Ни тебе сожаления для приличия, ни хотя бы успокоения, что я себе и лучше место найду, ни даже долбаного удивления. Чурбан бесчувственный!

– Да. Было понятно, что твой начальник работать спокойно тебе не даст. Не переживай, пока не до него, но я скоро уберу его из больницы потихому. Мне он и самому не нравится, скользкий тип.

От такой самоуверенности я только рот раскрыла. Хотела ответить что-то насмешливое, но, чуть подумав, прикусила язык. Кто его знает, может, и правда уберет.

Главный меня без проблем обратно возьмет, и буду работать по-прежнему, только без козла Костика. От таких мыслей я даже приободрилась и воспрянула духом.

Когда мы приехали, геройствовать не стала и помощь Богдана в том, чтобы дойти до квартиры, приняла спокойно.

– Подожди! – остановил он меня, когда уже достала у двери квартиры ключи.

Наклонился к замку, а потом и вовсе достал телефон, подсвечивая себе фонариком.

– Замок пытались вскрыть. Остались царапины. Дай ключи.

Точно Костик! Я укрепилась в своих подозрениях насчет бывшего. Наверное, прискакал ко мне опять квартиру обыскивать, а тут с новым замком облом. Отдала ключи Богдану, и он первый зашел, включая везде свет. Пока он осматривал квартиру, я набрала Мишу.

– Я дома. Ты как?

– Приехала ДПС, оформляем.

– Не буду отвлекать. Удачи!

– Подожди. Сама как?

– Лучше. Все нормально уже, – успокоила его и отключилась.

Из моей комнаты вышел Богдан и окинул пронзительным взглядом. Что? Не нравится, что с Мишей общаюсь? Так своей невесте претензии предъявлять будешь!

– Собирай вещи. Я тебя здесь не оставляю, – вместо претензий властно произнес он.

О нет! Мы это уже проходили. Спасибо, не надо.

– Я никуда не поеду.

– Роза, у меня нет сил с тобой спорить. Или собирай вещи, или я тебя прямо так унесу в машину.

Я внимательно пригляделась к Богдану, заметив только сейчас, что выглядит он вымотанным. В душе шевельнулось сочувствие. А еще я только теперь задалась вопросом: а почему он вообще примчался в больницу? Ну сказали ему о нападении, но ведь все же в порядке. Мог бы просто позвонить.

– Тоже тяжелый день? – сбавила обороты я.

– Не то слово. Еще отец в больницу попал, – неожиданно ответил он.

– Что с ним? Летишь к нему?

При мысли, что он скоро улетает, в груди что-то сжалось.

– Не могу, здесь дела. Нормально с ним уже все, но заставил поволноваться.

Такое признание сделало его более человечным, что ли. За вечной маской сдержанности и самоконтроля позволило увидеть живого человека. Оказывается, и он может волноваться и переживать.

– Роза, поживешь у меня, пока я со всем разберусь. Не спорь.

– Да? И что я брату скажу?

– Правду. Или что уволилась и уехала в дом отдыха, за город, отвлечься от всего.

Эм-м... Второй вариант мне понравился как-то больше. Макс не поймет, если узнает, что я опять с Богданом связалась.

«А я собираюсь это делать?» – спросила себя. Глядя на него, я колебалась. Богдан выглядел решительно настроенным, а я чувствовала себя слишком опустошенной, чтобы спорить и выставлять его из квартиры. Идея переночевать у него уже не казалась такой безумной. Дома никого, Макс, наверное, опять у Юльки своей остался. А может, знает уже, что я с Михаилом собиралась встретиться, и умотал, освобождая мне квартиру. Сводня!

Звонить брату и просить приехать не хотелось, чтобышний раз не

волновать, а вот оставаться одной после нападения тоже желания как-то не было, меня еще немного потряхивало.

– Хорошо, сделай мне пока еще чай, – сдалась я.

– Возьми вещей на несколько дней, – посоветовал Богдан и скрылся на кухне.

На миг у меня возникло бунтарское желание просто тихонечко уйти из собственной квартиры. Не знаю даже куда... Но я выдохнула и пошла собирать вещи. Хватит с меня уже на сегодня приключений. С Богдана станется догнать и уже без всяких проволочек запихнуть к себе в машину. Лучше я сама, с вещами.

Несколько дней так несколько дней. Не факт, что я на столько у него задержусь, но лучше взять больше, чем испытывать в чем-то недостаток. Поэтому я распотрошила свой гардероб, решая, что беру с собой. Собиралась, как в полноценный отпуск. Даже купальник отложила, рассчитывая поплавать в бассейне. Не бикини, конечно, но вполне приличный.

В дорожную сумку все вещи и косметика, понятное дело, не влезли бы. Чемодан для отдыха у меня большой, и тут взгляд упал на оставленный матерью.

– Чай готов, – заглянул Богдан, и глаза его округлились, когда увидел разложенные по всей комнате вещи. – Если бы не видел комнату раньше, решил бы, что здесь опять кто-то порезвился.

– Ты не представляешь, что бывает, когда я на море собираюсь, – ответила я и достала чемодан матери. Открыв его, запихнула ее вещи к себе на полку, а свои стала складывать в него. Богдан не уходил, крутился заинтересованно рядом. Даже нос в гардероб сунул, разглядывая, что висит у меня на плечиках и что я беру с собой.

Например, спортивный костюм и кроссовки он проводил удивленным взглядом.

– У тебя большой участок. Возможно, захочу прогуляться или пробежаться, – прокомментировала я.

– Если тебе нужны физические нагрузки, я их обеспечу.

– Богдан! – сразу оцетинилась я. Если он думает, что я собираюсь повторять с ним тот сексуальный марафон, то глубоко ошибается!

– Что? – сделал он невинное лицо. – Внизу есть тренажерный зал. Он в твоём распоряжении. А ты что подумала?

Убью гада!

Злость заставила ускориться, и остальные вещи я запихала в чемодан в темпе. Несмотря на то что я собралась, Богдан не сдвинулся, пока не

заставил меня выпить чашку чая, лишь после этого мы поехали. Чемодан он у меня отобрал, загрузил в багажник. Уже сев, потянулся на заднее сиденье.

– Чуть не забыл. Держи, – и бросил мне на колени бумажный пакет.

– Что это? – с любопытством спросила я, ощупывая пакет.

– Бумаги по диссертации и флешка со всей электронной информацией по ней, – ответил Богдан, вырываясь со двора.

А у меня пропал дар речи. Я реально онемела, в шоке думая о том, что Костик был прав и я таки причастна. Так, значит, меня из-за Богдана уволили? Вначале вспыхнула злость, но почти сразу я поняла, что сама виновата. Он же спрашивал, хочу ли я, чтобы у Костики все документы исчезли, и я сказала «да». За язык никто не тянул. Некоторое время я просто переваривала это в себе, а потом в голову полезли вопросы.

Но как можно было все подчистить?! На работе, дома, в сейфе... Да кто вообще Богдан такой?!

– Как?! Богдан, ты секретный агент? – на полном серьезе спросила у него.

– Хуже, – как-то хищно улыбнулся он, и у меня мороз пошел по коже.

Сразу вспомнилось, что я даже записку брату не оставила, планируя утром позвонить и сообщить уже по факту, что уехала. Никто не знает, где я есть. Может, вообще стоило завещание написать?

– Сейчас ты заявишь, что не можешь сказать больше, иначе после этого придется меня убить? – пискнула я, всерьез подумывая открыть дверцу и выпрыгнуть на дорогу, пока мы еще в городе. Богдан бросил на меня удивленный взгляд.

– Роза, у нас международный благотворительный фонд, с хорошей службой безопасности. Знаешь, сколько мошенников пытается воспользоваться нашими деньгами? – как ребенку, объяснил он.

– Фух! А я уже решила, что ты как Джеймс Бонд, под прикрытием.

– Неужели похож?

– Дай подумать. Красив, сексуален, богат, вращаешься в высшем обществе и по делам фонда летаешь по всему миру. Почему нет?

– Сексуален, значит, – усмехнулся Богдан.

– Нет, недостатки тоже есть. Слух избирательный, характер не сахар, до сих пор не самостоятельный, даже невесту родители выбирают, – поспешила спустить его на землю, чтобы не задавался.

– Нет у меня невесты! – рыкнул Богдан.

– Вижу, со всем остальным ты согласен, – пряча улыбку, ответила я. Мне безумно нравилось его дразнить.

Пакет на коленях ощущался как гиря. Что мне делать с ним? Даже вспоминать не хотелось, сколько сил и времени я на это убила, а теперь все потеряло значение. Макулатура. Костику вернуть? Перетопчется! Когда мы выехали за город, попросила Богдана притормозить и выбросила пакет в придорожную канаву. Ни капли не жалко. Наоборот, почувствовала облегчение.

Что понравилось, Богдан никак не прокомментировал мое решение. Но и удивленным не выглядел. А вот я после этого всю дорогу была задумчивая. Слова о службе безопасности фонда вопросов не убавили. Они же не просто пробили информацию по Костику, а профессионально изъяли все материалы по диссертации даже из сейфа. А это совсем другой уровень, ближе к промышленному шпионажу.

Непрост Богдан, ох как непрост! И стреляли в него здесь. Не зря же он так за Морено переживает, тот его от пуль закрыл. Но, с другой стороны, мне за него не замуж выходить. Можно несколько дней погостить, сменить обстановку и нервы успокоить. Да, я не знаю, насколько вот такие покушения для него обыденны и не подвергаю ли я себя риску в его обществе, но жизнь вообще непредсказуемая и опасная штука. Вон меня даже с Мишей чуть не похитили.

В дом к Богдану я заходила в смешанных чувствах. Не предполагала, что еще сюда вернусь.

– Чего-нибудь хочешь? – как любезный хозяин спросил он.

– У тебя что-нибудь покушать есть?

Усталость усталостью, но желудок настойчиво напоминал о том, что последний раз ела я утром. Ага, блины с Богданом, и то он испортил мне аппетит. На работе после разговора с Костиком было не до того, а ужин с Мишей отменился.

– Пойдем переоденемся и что-нибудь сообразим, – ответил Богдан, поднимая мой чемодан наверх. Мне не оставалось ничего иного, как следовать за ним. – Где бы ты хотела остановиться? – нейтральным тоном поинтересовался у меня.

Так и подмывало похулиганить и сказать, что его комната подойдет. Или он этого ответа и ждал? Богдана не поймешь. Но я планировала быть благоразумной и держать дистанцию.

– Там, где и раньше.

Богдан метнул в меня искоса взгляд, но тут у него зазвонил телефон, и он без споров оставил мой чемодан у двери и пошел к себе, отвечая на итальянском. Полиглот, блин!

Я быстро переделась и спустилась на кухню. Богдана поблизости не

наблюдалось, и пришлось самой шарить по холодильнику в поисках съестного. Лотки с едой из ресторана доверия не вызывали. Кто его знает, свежие они или уже давно пылятся. Поэтому занялась приготовлением ужина сама. Сильно не мудрила. Бросила вариться картофель, достала два стейка и, пока они жарились, нарезала салат.

Ужин был готов, а хозяин дома все еще не спустился. Первым порывом было пойти к нему и позвать поесть, но потом сама себе сказала: «Ша!» Он взрослый мальчик, а я не его пассия, чтобы бегать за ним и на совместный ужин при свечах приглашать. Поэтому тихо поела сама прямо за барной стойкой на кухне, помыла за собой посуду, а его порцию сервировала. Захочет, разогреет и поест, если дела задержат надолго. Помня прошлый раз, захватила себе бутылочку воды и пошла наверх. Перед сном приняла душ, а когда вышла, услышала, что Богдан уже внизу. Спустился наконец.

«Наши графики не совпадают», – усмехнулась про себя и направилась в постель. Бродить по дому в поисках приключений на свою попу или, как в прошлый раз, плавать в бассейне не было ни сил, не желания. Спать, только спать! После насыщенного дня организм поддерживал хозяйку, и вырубилась я практически мгновенно.

Ночью меня самым наглým образом потеснили в постели. Кажется, кто-то не раздумывал, прилично или нет врваться в чужую комнату. Я спала на боку, и Богдан пристроился сзади, обнимая и притягивая к себе.

– Спасибо за ужин.

– Угу. С тебя завтрак, – полусонно пробормотала в ответ. Пусть помнит, что я у него в гостях, а не приехала роль домработницы на себя примерить.

Нет, может, Богдан и планировал со мной расплатиться, но сонную меня не интересовала его натура. Хочет спать рядом? Пусть спит.

И я опять уплыла в объятия Морфея.

Глава 16

– Роза.

– У меня дежавю, – пробормотала я, увидев над собой полностью одетого Богдана.

– Просыпайся. Мне пора ехать, я покажу, как поставить участок и дом под охрану. И... завтрак с кофе ждет тебя внизу.

– А почему не в постель? – вредничала я, тяня время и не желая вылезать из кровати.

– Чтобы заманить тебя вниз, – откровенно признался Богдан. – Ты так сладко спишь, что даже я встал позже обычного.

– Что ты хочешь, я безработный человек с чистой совестью, – зевнула я и все же заставила себя сесть на кровати. – Брр, – поежилась.

Ночью оставила окно открытым на проветривание, и сейчас в комнате было довольно свежо. Понятливый Богдан пошел его закрыть, а я стянула за собой одеяло и встала, кутаясь в него.

– Кстати, дай мне ключи и документы от своей машины. – Он обернулся и замер, разглядывая меня.

– Угу.

«А еще ключи от квартиры, где деньги лежат», – ворчливо добавила про себя, но прошлепала к сумочке.

– Держи, – протянула требуемое. Становиться в позу и говорить, что сама все решу, не стала. Я же его ни о чем не просила. А если хочет помочь, незачем человеку мешать.

– Идем. – Богдан с улыбкой взял документы, наблюдая, как я пытаюсь держать глаза открытыми. Оба сразу не получалось, и я открывала то один, то другой.

Стоило выйти за ним в коридор, как я оказалась схвачена вместе с одеялом и перекинута через плечо. Он нормальный?!

– Богдан!!! – вскрикнула я, боясь упасть.

Когда он дошел до лестницы, я вообще дышать перестала, опасаясь навернуться. Что сказать, своей дурацкой выходкой он добился того, что я окончательно проснулась и даже смогла вникнуть в систему охраны дома и повторить нужные манипуляции.

– А теперь на кухню.

– Я сама! – и дернулась от него, улепетывая в нужном направлении, едва не теряя одеяло. Перемещаться вниз головой мне не очень

понравилось.

На кухню влетела на всех парах, оглянулась и увидела неспешно шагающего и веселящегося Богдана, даже не думающего меня догонять. Вот же гад! Расправила плечи и уже с элегантностью королевы прошествовала к дожидаящейся меня чашке кофе и завтраку. Чем меня там кормят? М-м-м, омлет с помидорами, сыром и зеленью. Красота!

Прислонившись к столу, взяла чашку и отпила кофе, наблюдая за приближающимся Богданом.

– Захочешь выйти погулять во двор, не забудь отключить сигнализацию, – дал он последнее ЦУ. – Если что, за воротами будет дежурить охрана.

– Охрана? – удивилась я.

– На всякий случай. Не забыла, что тебя вчера чуть не похитили?

– Так это же Мишу хотели...

– Вот и держись от него подальше! – резковато посоветовал Богдан.

Вот это да! Кажется, кто-то ревнует? Пряча усмешку, отпила из чашки.

– Если что – звони, без предупреждения никуда не срывайся. А так дом в твоём полном распоряжении, – закончил он уже спокойным тоном.

– Полном? Значит, можно приглашать накачанных стриптизеров? – невинно поинтересовалась я.

– Их завернут еще на подъезде к дому. – Богдан шагнул вплотную ко мне и мягко забрал из рук чашку. – А если хочешь мужской стриптиз – вечером его получишь.

Не дав усомниться в его умениях, накрыл губы поцелуем.

* * *

«Ну не дура ли я?» – спрашивала себя, ковыряя вилкой в тарелке. Дала себе слово держаться от него подальше, а теперь пускаю слюни, представляя Богдана, медленно снимающего одежду под музыку. Обещание стриптиза раззадорило. Вряд ли в реальности будет происходить все так, как я придумала, но разыгравшееся воображение – такая зараза, что я завелась.

Вообще-то я никак не могла отойти после наших прощальных поцелуев, но себя убеждала, что дело не в моей реакции на этого конкретного мужчину, а лишь в богатой фантазии.

– Так, Шумилина, иди-ка ты спать! – сказала себе.

Огромный дом давил своей пустотой, как будто после того, как

лишился сильной энергетике Богдана, вновь погрузился в спячку. С исчезновением раздражителя в лице хозяина дома у меня тоже кончился заряд бодрости, и я отчаянно зевала, несмотря на выпитый кофе. Подхватив одеяло, оставила недоеденный завтрак до лучших времен и побрела наверх.

Но едва задремала, позвонил наш главный.

– Шуმიлина, у тебя совесть есть?

– Петр Сергеевич... – Спросонья я никак не могла сообразить, за что он меня так. Наверное, заявление уже на стол принесли...

– Ну сманили тебя в другую клинику, но могла ты по-человечески уйти?

– Петр Сергеевич, никто меня не сманивал.

– Вот не надо...

– Не знаю, кто и что вам напел.

Вернее, прекрасно понимаю, кто это мог быть, – но на данный момент я безработная и пока не знаю, куда идти.

– Тогда что это за выходки?

– Петр Сергеевич, не могу больше. Сил моих нет.

Я очень сомневалась, чтобы главному не донесли о наших разногласиях с Костиком, и тот действительно меня понял с полуслова.

– Так, Шумилина, твоего заявления я не видел. Будем считать, что ты в отпуске на две недели... Нет, неделя тебе нервы успокоить! А сейчас приезжай, и поговорим.

– Не могу, я уже уехала из города.

Главный выругался.

– Ладно, отдыхай. Я посмотрю пока, что можно придумать.

– Спасибо!

– Доведете вы меня, – проворчал он и отключился.

– Й-о-ху-у-у! – издала я боевой клич индейцев и довольно потянулась.

У меня неделя, а там посмотрим, или переведут, или и правда уйду. Но, выяснив, что разрыв с родной больницей еще не окончательный, я больше не чувствовала себя выброшенной за борт.

Посмотрела на время и в приподнятом настроении набрала братца. Лучше сама предупрежу, что уехала, пока он меня не потерял. А то начнет названивать в неподходящий момент, когда некоторые, например, стриптиз танцуют.

«Так, Шумилина, вот дался тебе этот стриптиз!» – одернула себя.

– У меня нет первых пар, – раздалось в трубке сонное бормотание Макса. Вот у кого совесть чиста, дрыхнет без задних ног.

– Хорошо. – Я решила поверить и не докапываться до правды. –

Хотела предупредить, что меня не будет пару дней. Отдохну немного, взяла отпуск.

– С Михой умотали? – Макс даже проснулся от такой новости, судя по голосу.

– Нет, я сама.

– Ты с этим? – Тон его изменился на недовольный и подозрительный.

– Я одна! – рыкнула на него, злясь на догадливость, и ведь даже не соврала. Почти. Никого ведь дома нету.

– Ты где?

– За городом. В доме отдыха. Хочу отдохнуть, Костик достал, – постаралась ответить максимально правдиво. А то, что дом принадлежит Богдану, уже дело десятое, но я же в нем действительно отдыхать собралась.

– Говори название!

– Макс, чтобы ты мне Мишу прислал? – разгадала его план я.

– И что? Прекрасный момент узнать друг друга ближе, – даже не стал отпираться он.

– Так, я хочу отдохнуть, проветрить голову. В одиночестве.

К тому же очень сомнительно, что Мише сейчас до заигрываний. Его отец или дома под охраной запрет, или опять за границу отправит, пока здесь все не успокоится.

– Слушай, что случилось? Я же тебя знаю. Говори, иначе сам приеду!

– Костик достал, пришлось уволиться. Главный заявление не принял, отправил в отпуск, – изложила я весьма урезанную версию событий.

– Он не дурак такими хирургами разбрасываться!

– В общем, решила сменить обстановку. Не доставай меня сейчас.

– Ладно. Но не вздумай там ни с кем закрутить!

– Поняла. Всем скажу, что я ни-ни, пока не одобрит брат.

– Роуз!

– Люблю тебя, – быстро проговорила в трубку и отключилась. Все, теперь можно расслабиться. Алиби себе обеспечила, и пора насладиться свободой.

Было непривычно никуда не торопиться и нежиться в постели. Хорошо, что на момент ухода из больницы сложных пациентов у меня не было, не считая Морено, конечно, но и у него показатели хорошие. Если перевезти потом его к Стасу на реабилитацию, то не хуже, чем в Германии, будет. Все мои прооперированные бодро шли на поправку, а тех, кто стоял по плану, возьмут другие. Свои замечания я вчера написала, не зря над бумагами корпела.

Самое время для отдыха. Только сейчас поняла, как же я морально устала. Костик повесился бы, если б узнал, что своим увольнением сделал мне большое одолжение. Какое счастье – не видеть больше с утра его гнусную рожу! В который раз ужаснулась, как я могла быть в него влюблена столько лет? А сейчас как пелена с глаз упала.

Хорошо теперь, если переведут или уволят, с ним напрямую сталкиваться больше не буду. В любом случае пришла пора сменить обстановку и сделать паузу. Вовремя Богдан предложил пожить у него. Условия как в санатории: за окнами сосны, тишина, бассейн под боком. Кстати, я пока так и не поняла, зачем он притащил меня к себе? С чего такая забота? Как-то чересчур для беспокойства о лечащем враче друга, тем более что я уволилась, и его это известие не сильно расстроило.

Вчера мне было не до странностей в поведении Богдана, а вот сегодня задумалась. Мы не встречаемся, два раза спонтанного секса и одна совместная ночь парой нас не сделали.

Хотя себя я тоже не понимала. Почему при таком положении дел я все еще торчу у него дома, а не ищу отель для отдыха? Богдан тоже ведет себя странно. То поддерживает мой стиль общения и держится по-приятельски, но отстраненно, а то забирается ко мне в постель спать, таскает на плече и целует до умопомрачения. У меня до сих пор губы припухшие, и дружескими наши поцелуи нельзя назвать даже с большой натяжкой.

Что-то я совсем запуталась – в себе, в нем, но что знала точно: уезжать не хочется. Поэтому я перестала рефлексировать, захватила купальник и спустилась к бассейну.

Глава 17

Сколько раз Богдан замечал, что если наваливаются проблемы – то всем скопом и по всем фронтам. Так и сейчас: нуждался в помощи Хан, в Ордене царил хаос, и необходимо было удерживать контроль над людьми. Удивительно, как еще вчера его телефон не раскалится. Ситуация со здешним офисом тоже весьма печальна. Нападение на Шумилину говорит о том, что кто-то начал свою игру. И пойти на такой риск может только самоуверенный наглец – или же тот, кто находится в отчаянном положении.

Похищение Розы удалось предотвратить, и сейчас она под охраной в его доме. Пришлось обратиться в агентство Кристофа и нанять людей со стороны. Туда не сунутся, если не самоубийцы.

Богдан ждал запрошенную информацию, чтобы прояснить некоторые моменты и предпринять ответные действия. Именно это нападение показало Богдану, что его отношение к рыжей докторше давно вышло из рамок благодарности за спасение Кристофа. Впервые он поступил не как профессионал и вместо того, чтобы ловить на живца, вывел ее из-под удара, заперев в своем доме. И да, взбесился оттого, что посмели тронуть ЕГО женщину.

И ведь она ничего для этого не делала. Не соблазняла намеренно, но в то же время умудрялась лишать его внутреннего равновесия и спокойствия, не рассчитывала на помощь, но каким-то образом вынуждала попирать все инструкции в отношении владелиц вещей.

Богдану импонировало поведение Розы. Она не искала его внимания, не старалась удерживать рядом с собой или как-то использовать. Не навязывалась. Не стала вчера его тревожить и сама приготовила себе ужин, при этом позаботившись и о нем. И не лезла к нему в постель.

Заходя в ее комнату, Богдан убеждал себя, что идет просто поблагодарить, но, увидев ее сладко спящей, не захотел больше никуда идти. Он и не помнил, когда просто спал в постели с женщиной, без секса. Не настолько он и устал, чтобы отказываться от возможности получить порцию удовольствия, но события дня измотали Розу, и не хотелось ее будить.

И вот такая забота о женщине была ему совсем не свойственна. При этом Богдан понимал, что между ними не может ничего быть, кроме короткой связи. И дело даже не в невесте, брак с которой вдруг потерял для него всю привлекательность.

Роза никак не вписывалась в его жизнь. Она не будет ждать, когда ее соблаговолят навестить, ее внимание не купить дорогими подарками или счетом в банке.

И главное – оставаясь рядом, Богдан навлечет на голову рыжей проблемы. Отец не позволит ему никаких серьезных интрижек, пока сын не женится и не подарит ему внуков. Сейчас ситуация с Вацлавом обострилась.

Это раньше он не вмешивался в личную жизнь Богдана, но все изменилось. Стоит старшему Ковальскому заподозрить, что сын всерьез увлечен неподходящей женщиной, – он приложит все усилия, чтобы убрать ее. Не остановится даже перед физическим устранением, Богдан не обольщался насчет отца. Ради достижения цели он пойдет на все.

Да и нет смысла сражаться с Вацлавом. Взять в жены Розу вообще никто не позволит. Их круг не примет ее, она слишком иная, а такие, как Богдан, обязаны быть примером для подражания младшим членам Ордена.

Он знал, что отец любил мать Ирен, но с женой не развелся, и это разрушило их отношения. Женщина погибла в попытке сбежать от него, а нелегкий характер Вацлава стал после этого вообще невыносимым. Только Ирен смягчала его.

Богдан не хотел такой судьбы для Розы, да и на роль любовницы она никогда не согласится. По всему выходило, что у них нет будущего. Но и отпустить от себя ту, которой впервые за много лет удалось преодолеть его безразличие, он не желал. Все внутри противилось этому.

От невеселых размышлений отвлекла информация о совсем другой женщине – ему на компьютер перебросили видео, фотографии и копии документов. Открыв наобум первую фотографию и увидев подозреваемую в одном белье и приметных чулках, Богдан сузил глаза. Все же она причастна. Не зря поставил своего человека наблюдать за окнами ее квартиры. Даже не пришлось соваться внутрь, хорошая оптика сделала свое дело.

Ковальский пробежался по многочисленным фото. Она расхаживала по дому в чулках, иногда в лифе. Выходя на улицу, маскировала скверну одеждой, в том числе плотными колготками. Были фотографии, где она кружилась по комнате в юбке и лифе, но в юбке на улицу не выходила.

Итак, что имеем? Юбка, лиф, чулки. И не факт, что это все. В массивном украшении на шее, которое она носила не снимая, тоже могла скрываться скверна. Собраны три-четыре вещи, и все это под носом у Ордена. Из-за шести у Евы подняли всех братьев, а ее объявили чуть ли не Антихристом.

Ее любовник не мог не знать о скверне. Судя по всем косвенным уликам, именно он и добыл ей эти вещи. Но что толкнуло его на предательство всего того, чему их учили? Открыв копию медицинской карты, Богдан присвистнул. Болезнь Помпе.

Поиск в интернете показал симптомы этого редкого заболевания. Слабость мышц (в основном туловища и ног) и болевые ощущения в них. Сбои дыхания – происходит поражение диафрагмы.

Изменение походки – она становится шаткой и неустойчивой. Усталость от сильной физической нагрузки и даже от подъема по лестнице. Печень и сердце увеличиваются в размерах.

Уже не один год она проходила дорогое лечение и даже при самом лучшем раскладе не могла танцевать и петь.

Материала для приговора ей и ее любовнику более чем достаточно. Богдан понимал, что у нее слишком много вещей и одним изъятием не ограничишься. Даже если просто забрать скверну, это обречет на мучительное существование.

Следовало срочно звонить Верховному. Показательный процесс над еще одной крупной рыбкой сейчас необходим как никогда для поднятия морального духа в Ордене, но Богдан медлил. Хан рассказал ему подробности того, что происходило с Евой. И внутреннее чувство справедливости не давало обречь эту женщину на такое. Слишком высока вероятность, что показательный процесс проведут только над ней, а вот казнь ее любовника, который убивал ради скверны, будет тихой и тайной. В Ордене не любили афишировать проступки братьев высокого ранга.

С тяжелым сердцем Богдан занялся подготовкой документов к казни. Несмотря на занимаемую должность, исполнять приговоры высшей меры он не любил. Но это работа, которую необходимо кому-то делать. И лучше сделать ее здесь, чем передать дело Магистрам. После них женщина уже будет умолять о смерти.

Пытки Богдан не одобрял, предпочитая другие методы. Какой смысл ломать Хищницу и выбивать мнимое раскаяние? Под действием препаратов погрязшие в скверне и так расскажут обо всех своих грехах.

Богдан подтянул к себе портфель и достал портсигар. Он не курил. Вместо сигарет там хранился препарат, называемый «Чаша искупления». Добавлялся в любую жидкость. Под его действием человек отвечал правдиво на все вопросы – и умирал от сердечной недостаточности, если не дать вовремя противоядие.

На звонок открыли почти сразу. В подъезд он прошел вместе с жильцом, не звоня по домофону, и его появление на пороге стало для хозяйки сюрпризом.

– Богдан?! – удивилась она, явно ожидая увидеть кого-то другого.

– Здравствуйте, Эвелина.

– А откуда вы узнали...

– Адрес? От Влада Савицкого. Мы пересекались по работе. – Богдан привычно балансировал между правдой и ложью.

Один вид Эвелины привел бы в экстаз любого из Ищеек. И дело не в коротких шортах. Стройные ноги украшали чулки, а вместо топа или футболки на ней был лиф с приметным кружевом, таким же, как и на чулках. Оставалось только диву даваться ее беспечности!

– У меня к вам дело.

– Ой, что я вас на пороге держу, – спохватилась девушка. – Проходите. Извините за внешний вид. Я не ждала гостей. Репетировала.

Богдан не заставил себя упрашивать.

– Что-нибудь выпьете? – любезно предложила Эвелина. Она выглядела немного удивленной визитом, но ничуть не встревоженной.

– Чаю. Составьте мне компанию.

– Проходите в гостиную, я сейчас переоденусь.

Она скрылась на втором этаже, а Богдан, не став садиться на большой П-образный диван, подошел к окну и поднял жалюзи.

– У вас красивый вид из окна, – обернулся он, услышав шаги.

Эвелина надела длинное платье, но чулки не сняла, Богдан готов был поспорить, что и лиф тоже. Массивное украшение в виде змеи на шее совсем не подходило к наряду, но девушку это не смущало.

– Спасибо. Я сейчас принесу чай.

– Позвольте вам помочь. Русские часто шутят, что все серьезные разговоры принято вести на кухне.

– А у вас ко мне серьезный разговор? – лукаво усмехнулась Эвелина.

– Очень.

– Тогда прошу за мной.

Просторную кухню в стиле «прованс» заливал лунный свет. Проходя мимо окна, Эвелина зажмурилась от удовольствия.

– Как же я скучаю по солнцу! Для столицы такие дни – редкость.

Богдан не спрашивал, почему же она не поедет к морю. И так понятно.

Из-за жары там нужно раздеваться, а свободно передвигаться без вещей она, видимо, уже не может.

Эвелина достала чашки и заварочный чайник, в который насыпала чай, достала вазочку с печеньем и сахар. Как хорошая хозяйка, она не начала разговор, пока не заварила чай и они не сели. Эвелина расположилась спиной к окну, а Богдан напротив, чуть сдвинувшись, как будто от солнечного света, а на самом деле – чтобы контролировать вход на кухню. На стол он положил диктофон, стилизованный под зажигалку.

– Богдан, вы меня заинтриговали. Какое дело привело вас ко мне?

Чайная ложка неловко упала из его рук под стол.

– Ничего, сидите. – Эвелина встала, чтобы дать ему чистую.

Он добавил немного сахара и размешал.

– Интересный букет, – произнес, пригубив.

– Подруга привезла из Таиланда. Здесь такой не купить.

– Эвелина, я знаю о вашей болезни.

– Влад рассказал? – помрачнела она.

– Вы же знаете, что я представляю благотворительный фонд, и мы можем вам помочь.

– В прошлый раз вы говорили, что предпочтение отдается детям, – пряча взгляд в чашке, сказала Эвелина.

– Это так, но я не знал, что речь идет о вас, и готов помочь, – ответил Богдан, внимательно наблюдая за ней.

Щеки девушки порозовели, а на лбу появилась испарина. Горячий чай ускорил действие препарата. Залитая лунным светом, она казалась хрупкой и невинной.

Ковальский пытался убедить себя, что она Хищница, отравленная скверной, но получалось плохо. Карьеру с помощью вещей она не делала, а просто пыталась выжить, борясь с болезнью и с ее последствиями.

– Что для этого требуется? – взяв себя в руки, по-деловому спросила Эвелина.

– Отказаться от вещей, и ваше лечение полностью оплатит фонд.

– Что?! – вскинула она удивленный взгляд. Сделала попытку встать, но он пресек:

– Сидите!

И девушка безвольно обмякла на стуле.

– Я не понимаю...

– На вас сейчас чулки, лиф, и, я подозреваю, в полном украшении спрятан платок. Какие еще вещи у вас есть?

– Юбка. Перчатки. Но я их редко ношу, – ответила она, и глаза

удивленно расширились, как будто не веря в собственную откровенность.

Сам же Богдан на мгновение прикрыл глаза. Пять вещей. Пять! Ей не позволят жить. Преодолевая себя, произнес формальную фразу:

– Вы готовы отказаться от этих вещей и забыть об их существовании?

– Нет! Я не могу без них. Вы даже не представляете...

И тут на пороге кухни возник Савицкий с пистолетом в руке.

– Эвелина, замолчи!

– Влад, ты чего?!

– Не стоило тебе сюда приходить, – сказал он, не сводя напряженного взгляда с гостя.

– Опустит оружие, она под прицелом снайпера. И ты тоже, – добавил Богдан, когда на лбу Савицкого появилась красная точка.

– Влад! – испуганно ахнула Эвелина, прижав ладонь к губам. Она все еще не понимала, что происходит, и растерянно смотрела то на него, то на Богдана.

Стоило услышать угрозу в адрес любовницы, как Савицкий сломался, опустив оружие.

– Она ни при чем. Это все я!

Широкими шагами он пересек кухню и сел за стол рядом с Эвелиной. Обнял ее одной рукой, притягивая к себе и заслоняя от окна. Оружие хоть и опустил, но продолжал держать.

– Я знаю, что ты. И знаю о болезни. Могу понять чулки, корсет и платок, но юбка и перчатки зачем? – спокойным тоном, как будто они встретились на светском мероприятии, спросил Богдан.

– Хотел собрать костюм. Я изучал архивы, дневники Хищниц... И во многих местах встречается упоминание, что собранные вместе вещи обладают большими возможностями, чем по отдельности. Я готов понести наказание за это, но не впутывай ее, она и так больна. У тебя же репутация безжалостного, но справедливого ублюдка. Эвелина не подвержена скверне!

– Ты сам ее впутал. Всех братьев подняли из-за обладательницы шести вещей, а у вас пять. Как думаешь, что вас ждет?

– Ты не выйдешь отсюда, – процедил Савицкий, направляя под столом на Богдана пистолет. Понял – или они, или Палач.

– Она тоже, – кивнул Ковальский на девушку, взгляд у которой уже поплыл. – Ты прав, я не сторонник излишней жестокости.

– Ангел мой! – Савицкий встряхнул притихшую Эвелину за плечи и уже гневно потребовал от Ковальского: – Что с ней?!

– Чаша искупления.

Савицкий взвыл. Его взгляд упал на чашку чая. Догадавшись, что там был яд, он отбросил пистолет, схватил чашку и выпил до дна.

– Малышка, посмотри на меня.

– Люблю тебя, – слабо улыбнулась ему Эвелина.

– И я тебя люблю. Мы вместе до конца, – с нежностью произнес он, крепко обнимая девушку. Бросил злобный взгляд на Палача поверх ее головы. – Не отравляй последние мгновения. Тряпки в спальне, в шкафу. Она не прятала. Иди забирай! Остальное с тела снимешь, стервятник. Я бы сейчас отдал, но не хочу, чтобы уходила с болью.

– А как назовешь себя? Скольких братьев ты убил ради этих вещей?

– Я не святой, у всех нас руки в крови. Но за что умирает она? Кому и что она плохого сделала? Ты хоть понимаешь, что значит любить? Когда готов свою жизнь отдать ради ее здоровья. Видеть, как любимый человек мучается, и ощущать свое бессилие. Куда тебе! Такая бесчувственная глыба льда, как ты, не способна на любовь! Но на что бы ты пошел ради своей сестры? Я слышал, вы обожали девчонку, таскали везде ее за собой. Что бы ты сделал, если бы она мучилась от болей и только вещи дарили ей облегчение? Неужели бы и дальше кичился своей принципиальностью? Отдал бы спасение для сестры старым пердунам и маразматикам с наклонностями садистов, считающим себя выше других? Ненавижу их всех! Жалею лишь об одном, что не женился на ней из-за глупых правил, придуманных другими. Мы их рабы! Нам даже любить нельзя, чтобы семья не отвлекала от «великих целей».

Богдан встал, чуть поколебался и положил ампулу на стол.

– Что это? – сузил глаза Савицкий.

– Противоядие. У вас три минуты... и три дня, чтобы исчезнуть, – произнес он и пошел на выход.

– Но почему?! – донеслось в спину.

Богдан оглянулся и поморщился:

– Никогда не любил «Ромео и Джульетту».

Глава 18

Выйдя из подъезда, Ковальский дал отбой своим людям и сел в машину. Вбитые правила требовали вернуться и привести приговор в исполнение. Разум твердил, что он сошел с ума, но Богдан чувствовал, что поступил правильно. Нет, его не разжалобила речь Савицкого. За свою жизнь он наслушался и не такого. Перед смертью у многих красноречие просыпается.

Немаловажную роль сыграло знакомство с Эвелиной. За последние дни он узнал о ней больше, чем о собственной сестре. Из небогатой семьи, отличница, пела в хоре, занималась в театральной студии, училась танцам. Прошла отбор в группу, успешная карьера, любовников не меняла. Был долгий роман с продюсером, который бросил ее и заменил в группе, как только понял, что она больна, а лечение баснословно дорого. Потом в ее жизни появился Савицкий. Они практически нигде не появлялись в светских хрониках. Ездили по лучшим клиникам.

Последние пару лет Эвелина поет в клубе. Можно подумать, что ей стало лучше, но вот медицинская карта говорит обратное, болезнь прогрессирует. Ей грозит инвалидность.

Эвелина действительно никому ничего плохого не сделала. Отзывы тех, кто с ней работает, лишь положительные. Не корчит из себя звезду, со всеми отношения ровные. Она и не думала использовать вещи в корыстных целях, озабочена лишь своим здоровьем. И как такую отдать Ордену, на показательный суд? Убить самому казалось гуманнее, но, глядя на умирающую девушку, он чувствовал лишь горечь. Ей и так немного осталось, кто он такой, чтобы решать ее судьбу? Просто забрать скверну тоже нельзя – потеря вещей обречет девушку на мучения. Она уже сейчас испытывает без них боли. Вот и повезло Савицкому. Хотя его Богдан бы пристрелил не раздумывая и без всяких угрызений совести.

Но Савицкий выпил яд, желая умереть с Эвелиной. Хан тоже пошел против всех ради своей беременной Евы. Подорвал в прямом смысле Орден, чтобы вызволить ее из застенков. Прегрешения Савицкого на этом фоне казались мелкими. Богдан и сам не знал, как бы поступил, приключись подобная беда с Ирен. В глубине души понимал, что ради сестры и ее благополучия пойдет на все.

Он завел машину и, не оглядываясь, выехал со двора. В душе образовалась пустота. Ковальский и раньше видел недостатки Ордена,

стоит только вспомнить, как они высмеивали с Ханом догмы в школе. И с каждым годом несогласие с действиями Магистров лишь росло. Чем выше он поднимался по карьерной лестнице, тем больше узнавал о внутренней механике Ордена и подноготную самих Магистров.

Нет, Богдан считал, что делает нужное дело. За годы работы повидал многих отравленных скверной женщин, чувствующих власть и безнаказанность. Хищниц, которых следовало остановить. Только не одобрял средневековых методов с пытками и насилием, предпочитал действовать более чисто и быстро, не затягивая.

К чему эти театральные процессы? Для Богдана все было просто. Если владелица скверны не приносила людям зла – он просто изымал у нее вещь. В ином случае – быстрая казнь. Он и в Палачи пошел после увиденного в юности показательного процесса, на котором его стошнило от вида изуродованной и сломленной женщины. Захотел иметь возможность самому вершить правосудие, без садизма, шел к этой цели и стал лучшим.

Главному офису сейчас не до Богдана, но отец ждет отчета по проверке. Три дня – оптимальный срок, как для Савицкого, чтобы скрыться с Эвелиной, так и для него, чтобы попридержать результаты, пока Вацлав в больнице. А дальше... Все на волю судьбы. Иногда она бывает жестока, и его первая грешница, Лилиан, ставшая инвалидом, тому пример, а иногда – благосклонна. Ведь самоубийственная выходка Хана увенчалась успехом. Он же умывает руки.

После завершения дела навалилась усталость. В офисе больше делать нечего, а когда он вспомнил о том, что дома его дожидается Роза, идея запереться с ней на несколько дней в доме и отдохнуть показалась весьма привлекательной.

Ковальский вырулил на проспект и хотел уже ехать домой, но тут вспомнил, какой гардероб взяла с собой рыжая. Явно не для соблазнения. Не-е-ет! Перфекционист внутри его хотел видеть эту женщину в дорогих кружевах и чулках. Задумался, куда поехать, но тут вспомнил про ЦУМ возле театра. Там он точно подберет все необходимое.

Хотелось подарить и украшения, но Богдан был абсолютно уверен, что Роза ничего не возьмет, да еще и оскорбится. Что ж, белье он заставит ее принять, даже если для этого придется самому на нее надевать подарки. Мысль показалась неожиданно привлекательной. Единственная женщина, которую он одевал, – его сестра, и то очень давно, когда она была маленькой.

Потолкавшись по пробкам, Богдан добрался до центра и пошел по магазинам, придирчиво выбирая вещи. Одним нижним бельем не

ограничился, купив несколько сексуальных комплектов для сна и пару вечерних платьев с аксессуарами. Увешанный фирменными пакетами, он уже шел на выход, когда за стеклом одной из витрин увидел знакомое лицо. Да, точно – блондинка, игравшая в снежки у ресторана, в тот день, когда Кристоф закрыл его от пули.

Не задумываясь, свернул и зашел в магазин, разглядывая девушку. Она увлеченно перебирала вешалки с платьями, ничего не замечая вокруг. Сейчас он имел возможность рассмотреть ее поближе. Красивая. Тонкие черты лица, минимум косметики. Длинные волосы заплетены в небрежную косу, не для красоты, а чтобы не мешали. Одета дорого и стильно. У Богдана была хорошая память на лица, но он мог поклясться, что они не знакомы.

Продавщицы, завидев денежного покупателя, наперебой бросились к нему.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– К нам поступила новая коллекция из Милана.

– Благодарю, но я пока осматрюсь. Сам, – осадил их.

При первых же звуках его голоса девушка резко вскинула голову. В глазах ее Богдан увидел узнавание. А когда подошел, заметил, как она напряглась.

– Я думаю, вам это подойдет. – Он снял первую попавшуюся вешалку с платьем и предложил ей, чтобы начать разговор.

– Да, если я решу порыбачить, – отозвалась она.

Богдан перевел взгляд на вешалку и увидел, что по задумке дизайнера к тонкому платью на бретельках прилагалась накидка из крупной сетки, напоминающая рыбацкую сеть.

– Почему мне кажется, что мы знакомы? – прямо спросил он, вешая обратно свой неудачный выбор.

– Не в этой реальности, – отозвалась она.

Его поразило, как интересно она сформулировала. Вопрос напросился сам собой:

– А в какой?

– Скажи, почему ты ко мне подошел?

Богдан отметил, что обращается она на «ты», как к давнему знакомому. Это еще больше заинтриговало, и он понял, что не успокоится, пока не докопается до правды.

– Ты реагируешь на меня так, будто мы знакомы.

– Я могла видеть тебя в журнале, интернете, да мало ли где, – склонив голову к плечу, стала перечислять она.

– Нет, не похоже...

Внутри нарастало щекочущее ощущение, что нечто подобное уже было. Память услужливо преподнесла события годовой давности. Тогда ему пришло письмо от анонимного адресата с наводкой на Хищницу. И тон письма был странный, его царапнуло это тогда, как будто отправитель с ним близко знаком. Арсеньева Анастасия Филипповна, кандидат в мэры, действительно оказалась обладательницей шляпы и перчаток и шла по головам, рвась к власти. Пришлось устранить.

– Это ты написала письмо об Арсеньевой, – убежденно произнес Богдан, и атмосфера между ними вмиг изменилась. Незнакомка подобралась, но он и без слов, по одной реакции тела понял, что попал в точку.

Девушка сверлила его напряженным взглядом, что-то взвешивая про себя, а потом произнесла:

– Давай договоримся, я рассказываю тебе, как было дело, а ты забываешь о моем существовании.

– И даже не будешь отрицать?

Незнакомка все больше интриговала его.

– Ты же теперь не успокоишься, а я не хочу больше соприкасаться со всем этим.

– С чем?

– Орден, Хищницы, необычные вещи. Мне продолжать?

Настала очередь Богдана подобрать при одном только упоминании Ордена. Одновременно мысленно просчитывал, кем она может быть и откуда так много знает. Не владелица точно, страха в ней не ощущалось.

– Ну так как, по рукам? – спросила она, поняв, что удалось привлечь его внимание.

– По рукам, если только ты не обладательница старинных вещей.

– О нет, я предпочитаю только новые коллекции, – понимающе усмехнулась незнакомка. – Пойдем в кафе, здесь не лучшее место для такого разговора.

Богдан был согласен. Продавщицы косились на них и прислушивались к разговору.

Они переместились в близлежащее кафе. Народу было немного, и за одним из столиков Богдан увидел парня, с которым она была в тот день у ресторана. Но вместо того чтобы к нему подойти, девушка выбрала свободный столик, а молодому человеку мимикой дала знак, чтобы не вмешивался.

– Как тебя зовут? Ведь мое имя ты знаешь, – произнес Богдан.

- Кристина.
- Откуда ты меня знаешь?
- Ты встречался с моей подругой.

Богдан мысленно поморщился. Жаль, что их разговор начался со лжи. Среди его последних любовниц русских не было. Не считая Розы, но Ковальский был уверен, что речь не о ней. Внешне же он никак не показал своего отношения, желая выслушать ее версию.

Пришлось прерваться, так как к ним подошел с меню официант.

- Капучино, – сделала она заказ.
- Американо, – сказал Богдан и, стоило официанту отойти, продолжил: – Так с кем я встречался? Ее имя?
- Ты его не знаешь. Давай я все объясню, – добавила она, стоило ему недоверчиво усмехнуться. – Мы познакомились в прошлом году в клубе. Ты был с Кристофом, а я с подругой. Вы начали с ней встречаться.
- А ты с Кристофом? – спросил Богдан, точно уверенный, что в прошлом году ни с кем в России точно не встречался, не считая одноразового секса.

– Нет. Богдан, не спеши. Я знаю, что ты нас не помнишь и уверен, что меня видишь впервые. Это так и есть. Дослушай до конца. На чем я остановилась?

– Я встречался с твоей подругой, – напомнил он. Можно было бы принять Кристину за сумасшедшую, но он не спешил с выводами. – Ты так и не назвала ее имя.

– Это не важно, – отмахнулась она. – В общем, так, мы вчетвером стали общаться, ты нас и на вечеринку с сотрудниками благотворительного фонда пригласил в загородный дом, который снимал.

– Какой адрес? – решил проверить ее Богдан, но девушка без запинки назвала адрес, по которому он жил и сейчас.

– Потом мне в руки случайно попались платок и перчатки, а также дневник прошлой владелицы, с личными наблюдениями. Так я узнала об Ордене, вещах и Хищницах. Одной из них оказалась эта Арсеньева. Она начала охоту, в результате которой ее люди убили мою подругу и Кристофа. Мы с моим парнем уехали за город в охотничий домик, но Арсеньева нас там нашла, явившись лично. В шляпе и перчатках, кожаных, позволяющих управлять людьми. Она убила моего парня, а потом выстрелила в меня.

Кристина замолчала, переводя дыхание. Принесли кофе. Она бросила сахар, размешала и прямо взглянула на него, заговорив вновь:

– Во время потасовки мне удалось стянуть с нее перчатку, платок был на мне. Я пыталась позвонить в полицию и собирала развалившийся

телефон. Впопыхах натянула на руки одну свою перчатку, а вторую ее. В момент выстрела больше всего на свете я желала вернуть погибших... – Она сделала паузу и закончила: – И перенеслась в прошлое. В тот момент, когда мы с подругой только собирались идти в клуб.

Кристина замолчала, а Богдан переваривал ее рассказ. Нет, он слышал раньше разговоры о том, что несколько вещей, собранных вместе, обладают особым могуществом, но реальных доказательств лично не встречал. Но вот сейчас сидит перед ним живая свидетельница.

Скверна и так встречается не часто, а чтобы у одного человека было две-три вещи – крайне редкий случай. Поэтому и переполошились Магистры из-за Евы, женщины Хана. Существует поверье, что собранный полный костюм из скверны повергнет мир в хаос и приведет к апокалипсису. А Савицкий собирал вещи, веря, что они излечат Эвелину, и ведь он говорил, что нашел упоминания о том, что несколько вещей вместе обладают особыми возможностями.

– Я понимаю, что это звучит невероятно. Расскажи мне кто такое, и я бы первая направила его к психиатру, но это правда, – невесело усмехнулась Кристина.

– Я так понимаю, что в клуб вы не пошли, и мы не познакомились. Почему, кстати?

На мгновение она замялась, а потом ответила:

– Так как меня перенесло именно в этот момент, я решила, что это поворотная точка, чтобы изменить будущее.

– Ладно. Только я не понял, как во всем этом замешан Кристоф. Ты писала, что он заодно с Арсеньевой, но теперь говоришь, что ее люди его убили.

– Арсеньева призналась, что хоть он и из Ордена, но они были полезны друг другу и сотрудничали. Своих людей назвала идиотами. Насколько понимаю, избавляться от него она не планировала. В общем, вот и вся история.

Богдан догадывался, что это очень сокращенная версия. И пусть рассказанная история звучала неправдоподобно, он склонен был в нее поверить. Просто нарочно такое не придумает. Давить и выяснять подробности не стал, его больше интересовало другое.

– Хорошо. Расскажи, как к тебе попали вещи?

Вопрос явно не понравился, и еще до того, как она ответила, Ковальский понял, что соврет.

– Не важно. На улице нашла.

Богдан скептически посмотрел на Кристину, но она лишь упрямо

вскинула подбородок.

– На остановке. Год назад. Я просто не пошла туда.

– И почему я должен тебе верить? Скверна – как наркотик, сначала вещи надевают лишь иногда, а потом на них подсаживаются и носят не снимая.

Он сверлил девушку подозрительным взглядом, но она подалась к нему и тихо произнесла:

– Я видела, как из-за них умирали люди: подруга, мой любимый, другие. Видела, что творила одержимая ими и как вел себя Кристоф, хотя он из Ордена. Как по мне, это слишком дорогая цена за обладание ими. Я получила свой второй шанс и в этой жизни к данным тряпкам и близко не подойду!

Интуиция подсказывала, что Кристина не врет, но он не верил в версию с остановкой. Поэтому перестал давить и сменил тон, давая понять, что они заодно.

– Если ты понимаешь, что их влияние пагубно, то почему защищаешь тех, у кого они остались?

– Я сдала тебе Арсеньеву.

– Но не тех, у кого остались платок и перчатки, – пронизательно возразил Богдан. – Я понимаю, они могут быть хорошими людьми, жить тихо и не приносить никому вреда. Встречались в моей практике и такие, и я незаметно забирал из их жизни скверну. Но зло берет свое и не поддается контролю. Рано или поздно владельцы оступятся, или волею случая вещи попадут в другие руки. Ты готова нести ответственность за покалеченные жизни тех, кто от них пострадает?

Кристина долго смотрела ему в глаза, а потом произнесла:

– Вещи еще могут поддерживать здоровье. И на чаше весов чисто гипотетический вред в будущем или муки людей, не сделавших зла в настоящем. Но это я так, рассуждаю. Ведь вещи я нашла на остановке. Богдан, рада была тебя видеть. Извини, но мне уже пора. Надеюсь, ты сдержишь свое обещание, – поднялась она.

Ругательство на латыни вырвалось непроизвольно. Богдан понял, что больше она ничего не скажет. Но как можно было ее осуждать, когда сам совсем недавно оказался перед сложным выбором и отпустил Эвелину?

– Кристина, – остановил ее. Чуть помолчал, а потом достал визитку: – Если обстоятельства изменятся, позвони в любое время.

Она взяла и утвердительно кивнула. Что ж, большего он вряд ли добьется. Расплатился за кофе, бросил взгляд на спутника Кристины, который напряженно следил за ними, и, подхватив пакеты, вышел из кафе.

Глава 19

Не выйдет из меня богатой прожигательницы жизни. Полдня я маялась ерундой. Плавала в бассейне, периодически попивая апельсиновый фреш со льдом. Потом изучила дом сверху донизу. Оборудованный тренажерный зал действительно присутствовал внизу, но потеть на спортивных снарядах желания не было. Даже сунула нос в комнату Богдана. Едва удержалась от соблазна поваляться на его огромной кровати, чтобы не было потом как в сказке: «Кто ел из моей тарелки, пил из моей чашки и спал на моей постели?»

От нечего делать провела ревизию холодильника на кухне. Подготовила продукты на выброс и занялась готовкой. Редкий случай, когда у меня есть на это время и силы. Телефон я отключила, еще когда стали поступать первые звонки из больницы от сослуживцев. Никто не мог поверить, что я уволилась. Наверное, Костик растрепал, ведь наш главный обещал отправить меня в отпуск.

Я ничего не подтверждала и не опровергала. Ради шалости выслала свое селфи в купальнике с коктейлем в руках и в бассейне, с подписью, что я отдыхаю, чего и им желаю. На фото получилась только я и голубая вода. Пусть помучаются вопросом, где я могу быть. Моя довольная мордашка на фото мало похожа на оскорбленную неожиданным увольнением.

Еще Стас успел прорваться. Его интересовало, когда мы встретимся и обговорим мое будущее. Быстро сказала, что я в роуминге и не могу говорить. Пообещала потом все объяснить и отключилась. Собственно, после его звонка я и вырубил телефон.

В холодильнике я нашла фарш и уже готовое замороженное тесто. Сообразить мясной пирог было несложно, а фарша столько, что я еще и котлеты затеяла. Переворачивая их лопаткой на шкворчащей сковороде, не услышала, как особняк сняли с охраны, а на кухне появился хозяин дома. Даже взгляда его не почувствовала. Просто в какой-то момент, пробуя на лопатке кусочек котлеты на соль, глянула мельком и чуть не подпрыгнула, заметив в дверном проеме мужскую фигуру.

– Богдан! – приложила руку к груди. Так можно и инфаркт заработать.

– Ты выглядишь как ожившая мечта любого мужчины, – произнес он, заходя и сгружая на стул пакеты.

Странно, но прозвучало совсем без иронии. Я с сомнением себя оглядела. Спортивные брюки, топ и фартук. Макияжа нет, волосы собраны

в небрежный хвост на затылке. Я его возвращения несколько позже ожидала.

– А-а-а, это типа из той серии, что женщина должна быть босая, беременная и у плиты, – дошло до меня, и я рассмеялась. – Тогда я почти идеал.

А что? Босиком, полы здесь теплые, у плиты, и запахи аппетитные витают. Единственное – не беременная, но нет в мире совершенства.

– Ты голодный?

– Да, – произнес он, подходя, и поцеловал, крепко прижимая к себе. Мы с ним были как небо и земля. Я покрасневшая от плиты, а Богдан принес с собой морозную свежесть улицы.

– Тяжелый день? – спросила, когда он немного отстранился и дал перевести дух. Но из собственнического захвата меня так и не выпустил.

Женское чутье подсказывало, что так и есть. Богдан не из тех, кто бросается нежничать по поводу и без. Но, наверное, даже самому сильному мужчине приятно возвращаться домой, где его ждут и к приходу готовят ужин.

– Нет. Все хорошо, – не признался он. Ага, так я и поверила! Вид у него уставший, а еще даже не вечер. – В делах образовался перерыв. Посмотрел на тебя и решил взять пару-тройку дней выходных.

– Нет, я понимаю, от партнера можно вирус подхватить, но чтобы бездельем заразиться... – подначила я.

Он в это время тянул руку к тарелке с котлетами, но я по ней шлепнула.

– Помой сначала. Ты же с улицы. Какие планы на эти дни?

Богдан нехотя выпустил меня из объятий и подошел к раковине, а я сняла котлеты, пока не сгорели.

– Можем бездельничать дома, а можем съездить куда-нибудь. Ты бы чего хотела?

Хм... С возможностями Богдана – что называется, любой мой каприз. Поехать в дом отдыха? Ну не знаю... Можно выбраться в театр, кино или выставку, но ведь, как назло, обязательно натолкнусь на кого-нибудь из знакомых. А вот если меня кто-то из друзей братца засечет или он сам, то тогда полный армагеддон. Мне же после полных напряжения дней и нервотрепки хотелось банального покоя. Обстановку я сменила, и вариант побыть здесь вдвоем не так уж и плох. Не хотелось пускать в наш маленький мирок других людей. Мы и так расстанемся скоро.

– Голосу за вариант остаться дома, – выбрала я и пододвинула вытирающему руки полотенцем Богдану тарелку с котлетами, всегда

приятно попробовать кусочек с пылу с жару. Мне показалось, что в его глазах мелькнуло облегчение. Неужели тоже ехать никуда не хотел? Но тут сработал таймер в духовке, и я отвлеклась.

– Ого! – прокомментировал Богдан появление пирога, уже жуя котлету. – Ты отличная хозяйка.

– Отвратительная. Я живу работой, а после нее сил уже ни на что не остается. Сегодня редкий случай, когда у меня полно свободного времени и домашние хлопоты в радость, – поспешила разубедить его. Еще не хватало, чтобы он решил, что я демонстрирую свою хозяйственность. – Чай поставить?

– Хорошая идея. Давай перекусим, а потом уже пойдем переодеваться.

Переодеваться?! Ладно Богдан, а мне зачем? Я себя и так комфортно чувствовала. Но уточнять, что он имел в виду, не стала. В четыре руки быстро накрыли стол и сели.

А уже через полчаса мы поднялись наверх. Я, как идиотка, поплелась за ним, заинтригованная. Про содержимое пакетов Богдан загадочно молчал и не дал мне сунуть в них нос. Только в своей комнате стал показывать покупки, распаковывая пакеты. Оказывается, все было куплено для меня.

Все!!! Когда увидела платье, мои глаза округлись, а когда появились сумочки к каждому платью, туфли, так и вовсе стали квадратными. Мы знакомы без году неделя, а он купил мне целый гардероб, демонстрируя прекрасный вкус и щедрость. Цены у именитых дизайнеров зашкаливали, и хоть ценники предусмотрительно срезаны, но я же не дура. Не было слов. Но стоило увидеть дорожущее развратное нижнее белье, как у меня прорезался голос.

– Нет, я это не надену!!!

– Что-то подобное я и предполагал, – невозмутимо заявил Богдан. – Хорошо, как скажешь. Тогда я его на тебя сам надену.

Он произнес это с таким предвкушением, что у меня мурашки побежали, а внутри все сладко сжалось. Но стоило ему шагнуть ближе, как я прекратила считать ворон, взвизгнула и попыталась спастись бегством. Богдан скрутил меня в один момент. Я даже трепыхнуться не успела, как он зафиксировал руки за спиной, вдавливая меня в свое тело. Выгнулась, запрокидывая голову, чтобы поинтересоваться, какого хрена он творит, но Богдан меня опередил.

– Доставь мне удовольствие...

Его губы изучали мою скулу, прокладывая дорожку к ушку.

Я поплыла. От его голоса, дыхания, того, как властно он меня

удерживал. Такому мужчине хотелось подчиниться, но из вредности возразила:

– Хочу, чтобы удовольствие доставил мне ты.

– Хорошо, – обезоружил меня Богдан своим внезапным согласием. Подхватил и донес до кровати, укладывая среди разбросанных вещей. Кажется, я еще недавно хотела на ней поваляться? Мечты сбываются! Лежать вместе с Богданом было в десятки раз приятнее, чем одной. Голова кружилась от его поцелуев. Он стягивал с меня одежду, выцеловывая каждый сантиметр тела. Подняла руки вверх, помогая избавиться от топа, а потом лифчика. Приподняла бедра, когда стягивал с меня спортивные штаны с трусиками. С Богданом я заводилась с пол-оборота и уже горела от нетерпения.

В затуманенном желанием сознании не сразу отложился тот факт, что на меня натягивают белье. Я приподнялась на локтях и увидела на себе красные ажурные стринги. Точно стринги, так как веревочка между ягодицами ощущалась четко. Я такие не носила в повседневной жизни. Последнее время работала в режиме «больница-дом», а на работе такое белье неудобно.

– Ты с ума сошел? – выдохнула я, но Богдан уже натягивал на меня пояс для чулок. Красный.

– Потрясающе! – довольно заключил он и улегся на меня, целуя.

– Ты нормальный? – Я возмущенно отвернулась. – Действительно считаешь, что натягивать на меня одежду сейчас – это самый подходящий момент?

– Оно нам не мешает. – Богдан сдвинул материю у меня между ног, поглаживая и играя.

Хм... действительно не мешает. От ласки возмущения поубавилось. Невозможно сердиться, когда тебя так умело ласкают. Заметив, что я дрогнула, властно произнес:

– Хочу увидеть тебя в нем.

Тон вызвал раздражение – с какой стати я должна подчиняться?! Но вот напряженный голодный взгляд польстил женской сущности. Сложно взбрыкивать, когда на тебя так жадно смотрят и невооруженным взглядом видно, что у мужика сносит крышу.

– Почему красный цвет, извращенец? – сдалась я, но не могла не уколоть.

– Ты же у меня девочка с огоньком, – польстил он, но тут же предупредил: – Еще раз назовешь извращенцем, и мне придется соответствовать. – Его пальцы, поглаживая, заскользили несколько дальше

и обвели по кругу там, где мне не совсем хотелось.

– Богдан! – предупреждаяще воскликнула я.

Он подарил мне наглую ухмылку и сцапал мою ногу, уперев ступню себе в пах, чтобы я ощутила его готовность. К досадному упущению, на нем до сих пор оставались брюки. Второй рукой подтянул к себе упаковку с чулками и зубами вскрыл. В нетерпении, с которым он все это делал, было нечто завораживающее.

Я расслабилась, позволив ему реализовать свою фантазию. В конце концов, он надевал на меня чулки, а не связывал ими. Выбор чулок оказался немного странным, не думала, что он может такие выбрать. Плотные, как колготки, черные, их вполне можно зимой под юбку носить. Кружево сверху пронизывала алая лента, завязанная кокетливым бантиком. Богдан пристегнул их к поясу и потянулся за бюстом. Я же, разглядывая себя с разведенными ногами в чулках, вынуждена была признать, что выгляжу донельзя развратно.

Подтверждение этому видела в лихорадочном блеске глаз Богдана. Он надел на меня бюст, поправил грудь, чтобы она легла в чашечки, а потом посмотрел взглядом художника на законченный холст. Что-то ему не понравилось, и он скатал кружево, высвобождая грудь. Поддерживаемая косточками, она бесстыдно торчала, а он еще наклонился и облизал каждое полушарие, после чего соски сжались и влажно блестели.

– Если ты меня сейчас не возьмешь – я тебя изнасилую, – мрачно произнесла я.

– Ведьмочка, – усмехнулся Богдан.

Он отстранился и, стоя на коленях между моими ногами, потянулся к ремню брюк. Давно пора!

* * *

«А в этих ролевых играх что-то есть», – думала я, сползая утром с кровати. И почему за всю жизнь не пробовала ничего эдакого?! Да потому что Костик был без фантазии! Хотя медсестричек в халатиках он на работе и без всяких ролевых игр имел. Меня же максимум хватало на красивое белье и чулки. Вроде бы в чем отличие? Но когда на тебя все это надевает сексуальный мужчина – совсем другое восприятие.

Я так и спала в чулках. Белье мы растеряли в процессе жаркой ночи, а вот они остались. Ох, что мы только не вытворяли! Все тело ломило, как после полноценной тренировки в спортзале. Представить не могла, что я

способна так гнуться и что у меня довольно неплохая растяжка.

«Ага, неделя с Богданом, и я на шпагат сяду», – хмыкнула про себя.

В хозяйской ванной комнате шумела вода, но присоединиться к своему любовнику я не спешила. Не-не-не, мне ночи хватило, и на новые подвиги пока не готова. Поэтому, постанывая от боли в мускулах, прокралась на выход и пошла тоже принимать водные процедуры, но уже в привычную мне ванную, рядом с моей комнатой. Дефилируя по коридору голой и в одних чулках, чувствовала себя той еще развратницей.

За то время, что приводила себя в порядок, ни в ванную, ни в комнату ко мне не ломились. Я даже почувствовала себя оскорбленной. Вот же мы женщины! Пристают – оскорбляемся, не пристают – еще сильнее нас это задевает. Принципиально не пошла в комнату Богдана. Но стоило спуститься вниз и услышать звуки из кухни, как все надуманные обиды прошли. Наверное, нет ничего прекраснее, чем мужчина, готовящий для тебя завтрак.

На лице расцвела улыбка до ушей. Но заметила в зале небрежно брошенное на диван пальто Богдана и изменила направление. Проснувшаяся хозяйственность требовала повесить его.

Я взяла пальто, проведя рукой по дорогому кашемиру. Взгляд зацепился за выглядывающий из кармана кусочек белой ткани. Потянула за него и потеряла дар речи. У меня в руках оказались старинные панталоны!!! Один в один, какие я видела в чемодане у матери. Или это они и есть? Бросив пальто обратно на диван, пошла выяснять этот момент.

На кухне гудела кофеварка. Богдан раскладывал по тарелкам омлет. В спортивных брюках с низкой посадкой и обнаженным мускулистым торсом он мог бы послужить прекрасной моделью для художника или скульптора, но я не позволила себе отвлечься.

– И как это понимать? – спросила у него, покачивая на пальце панталоны.

Стоило ему увидеть, что у меня в руках, как улыбка сбежала с лица. Ага! Значит, узнаем бельишко.

– Я теперь знаю, кто ты!

– И кто? – заметно напрягся Богдан.

– Все-таки извращенец и фетишист, – заключила я. – Слушай, я бы еще поняла, если бы ты на мое белье позарился, но мамино... Это уже перебор!

Странно, но мне показалось, что он расслабился после этих слов. Напряженный взгляд потеплел.

– Ты помнишь, что я обещал тебе, если еще раз услышу это слово? – В

голосе слышалось некое предвкушение.

– Черта с два! Никакого секса, пока ты мне все не объяснишь! – быстро и твердо заявила я.

– Садись завтракать, Шерлок, а то остынет, – с усмешкой произнес Богдан, отмерев после моего эффектного появления и ставя на стол тарелки.

Вот ни стыда ни совести у людей! Я его поймала с поличным, а он себя ведет как будто так и надо. Я медлила, разглядывая его как диковинку, а он добавил:

– После поговорим.

Чашу весов в сторону завтрака склонил аромат кофе. Как говорят, война войной, а обед по расписанию. С гордым и независимым видом прошла к столу и села. Панталоны в руках были лишним элементом, и я с брезгливым видом положила их на стул рядом. Фе! Так и хотелось помыть руки с мылом после них. Подняв глаза, натолкнулась на внимательный взгляд Богдана, следящего за каждым моим движением и гримасами.

– Как ты их нашла? – спросил он, ставя передо мной кофе и садясь напротив.

– Хотела повесить твоё пальто и увидела торчащий из кармана край материи.

Богдан кивнул, кажется даже не мне, а своим мыслям, и принялся за завтрак. Его поведение раздражало. Мог бы сказать хотя бы «извини». Или он поэтому вчера накупил мне столько вещей – в качестве компенсации? Настроение немного испортилось, но это не мешало мне с аппетитом есть. Пусть он и псих, но готовит отменно!

Вот почему в жизни так? Только встретишь приличного мужчину, так он или женат, или чердак у него протекает. Быстро уничтожив все на тарелке, я с печальным видом попивала кофе.

– А ты в чем-то права, – неожиданно усмехнулся Богдан, все это время сидящий в своем телефоне.

– В чем?

– Фетишист – это тот, кто поклоняется неодушевленным предметам, приписывая им сверхъестественные свойства, – прочитал он.

– Диагноз свой нашел? – с ласковой улыбкой спросила я.

– Не язви. Но найденный тобой предмет действительно обладает сверхъестественными свойствами.

– Это же какими? – скептически поинтересовалась я.

– Он вызывает у мужчин желание, и женщина, надевшая его, становится сексуально привлекательной для всех окружающих

представителей сильного пола.

– Чего?! – Я чуть кофе не подавилась. – Если надеть на себя такое, то реакцией нормального, – сделала акцент на последнем слове, – мужчины будет смех.

– Ошибаешься. И твоя мать это знает.

– При чем здесь моя мама?! – изумилась я тому, куда неожиданно свернул наш разговор.

– При всем. Она сильно тебя подставила, привезя к тебе эту вещь.

– Богдан, ты в своем уме?!

– Не веришь? – усмехнулся он и подтолкнул мне телефон. – Звони ей. Только поставь на громкую связь.

Какой-то он странный псих. Вместо того чтобы убеждать в своих фантазиях, предлагает их тут же развеять. Разве он не понимает, что родительница поднимет меня на смех? Но спокойствие и уверенность Богдана настораживали.

– И что я ей скажу?

– Скажи, что нашла панталоны, и дай мне сказать ей пару слов. Сама все услышишь.

– Ладно... – решила я и по памяти набрала номер. Лучше не затягивать этот спектакль.

Родительница не брала трубку долго. Только сейчас подумала, что еще утро, а она не любит рано вставать, но что уж теперь. Как и просил Богдан, я поставила на громкую связь и положила телефон на стол, дожидаясь ответа.

– Слушаю вас, – голос матери был сонным и недовольным. Точно разбудила.

– Мам, привет!

– Роза, ты? Что-то случилось?

– Как сказать. Тут один мужчина убеждает меня, что твои панталоны из чемодана обладают волшебными свойствами.

– Роза, беги! – неожиданно закричала она. Я в шоке уставилась на телефон, а Богдан пододвинул его к себе.

– Нина Андреевна, зачем же так кричать? Дочь пугаете, – иронично произнес Богдан, но у меня мороз по коже прошел от его тона. Было что-то такое в его голосе... словами не передать, но завуалированная угроза чувствовалась. Еще меня поразило, что он знает имя моей матери. Для всех она представлялась как Нинель, ей это имя нравилось больше, чем просто Нина.

– Она ничего не знает! Не трогайте ее!

– Скажите, чем вы думали, принося к ней в дом эту скверну?
– Вы из Ордена? Я за все отвечу! Не трогайте ее!
– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит?! – потрясенно произнесла я. Никогда не слышала у матери таких униженных и просящих ноток в голосе. А еще откровенный страх. Она была безумно напугана.
– Вы отдаете скверну мне, добровольно и без принуждения?
– Да! Да! Только Розу не трогайте.
– Согласны забыть о существовании скверны и ни делом, ни словом, ни в мыслях не возвращаться к ней?
– Господи, да!
– Я услышал вас, – ответил Богдан. – Теперь мы всегда будем рядом и спасем вашу душу, если вы оступитесь.
– Роза... – успела крикнуть мать, но он нажал отбой.
– Видела бы ты сейчас свое лицо, – усмехнулся Богдан. Ага, я и без его слов знала, что глаза у меня круглые.
– Это розыгрыш? Что-то из серии: осторожно, вас снимает скрытая камера? – произнесла я, сама не веря этому. Слишком натуральным был страх матери. – Послушай, что это за бред?! Спасем душу, будем рядом, скверна, Орден... Это такие тематические игры среди богатых?
– Роза, ты прелесть! – рассмеялся Богдан, вставая. Собрал посуду со стола и отнес в раковину.
Я тоже встала, все еще находясь под впечатлением от услышанного. Мысли разбегались, я не знала, что и думать. Лежащие на стуле панталоны выглядели обычным куском ткани, и верить тому, что они обладают какими-то необычными свойствами, было полнейшим бредом. Это как отвары из трав называть волшебными эликсирами. Сколько мне людей на стол попадало из-за того, что запускали болезни, лечась вот такими травками.
– И теперь не веришь? – спросил Богдан, подойдя ко мне.
– Ну это же бред!
– Так надень. И сразу почувствуешь, как повышается твоя женская привлекательность, а все мужчины сходят по тебе с ума.
– Из всех мужчин здесь только ты, и, по-моему, у тебя и без того крыша уже поехала, – огрызнулась я на его подначивание. – Извини, но у меня нет привычки носить чужое белье. И это не мой фасончик. – Я брезгливо передернула плечами.
– Неужели совсем не хочется примерить? – Богдан подошел чуть ли не вплотную, заставляя отступить к столу. И смотрел прямо в глаза, как будто стараясь заглянуть в душу и понять, насколько я искренна.

– А зачем? Даже если на миг представить, что это так и есть, хотя я в это не верю, то какой смысл? Что за удовольствие знать, что мужчина желает тебя лишь из-за какой-то тряпки?

Богдан молчал, а я добавила:

– И после сегодняшней ночи я не думаю, что ты нуждаешься в дополнительной стимуляции. Или купленные тобой вещи тоже обладают «волшебными свойствами»?

– Обладают. – Богдан прижал меня к себе и усадил на стол, вклиниваясь между бедрами. – Они охренительно смотрятся на тебе, – выдохнул мне в губы, но я уперлась в его грудь, отклоняясь и избегая поцелуя.

– Так что это сейчас было? Розыгрыш?

– Ты все слышала, и как воспринимать – решать тебе. Меня сейчас волнует другой вопрос. Ты помнишь, что я тебе говорил насчет «извращенца»? Пора отвечать за свои слова!

Его ладони легли мне на ягодицы и сжали, этак с намеком.

– Богдан, мы здесь ели! Я не буду елозить попой по столу! – взвизгнула я, когда он стал стаскивать с меня штаны.

Звонок его телефона меня спас.

– Твоя мать, – сказал он, ответив, и протянул мне телефон.

– Роза! Роза!

– Мам, не кричи.

– Ты в порядке?

– Со мной все хорошо.

– Роза, прости, я все тебе объясню...

– Нина Андреевна, ну мы же с вами договаривались... – с укором произнес Богдан, отбирая у меня телефон. – Вам лучше пока не видеться с дочерью и подумать о спасении своей души. Для вашего же блага – забудьте обо всем! – посоветовал он и отключился. После чего подхватил меня под попу и понес из кухни.

– Ты куда? – ухватила за его шею.

– Возражения были лишь насчет стола, – произнес этот наглец.

– Богдан! Ты что задумал?! – запереживала я. Боже, у меня от всего происходящего голова была кругом.

– Найду твоему скверному язычку иное занятие, – унося меня наверх, сообщил он.

Глава 20

От спящей Розы было глаз не отвести. Раньше Богдан предпочитал темные комплекты постельного белья, но с ней изменил своим вкусам. Получал эстетическое наслаждение от контраста пламенеющих волос на белоснежном однотонном белье. Вчера же застелил шелковое белое с алыми розами, и эта язва ехидно заявила: «Желаешь иметь Розу на розах? Ты и после этого отказываешься признавать себя извращенцем?»

Богдану нравилось, как рыжая его постоянно провоцирует. Эти дни они только и делали, что занимались любовью, но он до сих пор не насытился ее телом.

«Может, потому, что нравится не только тело?» – прорезался внутренний голос.

Самостоятельная, уверенная в себе, непокорная, острая на язык. В ней не было ни одной из женских добродетелей, так пропагандируемых в Ордене, но именно Роза зажигала его кровь так, как ни одна женщина раньше.

В ее обществе Ковальский чувствовал себя легко и комфортно. Она умела быть ненавязчивой. Не кланчила подарки, не донимала вопросами о будущем их отношений, ничего не требовала, но именно ей хотелось дарить подарки и осыпать драгоценностями. Знал, что не примет, и от этого желание что-то купить лишь усиливалось.

Богдан вздохнул и убрал фотографию с экрана телефона. Сегодня, уходя утром, сфотографировал Розу тайком, пока она сладко спала. Больше всего хотелось вернуться сейчас к ней, но приходилось проводить время в офисе. Впервые работа не поглощала его целиком. Да и какая работа? Единственное серьезное происшествие: Савицкий с Эвелиной попали в ДТП, и их машина упала ночью с моста. Сейчас на месте аварии работали водолазы, но Богдан был уверен, что они ничего не найдут. Савицкий за годы подрывной деятельности стал мастером в организации несчастных случаев.

Квартиру певицы обыскали, но, как и подозревал Богдан, ничего не нашли. Из скверны. А вот документы, какие-то деньги и украшения были на месте. Но зачем они ей там, куда они скрылись? Можно любую ставку сделать на то, что у Савицкого давно уже были готовы новые документы и отложены деньги на случай вынужденного побега. А в реке непременно найдут их вещи или даже тела со временем. Не зря же в завещаниях

Савицкого и Эвелины значится кремация.

Пока же шли поиски «жертв» ДТП, и Богдан курировал поисковые группы и отвечал на многочисленные звонки. Будет много шума, когда он предоставит свой отчет и выводы личного расследования, но смерть спишет все прегрешения.

Его работа в России подходила к концу. Еще неделя максимум – и уже в другой точке мира будет ждать новое дело, или отец потребует от него явиться домой. Богдан всегда с азартом брался за новые дела, но теперь у него не лежала к этому душа. Впервые.

Зазвонил телефон, и на экране высветился отец. Старый черт! Стоило только подумать о нем...

– Да, – ответил Богдан.

– Это был он? – без приветствия спросил отец.

– Я еще не отправлял свой отчет, но все указывало на него.

– Сукин сын! Но ради чего?

– Его любовница тяжело больна. Скверна помогала бороться с последствиями болезни.

– Все зло в этом мире от женщин!

– Да? Но именно они подарили тебе Ирен и меня, – не удержался от колкости Богдан.

– Я же просил не упоминать это имя! – взвился отец. – Вы меня только разочаровываете! Думаешь, я не знаю, что ты эти дни вместо того, чтобы заниматься делами, предавался разврату? Если бы больше думал о деле, не упустил бы Савицкого и его шлюху.

– Я ждал финальных доказательств, чтобы открыть дело. Они должны были быть железобетонными. Ты же знаешь, кто его родственники.

– И дождался! Как думаешь, инсценировка?

– Пусть следственная бригада решает. Пока, по имеющимся данным, больше похоже на несчастный случай. Гололед, машину закрутило на мосту и вынесло через ограждения в реку. Она пробила лед, и тела унесло.

– Не говори мне то, что я и так читал! – рявкнул отец. – Что говорит твоя интуиция?

– Я предпочитаю опираться на факты.

– Не заставляй меня считать, что у тебя размягчение мозгов, иначе я решу, что твоя докторша плохо на тебя влияет.

– На моем счету за два года семнадцать раскрытых дел и ни одного дня отпуска. Считаешь, что я плохо работаю, – поднимай вопрос о моем соответствии должности на Совете, – раздраженно бросил Богдан и первым прервал разговор, чего никогда раньше себе не позволял.

Знал, что отец этого никогда не сделает. Иметь сыном Палача льстило его это и служило предметом гордости, хотя Вацлав в этом никогда не признавался. Поэтому Богдан сбросил его входящий вызов, не желая больше разговаривать.

Но не был бы так спокоен, если бы услышал злые слова отца:
– Тебя стоит проучить, щенок!

* * *

– Кис-кис-кис!

Под скамейку во дворе забился дрожащий котенок. Откуда он здесь?! Вчера, когда мы с Богданом расчищали дорожки, никакой живности не видели. Может, забежал через ворота, когда Богдан уезжал? Я наклонилась и подняла дрожащее чудо. Трехцветный. Рыжий с коричневыми и белыми пятнами.

– Идем греться!

И понесла котенка домой, оставив лопату возле скамейки.

Богдан в офис умотал на целый день, там что-то случилось, а я от скуки не знала, куда себя деть. Вот решила ради разминки лопатой помахать, но, видно, не судьба.

Забота о котенке отвлекла меня. Найденыш был покормлен, потом помыт и уложен спать мне под бок.

«И куда его?» – думала я. Богдан уедет, и этот дом вновь опустеет. Внутри крепло желание взять киску себе. Пора что-то менять и не проводить жизнь только на работе. Буду хоть к коту домой спешить. А лучше бы к любимому мужчине.

Эти дни с Богданом изменили меня. Мы были как молодожены в медовый месяц, проводя двадцать четыре часа вместе. Занимались любовью, готовили еду, благо запас продуктов большой и ездить никуда не надо, смотрели фильмы, валяясь в обнимку на диване. Выбирались на улицу проветриться, расчищали заметенные дорожки. Дурачились, играя в снежки и валяясь в снегу. Вели себя как настоящая парочка. Нам было хорошо вместе.

Я знала, что с Богданом у меня нет будущего, и не обольщалась. Просто наслаждалась тем, что происходит здесь и сейчас, перестав беспокоиться о том, что будет. Я пыталась держать его на расстоянии, но не получилось. Ничего, дождусь, пока он уедет, соберу свое сердце из осколков и буду жить дальше. Начну встречаться хоть с тем же Михаилом!

Потому что хочу семью, детей, хочу засыпать в обнимку с любимым мужчиной.

Я как цирковая лошадь, которая сошла с арены и перестала ходить по кругу. Стоило уйти с работы, как увидела, что жизнь проходила мимо. Мне же за последние годы даже вспомнить особо нечего. Теперь будет все по-другому! Обязательно начну выкраивать время на себя, буду выбираться в театры, кино, перестану пренебрегать отпуском...

Не заметила, как уснула.

Разбудил котенок. Малыш проснулся и принялся скакать на мне, играя с собственным хвостом. Вот кому надо так мало для счастья. Я подхватила его и встала. Надо бы Богдану позвонить и попросить привезти лоток и все, что нужно для котенка. За окном уже было темно, наверное, он скоро приедет, а у меня еще ужин не готов.

«Вот, я уже думаю, как настоящая жена!» – поддела себя.

Не включая свет, поднялась на второй этаж. Телефон остался в моей комнате. Я его периодически включала, проверить, кто звонил, и отчитаться брату, что со мной все в порядке. Матери пробовала позвонить, но ее телефон был отключен, и звонков от нее не поступало. После последнего разговора я больше не поднимала тему панталон и не стала разбираться в этом. Слишком невероятно все звучало. Не знаю даже, куда Богдан их дел.

Включила у себя свет и взяла с прикроватной тумбочки мобильник. Стоило включить, как посыпались уведомления о звонках с работы, от Стаса, Костик целых восемь раз звонил, один от брата... Котенок, устав сидеть на руках, извернулся и упал на пол.

– Куда ты?

Я нагнулась поймать беглеца, пока он не забрался под кровать и не наделал лужу.

И в этот момент раздался звук бьющегося стекла. Котенок драпанул под кровать, а я рухнула на пол. В окне виделась дырочка, а само стекло пошло трещинами. Хорошо, что телефон был в руках. Я тут же набрала Богдана. Два гудка – и он взял трубку.

– Богдан, я не знаю... Или кто-то что-то кинул в окно, или в меня стреляли.

– Ты где?

– На втором этаже, у себя в комнате.

– Ляг на пол, а лучше заберись под кровать, я уже близко.

– Лежу.

– Умница.

Он отключился, а я заползла под кровать, благо ее высота позволяла. Котенок успел нагадить и теперь скреб лапами пол. Я же была в шоке. В меня и вправду стреляли?!

Скоро услышала, как подъехала машина к дому, короткие приказы охране, так и дежурившей у ворот. И зачем она, когда тебя и не входя в дом убьют? Потом стремительные шаги Богдана наверх. Дверь распахнулась.

– Роза?

– Я тут, – отозвалась я, подвигаясь к краю. К его приходу я подтянула к себе котенка и гладила для успокоения. Успела даже подумать над странностью своей реакции. Вместо того чтобы звонить в «сто двенадцать» и кричать, что в меня стреляли, я Богдана набрала, ожидая помощи.

– Лежи, я закрою шторы. Не думаю, что опасность осталась, но рисковать не стоит.

Я видела одни его ноги в ботинках. Богдан подошел к окну. И тут у него зазвонил телефон.

– Я занят... Что?! Ты в своем уме?..

Некоторое время Богдан напряженно молчал. До меня доносился лишь приглушенный мужской голос его собеседника, который говорил на иностранном языке.

– Ты перешел черту, – ответил он наконец. – Во-первых, я никуда не поеду, а во-вторых, никакой свадьбы не будет, а если ты еще раз сунешься в мою личную жизнь, я сделаю себе вазэктомию. Нет, это ты сошел с ума!

Богдан сбросил вызов и заковыристо выругался на латыни. Я даже уважительно удивилась его познаниям. Выражение определенно стоит записать, чтобы не забыть!

– Прочешите окрестности, стрелок не ушел далеко, – отдал он приказ по телефону, а потом позвал меня: – Роза, вылезай.

Кряхтя, я выползла и чихнула от пыли.

– А это кто? – спросил Богдан, увидев котенка в моих руках.

– Лаки, – отряхиваясь одной рукой, сообщила я. В конце концов, этот счастливчик мне жизнь спас.

– Как ты?

Богдан подошел к нам и заключил в объятия.

– Жива. Я могу узнать, кто это твоих любовниц отстреливает?

Что-то не везет мне с кавалерами. Рядом с Мишей чуть не похитили, с Богданом едва не убили.

– Отец, – поморщился он.

И тут меня пронзило подозрение.

– Слушай, а это тогда не меня похитить хотели? Да ладно! – ахнула я,

прочитав ответ по его лицу. – У тебя отец полный отморозок?

– Похищение – это не он. Охотились за вещью, что оставила тебе мать. Пойдем вниз, тебе стоит выпить, – сказал Богдан, заметив, что я дрожу.

Через десять минут мы с котенком уже лежали на диване, укрытые двумя пледами, и я потягивала глинтвейн. От горячего вина тепло распространилось по всему телу, и меня перестало знобить.

Некоторое время Богдан расхаживал туда-сюда, слушая по телефону отчеты своих людей, потом выслушал мой короткий рассказ и ушел на кухню готовить ужин. Мне помогать не разрешил, да я сильно и не настаивала. Судя по всему, стрелок сбежал, и он злился. Я решила не лезть с расспросами.

Когда донесся аромат жарящегося мяса, котенок драпанул от меня на кухню. Я же осталась лежать, раздумывая о том, что, встречаясь с Богданом, я боялась потерять голову, но и подумать не могла, что могу ее лишиться в прямом смысле этого слова.

К телефонным разговорам Богдана я перестала прислушиваться, но одно имя привлекло мое внимание. Хан! Да и тема не касалась покушения. Я наострила уши.

– Отец сошел с ума, и Магистры тоже. Знаешь, что они обсуждают? Перестать миндальничать с владелицами и сжигать скверну вместе с ними. Да, без разбора. Кому-то костры инквизиции спокойно спать не дают. Теперь в ответ на события в Риме собираются действовать жестко. Помимо того, что все на ушах и ищут вас, сейчас особенно носом землю роют в поисках скверны. Им нужен показательный процесс. Хорошо, я мать Розы успел вывести из-под удара. Да, мое своеволие не оценили, даже Верховный звонил, выразил неодобрение, но плевать.

«Ого! Происходящее стало обретать новые подробности», – изумилась я.

– Да... Встречаемся... Кто бы говорил!

«Встречаемся?» – ухватилась я за слово. Это он о нас? Сама бы наши отношения немного по-иному охарактеризовала.

– Савицкий со своей любовницей ночью погибли, упали с моста. Магистры в ярости. Они бы стали идеальной парой для процесса. Нет, тела не нашли. Река.

Богдан дальше стал рассказывать про других людей, а я незаметно задремала, убаюканная его голосом. Сил думать о том, кем на самом деле он является, не было. «Магистры», «костры инквизиции» – все это наводило на размышления о тайной организации. Тамплиеры? Масоны? Богдан носил необычное кольцо на пальце, явно сделанное на заказ, и

знаки там занимательные. И знание латыни указывало на связь с церковью. В общем, из серии тех тайн, что меньше знаешь – крепче спишь.

Проснулась я оттого, что котенок на полу играл с бахромой пледа и тянул его, постепенно стаскивая с меня. Богдан все еще разговаривал.

– Хан, это безумная затея. Мне надо подумать. Еще несколько дней назад я бы высмеял тебя, но знаешь, я встретил одну девушку... Она сказала, что знала меня в прошлом.

«Та-а-к, а с этого места поподробнее!» – Я даже села, заинтересовавшись.

– Не зубоскаль! Это она мне в прошлом году Арсеньеву сдала. Она изменила прошлое... Да... Нет, там два вида перчаток и платок. Где я их тебе возьму?! Не дави! Нужно подумать. Я позвоню.

Некоторое время на кухне царила тишина, а потом раздались шаги, и появился Богдан.

– Проснулась? А я собирался тебя будить. Идем ужинать.

– Ты котенка покормил?

– Этот нахал слопал уже два куска мяса, попытался закусить моим ботинком и устроил себе туалет в горшке с фикусом, – отчитался он.

– Вот что значит растущий организм, – усмехнулась я. – А ты с кем говорил?

– Друг. Он сейчас как бы в бегах. Хочет втянуть меня в авантюру.

– Я слышала про изменение прошлого.

– Он задумал нечто подобное. После всего, что натворил, спасая свою женщину, им обоим не жить. Рано или поздно поймают, и это их единственный шанс уцелеть.

Богдан говорил об этом так спокойно, как будто о чем-то обыденном. Господи, мы точно в одном мире живем? Изменить прошлое? Серьезно?! Я бы наверняка посоветовала ему телефончик хорошего психиатра, если бы родная мать не привезла мне непонятные старинные панталоны с сюрпризом.

– Почему ты со мной так откровенен? – спросила я.

– Потому что ты – моя женщина.

Боже, хорошо, что я в этот момент сидела! Слова, сказанные просто, без пафоса, одним махом разбили всю броню, которую я строила вокруг сердца. Вот умеет он лишиться дара речи!

– Эм-м...

Богдан глядел на меня, а я не могла ничего путного сказать. Одна глупость в голову лезла. Хотелось знать, это он из-за меня от свадьбы отказался? Но как так?! Мы же не обсуждали наши отношения. Его

заявление прозвучало весьма веско. Значит, мы встречаемся? Или это намек на то, что пора подбирать свадебное платье?

– У тебя есть возражения? – приподнял он бровь.

– Нет, – тут же ответила я.

– Тогда идем ужинать.

– То есть ответить я иначе, и меня не накормили бы? – уточнила, вставая.

– Почему же? После бы накормил.

– После чего?

– После того, как применил бы методы убеждения и у тебя бы не осталось сомнений, что ты моя.

– А можно подробнее о методах?

– Зачем же рассказывать... – Он шагнул ко мне.

– Что-то я есть хочу! – Я ускользнула, поднырнув ему под руку. Нужно было хоть немного времени, чтобы утрясти внутри себя его слова.

Мне позволили сбежать, но после все же продемонстрировали методы из своего арсенала. Весьма убедительные причем.

Уже глубокой ночью Богдан спросил у меня, поеду ли я с ним к Хану, честно предупредив, что безопаснее будет отсидеться в надежном месте и подождать его возвращения. Вся беда была в том, что в безопасности я чувствовала себя рядом с ним. И пропустить то, как они собрались менять будущее? Да ни за какие коврижки!

И опять я заснула под его спокойный, уверенный голос. Несмотря на позднее время, Богдан кому-то звонил, организовывая нашу поездку.

«Он вообще спал?!» – задалась я вопросом, когда утром, едва проснувшись, увидела его у окна разговаривающим по телефону.

– Да, приедем. Тебе повезло. У матери моей Розы оказались панталоны. Не умничай! Да, привезла дочери. Мол, замуж ты, дорогая, никак не выйдешь. Держи! Вот тебе волшебные панталоны! – насмешливо глядя мне в глаза, говорил Богдан другу.

Не выдержав такой наглой лжи, я запустила в него подушкой, от которой он уклонился.

– Извини, больше не могу говорить. Меня атакует одна воинственная кошка, – уклонился он и от второго снаряда. – Хан, затея идиотская, но это наименьшее зло. Стоит попробовать, чем всю жизнь скрываться.

– Что он собирается с ними делать? – спросила я, когда Богдан закончил разговор.

– Его девушка наденет их вместе с другими вещами Дамаль.

– Дамаль?

– Это женщина, что их создала. По дороге расскажу.

– Как наденет? – встрепенулась я. – А где они? Их же надо перед этим постирать.

Кто его знает, носила их родительница или нет. Меня позабавило выражение лица Богдана.

– Что? Носить чужое белье негигиенично, – наставительно произнесла я, выбираясь из постели.

Как Богдан ни ехидничал, я все же поступила по-своему и постирала панталоны. Они успели высохнуть, пока мы завтракали и собирались. Предполагая, что за домом могут следить, Богдан все продумал. К нам приехали на машине доставки бородатый мужчина и девушка, одного с нами типажа. Они привезли корм для котенка, наполнитель, лоток. Девушка несла кошачий домик.

На мужчине были меховая шапка и дубленка, а на его спутнице полушубок с капюшоном. В доме они сняли с себя верхнюю одежду и отдали нам. Мужчина отклеил пышную бороду и передал Богдану, который тут же ее нацепил.

Пока нас нет, их задача – имитировать наше присутствие. Пообещали еще следить и убирать за Лаки. Мы надели их вещи и уехали на фургоне. Километров через двадцать на заправке сменили машину на оставленный для нас джип. Я себя героиней боевика чувствовала со всеми этими ухищрениями.

До места назначения мы добирались часа три. За металлическим забором притаился неприглядный одноэтажный кирпичный дом. В такой точно воры вряд ли полезут. Нас встречал друг Богдана, которого я сразу узнала. По нему еще сестрички в больнице вздыхали и закатывали глаза. Это он приехал с бабулей к пострадавшей, которую сбил Макс.

Память не обманула, и именно та девушка дожидалась в доме. Вот так встреча!

– Хан, я говорил, что это идиотская затея? – с порога заявил Богдан.

– Ну ты же согласился в ней участвовать.

– Это наименее идиотская затея, – поморщился Богдан как от зубной боли и сказал: – Роза, отдай им это.

– А я не понимаю, почему все так носятся с этими тряпками, – заметила я, стараясь немного разрядить обстановку и улыбаясь девушке. Интересно, она меня помнит? Не удивлюсь, если нет. Что-то мы с ней не при лучших обстоятельствах встречаемся. Мысленно же отметила ее осунувшийся вид и бледный цвет лица. – Вот, держите. Я их даже постирала.

Девушка взяла пакет и явно смутилась.

– Просто надень их, Ева, – вздохнул Хан.

Ева?! В больнице она точно иным именем представлялась!

Он прошелся по комнате, машинально бросил взгляд на ноутбук. И внезапно замер, просто превратился в статую.

– Что? – подобрался Богдан.

– Ты! – выдохнул Хан, разворачиваясь к нему всем телом, сжимая кулаки. – Я же тебе доверял?!

– Не понял...

– Ты не понял? Смотри!

Богдан глянул как-то издали и присвистнул, потом резко побледнел:

– Это не мои люди, Хан. Я же тебе сказал, что не в восторге от идеи, но согласился участвовать.

– Не твои?

– *Matrem tuam*, с чего бы я перед ними приперся?! – вспыхнул Богдан.

Я точно знала, что мы ни при чем. К счастью, Хан поверил.

– А что... – начала было я, но Хан перебил:

– Значит, так, слушаем нас и выполняем без разговоров. Марш в подпол. Ева, там натягивай панталоны и загадывай желание. У нас гости с кучей оружия и бронев автомобилями. Все, по местам. Богдан, за мной.

Ева молча потащила меня за собой. Я находилась в каком-то ступоре. Мужчины были очень серьезны, а я даже не знала, что нам угрожает. Но я же врач, может, мне не надо уходить. Мало ли что. Ева же открыла подпол, прикрытый ковриком, и толкала меня туда, а сама не сводила полных беспокойства глаз с Хана. Мужчины надевали противогазы и доставали оружие. Действовали слаженно и уверенно, без паники. Именно это придало мне сил.

– Ты приказ слышала? – дернула я Еву. – Не суйся, а надевай вещичку.

Она спустилась и начала натягивать панталоны, сняв перед этим штаны под юбкой. И тут удар сотряс дом до самого основания. Я испуганно вскрикнула, а Ева пронзительно завизжала. Уронила панталоны. Подняла. Руки тряслись от выстрелов и грохота над головой.

– Это избиение младенцев, – бормотала я. Там что, война?!

Как будто в подтверждение грохнуло так, что нас оглушило. Не потерять сознание помогла оседающая на пол Ева. Я кинулась к ней, затаскивая ее под кровать. Не знаю, чем это могло помочь, но сработал рефлекс. Богдан же в прошлый раз приказал мне прятаться под кроватью. А потом сверху посыпалось нам на голову. Такое ощущение, что рушился дом. Все падало и падало.

– Ева! – ударила ее по щеке, приводя в чувство. – Сколько пальцев?

– Тут темно! – простонала она.

– Нас завалило, – прошептала я. Кровать спасла. – Лежи и не шевелись. Тошнота есть? Головокружение? Нету? Отлично, легкая дезориентация сейчас пройдет.

Опомниться нам не дали. Пара мужчин в темной форме без опознавательных знаков выволокли нас наверх. У того, что осталось от дома, крыши не было.

– Нет! – прошептала я, увидев у разрушенной стены застегнутые мешки для транспортировки тел.

– Нет! – душераздирающе, пронзительно закричала Ева.

Один из мужчин в гражданском подошел к бойцам и сказал что-то негромко, указывая на нас. Тот кивнул и поднял автомат.

Все...

– Я не хочу вас! – с ненавистью закричала Ева. – Лучше бы вас никогда не было! Лучше бы Дамаль никогда вас не создала!

Автоматная очередь оглушила и оборвала ее слова. Меня поглотила темнота.

Эпилог

Придя в себя, я резко вскочила на постели. Я дома?! Родные стены моей комнаты убеждали в этом. Как я здесь оказалась?! Богдан привез? На кухне послышались шаги, звук льющейся воды. Соскочила с кровати, мимоходом отметив, что на мне моя любимая пижама, и бросилась из спальни.

– Богдан!

– Не надо так кричать, – поморщился Макс, жадно выпивая из чашки воду.

– Ты Богдана видел?

– Роуз, не знаю, что тебе приснилось, но никакого Богдана я не знаю.

– Как же, ну этот, из благотворительного фонда. Ты еще на днях нас утром с ним застал.

– Эм-м... Работать тебе меньше надо. Взяла бы отпуск.

– Я и так в отпуске, – машинально произнесла я.

– Да? А вчера говорила, что тебе сегодня днем на смену, – натурально удивился братец.

– Меня вчера дома не было.

– Издеваешься? По-твоему, я с призраком ужинал? Ты же сказала, что, пока я не поем, из дома не выйду.

Я напряженно замерла, стараясь понять, что происходит. Или я схожу с ума, или... Еве все удалось, и она изменила прошлое. Что она там кричала? В памяти всплыл пронзительный крик: «Лучше бы вас никогда не было!» И что-то о вещах Дамаль. А если Богдана в этой реальности нет?

Ничего не говоря, я бросилась обратно к себе. На столе нашла свой ноутбук. Мой, не новый, купленный мне Богданом после того, как Костик забрался ко мне за диссертацией. И диссертация... На столе лежала синяя папка с материалами по ней. Не может быть!

– Роуз, с тобой все в порядке? – заглянул ко мне Макс.

– Скажи, я на свидание с Мишей ходила? – спросила у брата, желая понять, как далеко зашли изменения прошлого.

– Нет, ты отшила его прямо у больницы.

Как же так? Хотя я тогда к нему в машину села лишь из-за Богдана, который за нами наблюдал.

– Может, передумаешь насчет него? Мне этот Стас, что крутится вокруг тебя, совсем не нравится.

Я подтянула к себе папку, куда аккуратно подшивала материалы по диссертации, и, просматривая их, ответила:

– Миша классный, я бы с ним встречалась...

Если бы не влюбилась в Богдана. А так...

– Я ему скажу! – расцвел в улыбке братец и тут же испуганно ахнул: – Эй, ты что делаешь?

– Фигня все это, – сказала я, с удовольствием разрывая на мелкие кусочки листы с заметками, над которыми так долго работала.

– Э-э-э... – Он не нашел, что сказать. Просто помнил, как я его чуть не придушила за то, что он поставил на папку чашку с чаем. – Пойду я тогда.

Пятясь, как от буйно помешанной, Макс покинул комнату. Я же не успокоилась, пока не порвала все записи на мелкие клочки. Потом удалила всю информацию с ноутбука и флешки. Стало легче. Но ровно до того момента, как я попыталась найти хоть какую-то информацию по Богдану.

Хоть убей, не помнила название благотворительного фонда, который он представлял, а их в нашей стране оказалось так много, что глаза разбегались. И фамилию его я не запомнила.

Час поисков в сети не принес ничего. Я не знала о нем ничего, кроме имени. Я даже не была уверена, что в этой реальности он существует. От отчаяния хотелось сесть на пол и завывать, но от этого шага удержал звонок в дверь.

– Богдан! – бросилась я к двери. Макс выглянул из своей комнаты и покрутил у виска, но остался на пороге ждать развития событий.

Я распахнула дверь, и улыбка моя погасла. Костик. Вот его-то я меньше всего хотела видеть. Бывший неожиданно опустился на одно колено и протянул мне открытую бархатную коробочку, в котором блестело золотое колечко.

– Розочка, я не могу без тебя!

Боже, сколько раз я мечтала об этом моменте! Чтобы до него однажды дошло, как много я значу.

В фантазиях я не заходила дальше ресторана, где он протягивает мне заветное колечко, а чтобы вот так, на пороге квартиры... Правда, коленом Костик опустился на половичок у двери, но все же. Не подозревала, что он способен на такие порывы.

– Мы же расстались?! – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнесла я, не зная, что между нами в этой реальности.

– Я буду полным дураком, если потеряю тебя. Я понял, как сильно тебя люблю...

– А диссертации больше нету, – перебила его.

– Как нету?!

– Я отформатировала флешку и диск ноутбука. Хотя... кое-что осталось. Я сейчас.

Оставив ошарашенного Костика, метнулась мимо брата, который одобрительно показал мне палец вверх, к себе в комнату и вернулась с полным мусорным ведром. Бывший уже встал с колен и переминался, не решаясь зайти. Пугал Макс, угрожающе застывший в коридоре со скрещенными руками и поигрывающий мускулами.

Я обогнула его и вышла к Костику.

– Вот, – вывернула к его ногам горку бумажных клочков.

– Что это?!

– Все, что осталось. Выбрасываю мусор из своей жизни. Хочешь – забирай. А колечко секретарше подари, девочка насосала.

С этими словами захлопнула дверь перед ошарашенным Костиком. Макс дал мне пять, и я хлопнула по его руке.

– Надо замки поменять, а то с него станется к нам залезть.

– Сегодня займусь, – кивнул он и ухмыльнулся. – А ты у меня боевая!

– Дура!!! – донеслось из-за входной двери.

– Я тебя сейчас с лестницы спущу! – гаркнул Макс, и все затихло. Мы с ним переглянулись и улыбнулись. Костик всегда был трусоват, превознося ум, а не грубую силу.

– Ты не помнишь, где ключи от моей машины?

– Да ладно?! Неужели поедешь? – удивленно хлопнул себя по бедру братец.

– Поеду. С главным поговорить надо. Не хочу с этим дерьмом рядом работать. Пусть или переводит меня, или уволюсь.

– Не знаю, какая муха тебя сегодня укусила, но мне нравится результат, – хмыкнул Макс.

– Поумничай мне, – проворчала и пошла к себе собираться.

– А Мишке я позвоню! – крикнул он мне вслед, но я отмахнулась.

До работы доехала на машине без проблем. Наверное, я столько пережила за последнее время, что прежние страхи самоуничтожились от осознания своей никчемности. Разговор с главным прошел легко.

Стоило дать понять, что я настроена увольняться, как вопрос с переводом он пообещал решить. Время до начала смены еще было, и я перелистала истории всех больных за последнее время. Как и ожидала, никакого Кристофа Морено и сбитой Максом девушки не было.

«Морено!» – пронзила меня мысль. Вот его имя и фамилию я знала. Адреса проживания не помнила, но если надо, найму частного детектива, и

его найдут. А лучше подниму свои контакты, помнится, я оперировала одного генерала...

У Морено же фирма охранная, кажется. Богдан что-то об этом говорил. Точно! Его люди дежурили тогда у нас возле особняка. Я любыми способами вытрясу из него контакты Богдана!

Нашла номер генерала и, немного поговорив с Вячеславом Павловичем о его здоровье, озвучила свою просьбу. Не отказал, пообещав перезвонить. Я немного успокоилась и смогла отработать смену.

Больные были все те же, и у меня ехала крыша оттого, что все осталось по-прежнему, но не было ни одного доказательства существования Богдана. А что, если он плод моей фантазии на почве расставания с Костиком? Слишком яркий сон, в котором я прожила большой и насыщенный кусок жизни.

Такие мысли отравляли своим ядом и вселяли сомнения. А утром меня добил звонок от генерала, который сообщил, что на имя Кристофа Морено в России не открыто никакого бизнеса. И в Москве его точно нет.

Уставшая после смены и убитая новостями, я поплелась домой. Одна радость – сегодня я на машине, и не нужно мерзнуть на остановке в ожидании автобуса.

– Миша, – натянуто улыбнулась встречающему меня молодому человеку. Без шапки, уши уже красные, в руках неизменная роза. Вот он настоящий и никуда не делся из моей жизни. Может, это знак?

– Миш, пригласи меня в театр, – слова вырвались сами собой, а сердце сжалось от тоски. Что-то подсказывало, что на этот раз я не встречу там Богдана. А вот ободренный Михаил оживился и стал спрашивать, куда бы я хотела пойти.

– Давай на «Анну Каренину» в Большой, – как мазохистка, предложила я.

– Любой каприз, – счастливо улыбнулся он. Красивый парень, молодой, умный, перспективный. Я ответила улыбкой, а вот сердце не екало. Кажется, я как последняя дурочка влюбилась в плод собственной фантазии.

Мы обговаривали день, когда я смогу пойти, и уже подходили к моей машине, как проезжающий внедорожник резко свернул к нам и затормозил. Я напряглась, вспоминая похищение, и не поверила глазам, когда из машины выскочил Богдан.

– Тебя и на день оставить нельзя! – недовольно заявил он, но взгляд был напряженный, а в глубине светлых глаз застыла тревога.

– А если я тебя не помню? – задиристо поинтересовалась я, хотя

сердце готово было выпрыгнуть от счастья из груди, и я с трудом удерживалась, чтобы не броситься ему на шею.

– У меня есть средства убеждения. Придется напомнить, что ты моя женщина! Извини, парень, но она моя и занята.

Не дав попрощаться с Михаилом, он запихнул меня к себе в джип и дал по газам.

– Богдан!

– Помнишь, – расплылся в улыбке он. – А я уже планировал тебя похитить и предаваться разврату, пока у тебя не разовьется стокгольмский синдром.

– Какой же ты идиот! Моя машина там осталась.

– Ничего, потом заберем, – отмахнулся он.

– Куда мы едем?

– Ну как же – домой, предаваться разврату. Я снял наш коттедж, и, если желаешь, можем его купить. Агентство говорило с хозяином, он не против его продать. Возражения есть?

– Нет...

Я охрипла от подступающих слез. Стало отпускать, и я поверить не могла, что он рядом. Здесь. Бросив на меня взгляд, Богдан съехал с дороги и припарковался. Кажется, мы одновременно бросились друг другу в объятия, не веря, что встретились.

– Я же не доеду, – глухо простонал Богдан. – Давай к тебе.

– У меня Макс может быть дома, и он тебя не помнит.

– Ничего, вот и познакомимся. Я попрошу у него твоей руки и совращу тебя. Нет, совращу тебя, а потом уже как честный человек женюсь.

– Дурак!

И я все же разревелась.

* * *

Как я потом узнала, в этой реальности больше нет вещей Дамаль. И только мы с Богданом и Ева с Ханом помним иное.

Богдан, к неудовольствию отца, переехал жить в Россию. Курирует филиал благотворительного фонда, открывает новые офисы по всей стране. Сейчас с иностранными инвесторами занимается строительством большого медицинского центра.

Я перевелась и работаю пока в нашей больнице в детском отделении, потом планирую уйти в новый центр. Костик завел роман с пациенткой,

которая оказалась женой какой-то шишки из министерства, и его уволили со скандалом, найдя повод.

Загородный дом мы все же купили, и я съехала, предоставив квартиру Максу. К нему перебралась его Юля, и они пробуют жить вместе.

Мы с Богданом поженились, отпраздновав свадьбу здесь и прием с гостями у его семьи. Я познакомилась с Ирен и Бертом – сестрой Богдана и ее мужем, с их отцом Вацлавом.

Богдан рассказал, что в этой реальности Хан, с которым они и раньше были как братья, – его официальный брат, так как отец его усыновил еще в детстве.

Сам Вацлав женат на матери Ирен, а в прошлой жизни она погибла, когда сестра еще была маленькой.

К счастью, все изменения, которые произошли в наших жизнях, – к лучшему. Хан с Евой ждут ребенка и обосновались жить в Ванкувере, мы летаем к ним в гости.

У нас тоже появился еще один член семьи. Нет, я пока не беременна, но мы над этим работаем. Лаки!

Я нашла котенка около нашего коттеджа. Или он меня нашел, не знаю, как правильно будет сказать.

Теперь это уже взрослый, отъевшийся и пушистый кот, но туалет в фикусе себе иногда устраивает и ботинки Богдана грызет, хулиган.

Моя мать, как и раньше, живет во Франции и замужем за Андре. Я еще раз убедилась, что некоторые встречи предопределены. Они любят друг друга и вместе без всяких волшебных панталон. Хотя я не против, когда Богдан устраивает шопинг и привозит что-нибудь сексуальное и провокационное, которое потом с горящими глазами на меня надевает лишь для того, чтобы снять.

Зачастую мы сами нашей любовью творим волшебство, и для этого вовсе не нужны особые вещи.